This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Отд. X
№ сист. мат.
хрон. кат.

STANFORD
LIBR

46293
Bogdanovich, I. F.
150336.

СОЧИНЕНІЯ

БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I

Изданіе Александра Смирдина

САНКТ[illegible]

[illegible]

1[illegible]

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ТРЕТЬЕЙ
КАЗАНСКОЙ
ГИМНАЗІИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 7 мая 1847 года.

Цензоръ *А. Крылов*

46295
Bogdanovich, I. F.
73-150336

СОЧИНЕНІЯ
БОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I.

ГТР при КГУ

Изданіе Александра Смирдина.

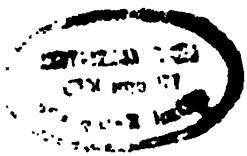
КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1848.

PG3311
B6
1848
V.1



Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к. сер.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

ВОГДАНОВИЧА.

ТОМЪ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

стр.

Душенька, древняя повѣсть 1
Перемѣны, сдѣланныя авторомъ при прежнихъ изданіяхъ «Душеньки» 123
Новыя перемѣны стиховъ при 3-мъ изданіи Душеньки. 166
Сугубое блаженство, поэма 169
Блаженство народовъ, поэма 197
О разрушеніе Лиссабона, поэма 213
Добромыслъ, старинная повѣсть 225

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Оды духовныя изъ разныхъ псалмовъ Давыдовыхъ. 243
Ода Императрицѣ Екатеринѣ II на новый 1763 г. 252
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й 257
Переводъ стиховъ Вольтера 268
Переводъ стиховъ Мармонтеля 273
Ода на взятіе Очакова. Соч. Очаковскихъ полей пастушкою 274

стр.

Пѣснь на побѣду, одержанную Россійскимъ оружіемъ надъ Шведскимъ галернымъ флотомъ, 13-го августа 1739 года 276
Пѣснь Императрицѣ Екатеринѣ II-й на миръ со Швеціею 1790 г. 279
Пѣснь на миръ между Россіею и Оттоманскою Портою 1792 г. 283
Стансы 288
Стихи Великой Монархинѣ 289
Стихи къ музамъ на Царское Село 291
Стихи къ сочинителю разныхъ новыхъ Русскихъ комедій 292
Надписи 293
Стихи на случай брачнаго торжества, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Наталіи Алексѣевны въ 1773 году 294
Стихи на бракосочетаніе Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны въ 26 день Сентября 1776 года 298
Стихи на случай, когда Великій Князь Павелъ Петровичъ и Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна удостоили посѣтить Академію Наукъ въ Октябрѣ 1776 года 300
Ода на случай коронованія Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, 15 Сентября 1801 г. 301
Портретъ Россійскаго полководца 310
Стансъ къ Михаилу Матвѣевичу Хераскову 311
Стансъ къ Л. Ѳ. М. 313
Стансъ къ Димитрію Григорьевичу Левицкому . . 316
Стихи на дачу, называемую «Красная Мыза» 1775 г. —
Философическіе мысли нѣкотораго французскаго писателя 317

стр.
Письмо поселянина къ военачальнику 318
Отвѣтъ А. А. Палицыну 321
Пѣснь храбраго шведскаго рыцаря Гаральда . . . 322
Стихи къ Климентѣ 324
Идиллія, бѣлыми стихами 326
Стихи. Подражаніе Италіянскимъ 329
Эклога 334
Элегія на смерть Галатеи 335
Ода въ честь красотѣ 337
Другая Ода, съ тѣми же рифмами противъ красоты. 338
Стихи, трояко сочиненные на одни заданныя рифмы 339
Пѣсни: I. Пятнадцать лѣтъ минуло лѣтъ . . . 340
II. Много розъ красныхъ въ лѣтѣ 342
III. У рѣчки птичье стадо 343
Старина не напечатанная 345
Пріятность простой жизни 346
Стихи на дружбу 347
Къ моему другу 348
Стихи на пословицы: не всякая любовь свершается бѣдой . . . . . —
Страхъ любви 349
Опасный случай . . . . . —
Законъ 350
Рецептъ больному 351
Вкусъ возраста . . . . . —
Умѣренность 352
Поневѣ . . . . . —
Деньги 353
Эпиграммы: I. 354
II. На самохвальство . . . . . —
III. На злорѣчіе 355
IV. Безчестнаго приятѣля . . . . . —
Загадки (четыре) 356
Эпитафія Василью Григорьевичу Рубану 360

стр.

Нравоучительныя басни:

I. Тщеславіе 361

II. Неумѣренность 363

Превращеніе пастуха въ рѣку и происхожденіе болота 365

Превращеніе купидона въ бабочку 367

Притча. Скупой 369

Басни: I. Пчелы и шмель 370

II. Слухъ и видѣніе 371

III. Левъ и ребята 372

IV. Журавли и комаръ 373

V. На пословицу: «воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя» 374

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ. ЧАСТЬ 1-я.

Предисловіе отъ сочинителя 377

Благовѣріе 379

Ханжество 382

— Служба Государю 383

Почтеніе къ высшимъ 385

— Нужная терпѣливость 386

Благосердіе 388

Благоразсудительность 390

— Человѣколюбіе 396

Несчастіе не есть порокъ 400

— Терпѣливость временныхъ претерпѣній . . . 413

Терпѣливость пороковъ юности 415

Терпѣливость нравовъ и разсужденій 417

— Терпѣливость просторѣчія 419

Терпѣливость обычаевъ 421

Терпѣливость слабостей 424

Склонность людей къ пріятной жизни 428

Сила любви 430

стр.
Жестокосердіе 433
Благонравіе . . . . . —
Признательность, благодарность, долгъ . . . 435
Взаимное вниманіе, угожденіе 436
Искренность 440
Злонравіе 441
Скромность 442
Нескромность, слабоязычіе 450
Трудолюбіе 451
Нужная особенность, сбереженіе, запасливость. 455
Праздность 462
Расточеніе 466
Бѣдствіе расточителей 471
Бѣдствіе игроковъ 475

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ II-я.

Предисловіе отъ сочинителя 475
Мужество въ повиновеніи высшимъ 477
Необузданность 478
Правда 479
Вѣрность обязанностей 480
Чистая совѣсть 482
Худая совѣсть 483
Ложъ 484
Правосудіе . . . . . —
Несчастныя слѣдствія худыхъ дѣлъ 485
Нужная умѣренность въ жизни 487
Нужное терпѣнье въ жизни 491
Нужное прилѣпленіе къ дому своему 496
Полезная простота жизни 499
Стыдъ наглости 501
Стыдъ хвастовства 503
Стыдъ самохвальства 504

стр.

Глупость спѣси 305
Временная фортуна глупыхъ. 307
Воздержность, трезвость 309
Пьянство 310
Честь и польза супружества 313
Недостойная любовь 318
Важность выбора въ супружество 317
Несчастіе худаго супружества. 321

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ, ЧАСТЬ III-я.

Доброе воспитаніе 323
Правила благоповеденія 325
Слѣдствія худого воспитанія 327
Ученіе, знаніе, искусство, добрый вкусъ . . . 328
Слѣдствіе невѣжества и грубости 333
Важность выбора людей въ сообщество. . . . 337
Доброе обхожденіе 344
Знаніе свѣта и свѣтской приличности 346
Нужная свободность въ жизни. 349
Собственный присмотръ. 350
Разсмотрительность. 352
Осторожность разсужденій и рѣшеній 356
Осторожность. 359
Справедливость. 366
Мѣрность чувствительности. 371
Разсудительность. . . . . —
Слѣдствія худаго поведенія 377
Слѣдствія неразсмотрительности 378

ДУШЕНЬКА,

ДРЕВНЯЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ ВОЛЬНЫХЪ СТИХАХЪ.

Ф/I - 75

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

—

Собственная забава, въ праздные часы, была единственнымъ моимъ побужденіемъ, когда я началъ писать *Душеньку;* а потомъ общее единоземцовъ благосклонное мнѣніе о вкусѣ забавъ моихъ заставило меня отдать сочиненіе сіе въ печать, сколь можно исправленное. Потомъ имѣлъ я время исправить его еще болѣе, будучи побужденъ къ тому печатными и письменными похвалами, какія сочиненію моему сдѣланы. Пріемля ихъ съ должною благодарностію, не питаюсь самолюбіемъ столь много, чтобъ не могъ возчувствовать моего недостаточества при выраженіяхъ одного неизвѣстнаго, которому въ вѣжливыхъ стихахъ его угодно было сочиненіе, Душеньку, назвать твореніемъ самой Душеньки. Предки мои, служивъ вѣрою и правдою Государю и Отечеству, съ простымъ въ дворянствѣ добрымъ именемъ, не оставили мнѣ примѣра вознести себя

выше обыкновенной тлѣнности человѣческой. Я же, не будучи изъ числа учрежденныхъ писателей, чувствую, сколько обязанъ благодушію многихъ людей, которымъ они замѣняютъ могущія встрѣтиться въ сочиненіяхъ моихъ погрѣшности.

СТИХИ

НА ДОБРОДѢТЕЛЬ ХЛОИ.

—

Красота и Добродѣтель
Изъ вѣковъ имѣли споръ;
Свѣтъ нерѣдко былъ свидѣтель
Ихъ соперничествъ и ссоръ.
Хлоя! ты въ себѣ являешь
Новый двухъ вещей союзъ:
Не манишь, не уловляешь
Въ плѣнъ твоихъ пріятныхъ узъ;
Кто же хочетъ быть свидѣтель
Покоренія сердецъ?
Хлоиныхъ красотъ видѣцъ
Самъ узнаетъ наконецъ,
Сколь любезна Добродѣтель!

ДУШЕНЬКА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Не Ахиллесовъ гнѣвъ и не осаду Трои,
Гдѣ, въ шумѣ вѣчныхъ ссоръ, кончали дни герои, [1])
Но Душеньку пою.
Тебя, о, Душенька! на помощь призываю [2])
Украсить пѣснь мою,
Котору въ простотѣ и вольности слагаю. [3])
Не лиры громкій звукъ, услышишь ты свирѣль.
Сойди ко мнѣ, сойди отъ мѣстъ тебѣ пріятныхъ,
Вдохни въ меня твой жаръ, и разумъ мой осмѣль [4])
Коснуться счастія селеній благодатныхъ,
Гдѣ вѣчно ты безъ бѣдъ проводишь сладки дни, [5])
Гдѣ царствуютъ безъ скукъ веселости одни.
У хладныхъ береговъ обильной льдомъ Славены,
Гдѣ Фебъ туманится и кроется отъ глазъ,
Яви потоки мнѣ чудесной Иппокрены.
Покрытый снѣжными буграми здѣсь, Парнассъ [6])
Отъ взора твоего растаявалъ не разъ.
Съ тобою нѣжные присутствуютъ Зефиры, [6])
Бѣгутъ отъ мѣстъ, гдѣ ты, докучные Сатиры,
Хулы и критики, и грусти и бѣды;
Забавы безъ тебя приносятъ лишь труды:
Веселья морщатся, Амуры плачутъ сиры.

О, ты, пѣвецъ боговъ,
Гомеръ, отецъ стиховъ
Двойчатыхъ, равныхъ, стройныхъ [7])
И къ пѣнію пристойныхъ,
Прости вину мою,
Когда я формой строкъ себя не безпокою
И мѣрныхъ пѣсней здѣсь порядочно не строю. [8])
Черты, безъ равныхъ стопъ, по вольному покрою, [9])
На разный образецъ крою, [9])
И малой мѣры, и большія,
И часто риѳмы холостыя,
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ
Свободно ставлю на концахъ. [10])
А если отъ того устану,
Безтрудно и отважно стану, [11])
Забывъ чернилъ и перьевъ страхъ,
Забывъ сатиръ и критикъ грозу,
Писать безъ риѳмъ, иль просто въ прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвалъ себѣ пою,
Но чтобъ, въ часы прохладъ, веселья и покоя, [12])
Пріятно разсмѣялась Хлоя.

Издревле Апулей, потомъ де-ла-Фонтенъ,
На вѣчну память ихъ именъ,
Воспѣли Душеньку, и въ прозѣ и стихами,
Другимъ языкомъ съ нами.
Въ сей повѣсти они
Острѣйшихъ разумовъ пріятности явили;
Перомъ ихъ, кажется, что Граціи водили;
Иль сами Граціи писали то одни.

Но если подражать ихъ слогу не возможно, [13])
Потщусь за ними въ слѣдъ, хотя въ чертахъ простыхъ,
Тому подобну тѣнь представить осторожно
И въ повѣсть иногда вмѣстить забавный стихъ. [13])

Въ старинной Греціи, въ Юпитерово время, [14])
Когда размножилось властительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь, [14])
И если пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ алтарь.
Межъ многими Царями
Одинъ отличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ животовъ,
И хлѣба и скотовъ.
Бывали тамъ сосѣди
И злы и алчны такъ, какъ волки, иль медвѣди: [15])
Извѣстенъ Ликаонъ,
Котораго писалъ исторію Назонъ;
Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,
За хищныя дѣла и за кривые толки,
Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ волки.
Но тотъ, о комъ хочу разсказывать теперь, [16])
Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь:
Онъ свѣту былъ полезенъ [17])
И былъ богамъ любезенъ;
Достойно награждалъ,
Достойно осуждалъ;
И если находилъ въ подсудныхъ звѣрски души, [18])

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши,
Инымъ сурову щеть, съ когтями въ прибыль
ногъ [19]),
Инымъ ревучій зѣвъ, другимъ по парѣ рогъ.
Отъ ѣдкой древности, котора быль глотаетъ,
Архива многихъ дѣлъ давно истреблена;
Но образъ правъ его сохранно почитаетъ [19])
И самый поздній свѣтъ, по наши времена.
Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣстно, въ томъ
труждаться, [20])
Чтобъ счастіе другихъ
Скучало взорамъ ихъ, [21])
И не могли бъ они покоемъ наслаждаться:
Скупымъ опредѣлилъ у золота сидѣть,
На золото глядѣть
И золотомъ прельщаться,
Но имъ не насыщаться.
Спѣсивымъ предписалъ съ людьми не сообщаться,
И ихъ потомкамъ въ казнь давалась та же спесь, [22])
Какая видима осталась и поднесь.
Велѣлъ, чтобъ міръ ни въ чемъ не вѣрилъ
Тому, кто льстилъ и лицемѣрилъ.
Клеветникамъ въ удѣлъ,
И доносителямъ неправды Государю,
Вездѣ носить велѣлъ
Противнѣйшую харю,
Какая изъявлять клевещущихъ могла.
Такая видима была
Не въ давнемъ времени, въ Москвѣ, на маскарадѣ,
Когда, на Масляной, въ торжественномъ нарядѣ,
Народъ осмѣивалъ позорныя дѣла.

И словомъ,
Въ своемъ уставѣ новомъ
Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонравны чудаки, [23])
Съ приличной надписью носили колпаки,
По коимъ ихъ тогда скорѣе узнавали [24])
И прочь отъ нихъ бѣжали.
По доброму суду, уставъ сей былъ не строгъ [25])
И нравился народу,
Который въ дѣло чтить не могъ
Старинную дурную моду,
Когда людей бросали въ воду,
Какъ-будто рыбій родъ,
По нѣскольку на всякій годъ.
Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писатель, [26])
Который истину нерѣдко обнажалъ,
Овидій въ самой лжи правдивыхъ Музъ пріятель,
Подробно описалъ,
У Грековъ какъ дотоль бывали казни часты. [26])
Преобращенные тогда въ быковъ Церасты,
Цекроповъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
Во стадо обезьянъ,
Льстецы, за низость душъ, въ лягушки,
Непостоянные въ вертушки,
Болтливые въ сорокъ,
Жестокосердые во мраморный кусокъ,
Танталъ, Сизифъ и Иксіона,
За алчну злобу ихъ, [27])
На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
И множество другихъ
Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,

Когда бы только Царь,
Дурную въ свѣтѣ тварь
Рядя въ дурныя маски,
Наказывалъ стыдомъ.
Такая нова власть, безъ дальней людямъ казни, [28])
Держала всѣхъ въ боязни;
И добрый Царь притомъ
Друзей изъ доброй воли
Откушать хлѣба-соли
Зывалъ въ свой царскій домъ.

О, если бъ ты, Гомеръ, проснулся!
Храня твоихъ героевъ честь,
Которы, забывая месть,
Любили часто пить и ѣсть,
Ты бъ, ельша стихъ мой, ужаснулся,
Что, слабый будучи пѣвецъ,
Тебѣ дерзнулъ я наконецъ
Подобиться, стиховъ отецъ!
Возможно ль изъявить достойно
Великолѣпіе пировъ
У Царскихъ Греческихъ дворовъ,
О коихъ ты писалъ толь стройно?
Я только лишь могу сказать,
Что Царь любилъ себя казать,
Иныхъ хвалить, иныхъ тазать,
Поѣсть, попить и послѣ спать.
А за такое хлѣбосольство,
И болѣе за доброй нравъ,
Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ державъ
Явилося къ нему посольство.

Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей [28])
За то, что трехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей. [29])
Но солнце въ красотѣ своей
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ;
Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И старшихъ сестръ своихъ достоинства мрачила,
И розы красоту, и бѣлизну лилей,
И словомъ, ничего въ подобномъ видѣ ей
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что въ множествѣ вѣковъ
Блистаю толь отмѣнно,
Напрасно было бы, и было бъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь, [30])
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ потому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ, [31])
Звалась она Душа, по толку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знатоковъ,
У Русскихъ Душенька она именовалась; [31])
И пишутъ, что тогда
Изыскано не безъ труда
Къ ея названію приличнѣйшее слово, [32])
Какое было ново,
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ,
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Но часто похвалы [32])
Бываютъ межъ людей опаснѣе хулы.
Презорна спѣсь не любитъ, [33])
Когда повсюду трубитъ
Прямую правду вслухъ [34])
Болтливая богиня Слава.
Чужая честь, чужія права
Завистливыхъ терзаютъ духъ.
Такая, Душенька, была твоя прослуга,
Какъ весь Цитерскій міръ и вся его округа. [35])
Оставя древнее прекрасно божество,
Тебя особо обожали, [36])
И всѣ къ тебѣ бѣжали
Твое умножить торжество.
Соперницы своей не знала ты печали!
Веселій, смѣховъ, игръ соборъ,
Оставивъ прелести Венеры, [37])
Бѣжитъ толпою изъ Цитеры.
Богиня, обтекая дворъ,
Куда ни обращаетъ взоръ,
Не зритъ ни жертвъ, ни ѳиміамовъ; [37])
Жрецы тогда стада пасли,
И множество Цитерскихъ храмовъ
Травой и лѣсомъ поросли.
Сады богини сиротѣли,
И домъ являлъ опальный видъ;
Зефиры изрѣдка свистѣли:
Казалось ей, свистѣли въ стыдъ.
Непостоянные Амуры,
Изъ храма прелетая въ храмъ,
Къ унылой пустотѣ Натуры

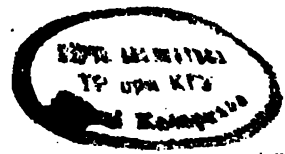
Не возмогли привыкнуть тамъ.
Оттуда всѣ летѣть хотѣли,
И всѣ вспорхнули, возлетѣли
За Душенькою въ новый путь,
Искать себѣ свободной нѣги,
Куда Зефиры стали дуть,
Куда текли небесны бѣги.
Оставшихъ малое число,
Крехтя подъ игомъ колесницы
Скучающей своей Царицы,
Вездѣ уныніе несло. [38])
Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ вѣрнымъ,
Узнала наконецъ богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скукъ и пустоты.
Хоть Душенька гнѣвить не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступи своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была;
Притомъ злорѣчивые духи,
О ней худыя сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей ниль ждали, ниль просили,
Во угожденіе богинѣ, доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Цитерскихъ слугъ число;
И что, кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно. [39])
Но чтобы дѣломъ месть
Надъ нею произвесть,

Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла на скоро въ дорожну колесницу
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить, —
И на скоро летитъ Амура навѣстить. [40])
Читатель самъ себѣ представитъ то удобно,
Просила ли его иль такъ, или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:

«Амуръ, Амуръ! вступись за честь мою и славу,
«Яви свой судъ, яви управу.
«Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слыхать:
«Простая смертная, ругаяся богами,
«Не ставитъ ни во что твою безсмертну мать;
«Уже и нашими слугами
«Осмѣлилась повелѣвать,
«И въ областяхъ моихъ надъ мной торжествовать.
«Могу ли я сносить и видѣть равнодушно,
«Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно?
«За ней гоняяся, отъ насъ отходятъ прочь
«Поклонники, друзья, Амуры и Зефиры;
«И скоро Душенькѣ послушны будутъ міры.
«Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь,
«И слышно, что беретъ себѣ ее въ супруги —
«Гречанку наглую, едва ли Царску дочь,
«Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги!
«Какой ты будешь богъ, и гдѣ твой будетъ тронъ,
«Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ,
«Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы,
«И нагло покоритъ подвластны намъ предѣлы!
«Ты знаешь, сколь сыны Юпитеровы смѣлы: [41])
«По волѣ ходятъ въ небеса,

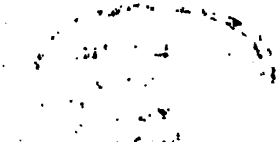
«И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.
«И можно ли терпѣть, что Душенька собою, [42])
«Безъ помощи твоей, во всѣхъ вселяетъ страсть,
«Какую возжигать одинъ имѣлъ ты власть?
«Она давно уже смѣется надъ тобою,
«И ставитъ въ торжество себѣ мою напасть.
«За честь свою, за честь Венеры,
«Яви ты строгости примѣры;
«Содѣлай Душеньку постылою вовѣкъ, [43])
«И столь худою,
«И столь дурною,
«Чтобъ каждый отъ нее чуждался человѣкъ;
«Иль дай ты ей въ мужья, кто бъ всѣхъ сыскался хуже,
«Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ [43])
«И мучила бъ себя,
«Жестокаго любя;
«Чтобъ тѣмъ краса ея увяла, [44])
«И чтобы я покойна стала.»

Амуръ желалъ тогда пресѣчь
Сію просительную рѣчь.
Хотя богинь онъ вѣдалъ свойство [45])
Всегда соперницъ клеветать,
Но долженъ былъ привесть въ спокойство
Свою прогнѣванную мать, [46])
И ей впослѣдокъ обѣщать; [46])
За дерзость Душеньку порядкомъ постращать.
Услышавъ тѣ слова, Амуры ужаснулись, [47])
Веселья ахнули, и Сѣхи содрогнулись.
Одна Венера лишь довольна тѣмъ была,



Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла: [48])
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно,
Сама рядила путь во островъ свой обратно,
И для отличности такого торжества,
Явила тутъ себя во славѣ божества. [48])
Отставлена была воздушна колесница,
Которую везла крылатая станица
Съ прохладнымъ воздухомъ, порожжую назадъ.
Богиня; учредивъ старинный свой парадъ [49])
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ее ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ; [50])
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ, [51])
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ.



И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги, [52])
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ; [53])
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
— О, если бъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ! —
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
Которымъ втунѣ тлѣетъ онъ.
Иной, приставъ къ богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту
И прохлаждаетъ жаркій лучъ,
Пуская кверху водный ключъ.
Сирены — сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,

Богиню опахалом машутъ;
Другія жъ, на струяхъ несясь, [54]).
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой
И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Ѳетида ихъ послала
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать. [55])
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры — древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на-время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ
И, съ ними спутавшись, летитъ.
Другой, невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной, пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и въ очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.

Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ;
И всѣ, въ усердіи, Венеру
Желаютъ провожать въ Цитеру.

Не въ долгомъ времени пришла къ богинѣ вѣсть,
Которую Зефиръ спѣшилъ скорѣй принесть,
Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку вѣру,
Что Душенька уже оставлена отъ всѣхъ,
И что вздыхатели, какъ-будто ей въ посмѣхъ,
Отъ всякой встрѣчи съ ней повсюду удалялись,
Или къ отцу ея во дворъ хотя являлись,
Однако въ Душеньку ужъ болѣ не влюблялись
И къ ней не подходили вблизь,
А только издали ей низко поклонялись.
Такой чудесъ престрашный родъ
Смутилъ во Греціи народъ.
Бывали тамъ потопы, моры,
Пожары, хлѣба недородъ,
Войны и внутренни раздоры,
Но случай сей для всѣхъ былъ новъ.
Сказатели различныхъ сновъ,
И вопрошатели боговъ
О томъ имѣли разны споры:
Иной предвидѣлъ добрый знакъ,
Другой сулилъ напасти скоры;
Иной, напутавъ много вракъ,
Не сказывалъ ни такъ, ни сякъ;
Но всѣ согласно утверждали,
Что чудъ подобныхъ не видали

Во Греціи съ начала вѣкъ.
Простой народъ тогда, въ печали,
Къ Венерѣ вопіять притекъ:
— За что судьбы къ народу гнѣвны?
За что вздыхатели бѣжали отъ Царевны? —
Извѣстно, что ея отмѣнная краса
Противныя тому являла чудеса.
Венера наконецъ рѣшила всѣхъ судьбину:
Явила Греціи сокрытую причину,
За что Царева дочь теряетъ прежню честь,
За что противъ себя воздвигла вышню месть, [56])
И съ видомъ грознымъ и суровымъ
Царевымъ сродникамъ велѣла быть готовымъ [57])
Еще къ несчастьямъ новымъ,
Предвозвѣщая имъ на будущіе дни
Бѣды и страшны муки,
Пока ее они [58])
Не приведутъ къ ней въ руки. [58])

Но Царь и вся родня
Любили Душеньку безъ мѣры,
Безъ ней пріятнаго не проводили дня:
Могли ль предать ее на мщеніе Венеры?
И всѣ въ единый гласъ
Богинѣ на отказъ
Возопіяли смѣло,
Что то несбыточное дѣло.
Иные подняли на смѣхъ ея алтарь,
Другіе стали горько плакать;
Другіе жъ, не дослушавъ, такать,
Когда лишь слово скажетъ Царь.

Иные, Душенькѣ въ утѣху, говорили,
Что толь особая вина
Для ней похвальна и славна,
Когда, во стыдъ богинь, ее благотворили; [58])
И что Венеры къ ней и ненависть и месть [59])
Ея умножатъ честь.
Царевнѣ жъ тѣ слова хотя и лестны были, [60])
Но были бы милѣй,
Когда бы ихъ сказалъ какой любовникъ ей. [61])
Отъ гордости она скрывала
Печаль свою при всѣхъ глазахъ,
Но втайнѣ часто унывала,
Себя несчастной называла
И часто, въ горестныхъ слезахъ,
Къ Амуру вопіяла:

«Амуръ, Амуръ, веселій богъ!
«За что ко мнѣ суровъ и строгъ?
«Давно ли всѣ меня искали?
«Давно ли всѣ меня ласкали?
«Въ побѣдахъ я вела часы,
«Могла плѣнять, любить по волѣ —
«За что теперь въ несчастной долѣ?
«Къ чему полезны мнѣ красы?
«Бѣднѣйшая въ поляхъ пастушка
«Себѣ имѣетъ пастуха:
«Одна лишь я ни съ кѣмъ не дружка,
«Не бывъ дурна, не бывъ лиха!
«Одной ли мнѣ любить зазорно?
«Но если счастье толь упорно,
«И такъ судили Небеса,

«То лучше мнѣ итти въ лѣса, [62])
«Оставить всѣхъ людей отнынѣ
«И кончить слезну жизнь въ пустынѣ!» [62])
Межъ тѣмъ, какъ Душенька, тая свою печаль
Отъ всѣхъ своихъ родныхъ, уйти сбиралась вдаль,
Они ея бѣдой не менѣе крушились, [63])
И сами ей вездѣ искали жениховъ;
Но всюду женихи страшились
Гнѣвить Венеру и боговъ,
Которы видимо противу согласились.
Никто на Душенькѣ жениться не хотѣлъ,
Или никто не смѣлъ.
Впослѣдокъ сродники, совѣтовавъ, рѣшились,
Спросить Оракула о будущихъ судьбахъ.
Оракулъ далъ отвѣтъ въ порядочныхъ стихахъ,
И къ нимъ жрецы-пророки [64])
Прибавили еще свои для толку строки;
Но тѣмъ отвѣтъ сей былъ не менѣ безтолковъ, [65])
И слово въ слово былъ таковъ:
«Супругъ для Душеньки, назначенный Судьбами,
«Есть то чудовище, которо всѣхъ язвитъ, [66])
«Смущаетъ области и часто ихъ крутитъ,
«И часто рветъ сердца, питаяся слезами, [67])
«И страшныхъ стрѣлъ колчанъ имѣетъ на плечахъ: [67])
«Стрѣляетъ, ранитъ, жжетъ, оковы налагаетъ,
«Коль хочетъ на земли, коль хочетъ въ небесахъ,
«И самый Стиксъ ему путей не преграждаетъ.
«Судьбы и боги всѣ, опредѣляя такъ,
«Сыскать его даютъ особо вѣрный знакъ: [68])
Царевну пусть везутъ на самую вершину

«Невѣдомой горы, за тридевять земель, [68])
«Куда еще никто не хаживалъ досель, [69])
«И тамъ ее одну оставятъ на судьбину,
«На радость и на скорбь, на жизнь и на кончину.»

Такой отвѣтъ весь дворъ въ боязнь и скорбь привелъ [70])
Во всѣхъ сомнѣніе и ужасъ произвелъ. [70])
О, праведные боги!
Возможно ль, чтобы вы толико были строги?
И если въ томъ какая стать,
Чтобъ Душеньку навѣкъ чудовищу отдать,
Къ которому никто не вѣдаетъ дороги?
Родные тако всѣ гласили во слезахъ;
И кои знали всяки сказки,
Представили себѣ чудовищъ злыхъ привязки
И лютой смерти страхъ,
Иль въ лапахъ, иль въ зубахъ,
Гдѣ жить ей будетъ тѣсно.
Отъ нянекъ было имъ давно не безъизвѣстно
О существѣ такихъ и змѣевъ и духовъ,
Которы широко гортани развѣваютъ,
И что притомъ у нихъ видаютъ
И семь головъ, и семь роговъ,
И семь, иль болѣе хвостовъ.
Отъ страховъ таковыхъ родные возмущались; [71])
Потомъ, безъ дальнихъ словъ,
Завыли множествомъ различныхъ голосовъ;
Царевну проводить до мѣста обѣщались,
И съ нею навсегда заранѣе прощались.

Не знали только, гдѣ была бы та гора, [72])
Къ которой Душеньку отправить надлежало:
Оракулъ не сказалъ, или сказалъ, да мало,
Въ которой сторонѣ? далече ль отъ двора?
Въ какую тамъ явиться пору,
И какъ зовутъ такую гору:
Синай или Ливанъ, иль Тавръ или Кавказъ?
И кои въ Душенькѣ высокой разумъ чтили,
Догадываясь мнили,
Что должно ѣхать ей конечно на Парнассъ. [73])
Они наслышались, что нѣкоторы Музы [73])
Имѣли съ ней союзы:
Что Душенька отъ нихъ училась пѣсни пѣть
И таинства красотъ Парнасскихъ разумѣть.
Но тѣ, которые Исторію читали,
Противу предлагали,
Что Музы изстари проводятъ въ дѣтствѣ вѣкъ,
И ни какой туда не ходитъ человѣкъ,
Что тамъ нельзя найти ей мужа,
Къ тому жъ отъ Сѣвера бываетъ часто стужа,
И у Касталъскихъ водъ,
Хоть тамъ дороги свѣты, [74])
Нерѣдко замерзалъ народъ.
Иные, изобравъ жарчайшіе климаты,
Хотѣли Душеньку во Африку везти,
Гдѣ вѣдали, что есть чудовищи въ чести; [75])
Притомъ, послѣдуя Оракулову гласу,
Хотѣли именно везти ее къ Атласу, [76])
Узнавъ, что та гора, касаяся небесъ,
Издревле множествомъ прославилась чудесъ;
И мнили, что, по сей примѣтѣ,

Оракулъ точно такъ сказалъ въ своемъ отвѣтѣ.
Тогда смѣлѣйшіе изъ плачущей родни [77])
Представили, храня ея цвѣтущи дни,
Что Душеньку легко тамъ могутъ змѣи скушать, [78])
Что въ томъ Оракула никакъ не должно слушать;
И громогласно всѣ, безъ дальняго суда, [79])
Воскликнули тогда,
Что участь Душеньки Оракулъ самъ не вѣдитъ, [79])
И что Оракулъ бредитъ.

Въ совѣтѣ наконецъ
Родня Царевнина, и паче Царь-отецъ, [80])
За лучше ставили, боговъ противясь власти, [80])
Терпѣть гоненія и всякія напасти,
Чемъ Душеньку везти
На жертву безъ пути.
Но Душенька сама была великодушна,
Сама Оракулу хотѣла быть послушна.
Иль, можетъ быть, и такъ, чтобъ мнѣ не обмануть,
Она, прискучивъ жить съ родными безъ супруга, [81])
Искала наконецъ себѣ такого друга,
Кто бъ ни былъ, гдѣ ни будь;
И чтобъ роднымъ видна была ея услуга, [82])
Въ рѣшительныхъ словахъ сама сказала имъ: [83])
«Я васъ должна спасать несчастіемъ моимъ.
«Пускай свершается со мною вышня воля; [83])
«И если я умру, — моя такая доля.»

Межъ тѣмъ, какъ Душенька вѣщала такъ отцу,
И Царь и весь совѣтъ пустились плакать снова, [84])
И въ скорби не могли тогда промолвить слова,
Лишь токи слезъ у всѣхъ ручьились по лицу.
Но самую печаль, въ прегорестнѣйшемъ плачѣ,
Впервые зрѣлъ, кто зрѣть тогда Царицу могъ:
Рвалась и морщилась она предъ всѣми паче,
И память потерявъ, валялась какъ безъ ногъ;
Иль въ горести, теряя мѣру, [84])
Ругала всячески Венеру;
Иль, крѣпко въ руки ухватя
Свое любезное дитя,
Кричала громко предъ народомъ,
И всѣмъ своимъ клялася родомъ,
Доколь она жива,
Не ставить ни во что Оракула слова;
И что ни для какого чуда
Не пуститъ дочери оттуда.
Хотя жъ кричала то во всю гортанну мочь, [85])
Однако вопреки Амуръ, Судьбы и боги,
Оракулъ и жрецы, родня, отецъ и дочь,
Велѣли сухари готовить для дороги.

. . . . . .

Во время оныхъ лѣтъ
Оракулъ въ Греціи столь много почитался,
Что каждый исполнять слова его старался,
И самъ искалъ себѣ преднареченныхъ бѣдъ,
Дабы сбывалось то неложно,
Что только предсказать возможно.
Царевна оставляетъ градъ;
Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.

Куда? — отъ всѣхъ то было тайно.
Царевна наконецъ умомъ
Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
Она рѣшила обычайно,
Сказала всей роднѣ своей,
Чтобъ только въ путь ее прилично снарядили,
И въ колесницу посадили
Пустя по волѣ лошадей, [86])
Безъ кучера и безъ возжей. [86])
«Судьба, сказала, будетъ править,
«Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
«Къ жилищу радостей, иль бѣдъ, [87])
«Гдѣ должно вамъ меня оставить.» [87])
По таковымъ ея словамъ,
Не долго были сборы тамъ.
Готова колесница,
Готова Царска дочь, и вмѣстѣ съ ней Царица, [88])
Котора Душеньку, не могши удержать,
Желаетъ провожать.
Тронулись лошади, не ждавъ себѣ уряда:
Везутъ ее безъ поводовъ, [89])
Везутъ съ двора, везутъ изъ града,
И наконецъ везутъ изъ крайнихъ городовъ.

Въ сей путь, короткій или дальній,
Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.
Шестнадцать человѣкъ несли вокругъ свѣчи
При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи;
Шестнадцать человѣкъ, съ печальною музыкой,

Унывный пѣли стихъ въ протяжности великой;
Шестнадцать человѣкъ, немного тѣхъ позадь,
Несли хрустальную кровать,
Въ которой Душенька любила почивать;
Шестнадцать человѣкъ, поклавши на подушки,
Несли Царевнины тамбуры и коклюшки,
Которы клала тамъ сама Царица-мать,
Дорожный туалетъ, гребенки и булавки,
И всякія къ тому потребныя прибавки.
Потомъ въ парадѣ шелъ жрецовъ усастыхъ полкъ,
Стихи Оракула неся передъ собою.
Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ различный толкъ, [90])
И всякъ желалъ притомъ скорѣй дойти къ покою.
За ними шелъ синклитъ и всякъ высокій чинъ;
Впослѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать-Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ;
То былъ плачевный урнъ, какой старинны Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ навѣки.
Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ прося о всякомъ благѣ,
И предая Судьбамъ расправу царскихъ дѣлъ,
Свободно на пути вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ
Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.
Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая, куда везутъ и дочь и мать;

Другіе же, по виду, мнили,
Что Душеньку везутъ живую погребать.
Иные по пути сорили
Предъ нею вѣтви и цвѣты,
Другіе тутъ же гимны пѣли, [91])
Прилично славя красоты,
Какія въ первый разъ узрѣли;
Другіе жъ божествомъ [92])
Царевну называли,
И возвратяся въ домъ,
За диво возвѣщали. [92])
Вотще жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честь
Прогнѣваетъ Венеру,
И, слѣдуя манеру,
Толчкомъ, и какъ ни есть,
Хотѣли прочь отвесть
Народъ отъ сей напасти;
Но всѣ, противу власти,
Забывъ Венеры вредъ
И всю возможность бѣдъ,
Толпами шли насильно
За Душенькою въ слѣдъ
Усердно и умильно.

Уже, чрезъ нѣсколько недѣль,
Проѣхали они за тридевять земель,
Но ни единаго пригорка не видали, [93])
И кои болѣе устали,
Со всякой бранью возроптали,
Что шли куда не знали.

Впослѣдокъ ѣдучи путемъ и вдоль и вкругъ,
Къ одной горѣ они лишь только подступили,
Тутъ сами лошади остановились вдругъ, [94])
И далѣе не шли, сколь много ихъ ни били.
Тутъ всѣ Судебъ тогда признаки находили; [95])
Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили,
И всѣ сказали вдругъ, что должно точно тамъ,
На высотѣ горы, Оракуловымъ словомъ,
Оставить Душеньку у неба подъ покровомъ.
Вручаютъ всѣ ее хранителямъ-богамъ,
Ведутъ на высоту по камнямъ и пескамъ,
Гдѣ знака нѣтъ дороги;
Едва подъемля вверхъ свои усталы ноги,
Чрезъ камни, чрезъ бугры и чрезъ глубоки
рвы,
Гдѣ нѣтъ ни лѣсу, ни травы,
Гдѣ алчные рыкаютъ львы.
И хоть жрецы людей къ отвагѣ
Увѣщавали въ сихъ мѣстахъ,
Но всѣ, при каждомъ шагѣ, [96])
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя пещеры,
И къ верху крутизны,
И къ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ мѣры.
Инымъ являлись тамъ Мегеры, [97])
Инымъ летучи Дромадеры,
Инымъ Драконы и Церберы,
Которы ревами, на разные манеры,
Глушили слухъ,
Мутили духъ.

Таковъ былъ путь, куда Царевна торопилась,
Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехтя толпилась. [98])
Осталась позади одна Царица-мать,
Не могши далѣе полугоры шагать, [98])
И съ Душенькой навѣкъ, поплакавъ, тамъ простилась.
При трудностяхъ тогда Царевнина кровать [99])
Въ рукахъ несущихъ сокрушилась.
И многіе отъ страха тутъ,
Имѣя многой трудъ,
Не мало шапокъ пороняли,
Которы на-подхватъ Драконы пожирали. [100])
Иные по кускамъ одежды изодрали,
И наготы имѣя видъ,
Едва могли прикрыть отъ глазъ сторонихъ стыдъ.
Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,
И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.
Но можно ль описать перомъ
Царя тогда съ его дворомъ,
Когда на верхъ горы съ Царевной всѣ явились?
Читатель самъ себѣ представитъ то умомъ.
Я только лишь скажу, что съ нею всѣ простились;
И напослѣдокъ Царь, согнутый скорбью въ крюкъ,
Насильно вырванъ былъ у дочери изъ рукъ.
Тогда и дневное свѣтило,
Смотря на горесть сихъ разлукъ,
Казалось, будто сократило
Обыкновенный въ мірѣ кругъ,

И въ воды спрятаться спѣшило.
Тогда и ночь,
Одну увидѣвъ Царску дочь,
Покрылась чернымъ покрываломъ,
И томнѣйшимъ лучемъ едва свѣтящихъ звѣздъ,
Открыла въ мрачности весь ужасъ оныхъ мѣстъ.
Тогда и Царь скорѣй предпринялъ свой отъ-
ѣздъ,
Не вѣдая конца за толь слѣпымъ началомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Но гдѣ возьму черты
Представить страхъ, какой являла вся Природа,
Увидѣвъ Душеньку въ пространствѣ темноты,
Оставшу безъ отца, безъ матери, безъ рода
И, словомъ, вовсе безъ людей,
Между Драконовъ и звѣрей?
Тутъ все, что Царска дочь отъ нянюшекъ слы-
хала
И что въ чудеснѣйшихъ исторіяхъ читала, [101])
Представилось ея смущенному уму.
Страшилища духовъ, волшебные призраки,
Различныхъ тамъ смертей являли ей признаки,
И мрачной ночи сей усугубляли тму.
Но Душенька едва уста свои открыла
Промолвить жалобу, не высказавъ кому, [102])

Какъ вдругъ чудесна сила,
На крылѣхъ вѣтреныхъ взнесла ее надъ міръ. [102])
Невидимый Зефиръ,
Ея во оный часъ счастливый похититель,
И спутникъ и хранитель,
Неслыханну дотоль увидѣвъ красоту, [103])
Запомнилъ Душеньку увѣдомить сначала,
Что къ ней щедротна власть тогда повелѣвала [104])
Ее съ почтеніемъ восхитить въ высоту;
И мысли устремивъ къ особенному диву,
Взвѣялъ лишь только ей покровы на лету.
Увидя жъ Душеньку отъ страха еле живу,
Оставилъ свой восторгъ и страхъ ея пресѣкъ, [104])
Сказавъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
Что онъ несетъ ее къ блаженнѣйшему міру,
Къ супругу, коего Оракулъ ей пророкъ;
Что сей супругъ давно вздыхаетъ безъ супруги;
Что къ ней полки духовъ [105])
Назначены въ услуги,
И что онъ самъ упасть къ ногамъ ея готовъ,
И множество къ тому прибавилъ лестныхъ словъ.
Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостьми очесъ,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали.
Не въ долгомъ времени Зефиръ ее вознесъ
Къ незнаемому ей селенію небесъ, [105])
Поставилъ средь двора, и вдругъ оттоль исчезъ.
Какая Душенькѣ явилась тма чудесъ! [106])
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ древесъ
Великолѣпные представились чертоги,

Открыли царство тамъ и Флоры и Помоны,
Каскады и пруды [118])
И чудные сады. [118])
Оттуда сорокъ Нимфъ вели ее въ чертоги,
Какіе созидать удобны только боги, [119])
И тамо Душеньку, въ прохладѣ отъ дороги,
Въ готовую для ней купальню привели.
Амуры ей росы чистѣйшей принесли,
Котору, вмѣсто водъ, повсюду собирали.
Зефиры воздухъ тамъ дыханьемъ согрѣвали,
Изъ разныхъ ароматъ вздували пузыри,
И благовонныя устроивали имъ, [120])
Какими моются Восточные Цари,
И коихъ вѣдома бодрительная сила. [121])
Царевна въ оный часъ, хотя и со стыдомъ,
Со срамомъ и трудомъ,
Какъ водится притомъ,
Взирая на обновы,
Какія были тамъ на выборъ ей готовы, [122])
Дозволила сложить съ красотъ своихъ покровы.
Полки различныхъ слугъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ, [123])
Безъ вздоховъ не могли оттуда выйти вонъ,
И даже за дверьми, не бывъ тогда въ услугѣ,
Охотно слѣдъ ея лобзали на досугѣ. [123])
Зефиры лишь одни, имѣя входъ вездѣ, [124])
Зефиры хищные, затѣмъ что ростомъ мелки, [124])
У оконъ и дверей нашли малѣйши щелки,
Прокрались между Нимфъ и спрятались въ водѣ,
Гдѣ Душенька купалась. [125])
Она предъ ними тамъ во всей красѣ являлась,

Иль, паче, имъ касалась;
Но Душенька о томъ никакъ не догадалась.

Зефиры! коихъ я пресчастливыми чту, [126])
Вы, кои видѣли Царевны красоту, [126])
Зефиры! вы меня, какъ должно, научите
Сказать читателямъ, иль сами вы скажите
И части, и черты, [127])
И всѣ пріятности Царевнины подробно,
Которыхъ мнѣ перомъ представить не удобно: [128])
Вы видѣли тогда не сонъ и не мечты....
Но здѣсь молчите вы.... молчанье разумѣю. [129])
Къ изображенію божественныхъ даровъ
Потребенъ вамъ и мнѣ особый даръ боговъ;
Я здѣсь красотъ ея описывать не смѣю. [130])

Царевна, вышедши изъ бани наконецъ,
Со удовольствіемъ раскидывала взгляды [131])
На выбранны для ней и платья и наряды, [131])
И нѣкакой вѣнецъ.
Ее одѣли тамъ, какъ Царскую особу,
Въ богатѣйшую робу.
Не трудно разумѣть, что для ея услугъ
Горстями сыпались каменья и жемчугъ,
И всяки рѣдности невидимая сила,
По слову Душеньки, мгновенно приносила;
Иль Душенька тогда лишь только что помнила, [132])
Желаемая вещь предъ ней являлась вдругъ. [132])
Плѣняяся своимъ прекраснѣйшимъ нарядомъ,
Желаетъ ли она смотрѣться въ зеркала? —
Они раждаются ея единымъ взглядомъ

И по стѣнамъ предъ ней стоятъ великимъ рядомъ, [133])
Дабы краса ея удвоена была.
Увидѣвъ тамъ себя, лицомъ, плечомъ и задомъ,
Отъ головы до ногъ,
Легко могла судить Царевна на досугѣ
О будущемъ супругѣ,
Что онъ, какъ видно, былъ гораздо не убогъ.
Межъ тѣмъ къ ея услугѣ
Въ особой комнатѣ явился столъ готовъ. [134])
Приборы для стола и яствы, и напитки,
И сласти всѣхъ родовъ
Являли тамъ вещей довольство и избытки;
Не менѣе и то, что̀ только для боговъ [134])
Въ роскошнѣйшемъ жилищѣ
Могло служить къ ихъ пищѣ,
Стояло передъ ней во множествѣ рядовъ.
Иной вкусивъ, она печали забывала, [135])
Другая ей красотъ и силы придавала.
Амуры, бѣгая усердіе явить, [135])
Хозяйски должности старались раздѣлить.
Иной во кравчихъ былъ, другой носилъ посуду, [136]).
Иной уставливалъ,— и всякъ совался всюду; [136])
И тотъ считалъ себѣ за превысоку честь,
Кому изъ рукъ своихъ домова ихъ богиня [137])
Полрюмки нектару изволила поднесть;
И многіе предъ ней стояли ротъ розиня:
Хотя Амуры въ томъ,
По правдѣ, жадными отнюдь не почитались
И болѣ, нежели виномъ,
Царевны зрѣніемъ въ то время услаждались. [138])

Межъ тѣмъ надъ ней съ верховъ,
Въ чертогахъ безпечальныхъ,
Раздался сладкій звукъ орудій музыкальныхъ,
И пѣсень ей похвальныхъ,
Какія могъ творить лишь только богъ стиховъ. [139])
Вначалѣ райскія пѣвицы [139])
Воспѣли красоту сей новой ихъ Царицы.
Читатель знаетъ самъ, пріятна ль ей была
Такая похвала.
Но, впрочемъ, Душенька рѣшить не возмогла, [140])
Пріятство ль голосовъ, достоинство ль скрипицы,
Согласіе ли арфъ, иль флейту предпочесть:
Въ искусствѣ всѣ они имѣли равну честь, [141])
И всѣ исполнены единымъ были духомъ,
Чтобъ Душенька въ раю
Познала часть свою
Прикосновеніемъ, устами, окомъ, слухомъ.
Коль можно почитать за правду всѣ слова,
У Грековъ есть молва,
Что будто бы къ сему торжественному хору
Нарочно сысканы Орфей и Амфіонъ,
И будто, въ Душеньку влюбяся по разбору,
Игралъ и правилъ тамъ оркестромъ Аполлонъ.

Впослѣдокъ хоръ пѣвицъ, протяжистымъ манеромъ,
Съ приличнымъ нѣкакимъ размѣромъ,
Воспѣлъ стихи, возвысивъ тонъ,
Толико медленно, толико слуху внятно, [142])
И ихъ сложеніе плѣняло толь пріятно, [142])
Что Душенька легко слова переняла,

Легко упомнить ихъ могла,
И скоро затвердила,
И по всему двору впослѣдокъ распустила. [143])
Потомъ [illegible]ые Зефиры разнесли
Стихи сіи отсель по всѣмъ концамъ земли;
Потомъ [illegible]ы и къ намъ они дошли: [144])
«Любовь всѣ сердца причастны,
«И сами боги ей подвластны.
«Познай ты, Душенька, любовь —
«И счастіе познаешь вновь.»

Трикратно пѣсня та предъ Душенькой про-
нѣта, [144])
И пѣли наконецъ Царевнѣ многа лѣта.
Потомъ одна изъ Нимфъ явилась доложить, [145])
Что время ей уже въ постелѣ опочить. [145])
При словѣ опочить Царевна покраснѣла,
И какъ невѣста обробѣла,
Однако спорить не хотѣла.
Раздѣта Душенька; ведутъ ее въ чертогъ,
И тамъ, какъ надобно, къ покою отъ дорогъ; [146])
Кладутъ ее въ постель на нѣкоемъ престолѣ
И, поклонившись ей, уходятъ всѣ оттолѣ.
Незнаемо отколь тогда явился вдругъ [147])
Въ невидимомъ лицѣ невѣдомый супругъ. [147])
А если спросятъ, какъ невидимый явился?
Не трудно отвѣчать: явился онъ въ-потмахъ,
И былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ
очахъ; [148])
Какъ Духъ, или колдунъ, онъ былъ, но не от-
крылся.

Никто не смѣлъ раскрыть завѣсу дѣлъ ночныхъ. [149])
Не знаю, что они другъ съ другомъ говорили
Ни околичностей, притомъ какія были; [149])
Навѣки тайна та осталась между нихъ.
Но только поутру примѣтили Амуры,
Что Нимфы межъ собой смѣялись подтишкомъ,
И гостья, будучи стыдлива отъ натуры,
Казалась между нихъ съ завѣшеннымъ ушкомъ.

Супружество могло Царевнѣ быть пріятно, [150])
Лишь только таинство казалось непонятно: [150])
Супругъ у Душеньки, сказать, и былъ и нѣтъ;
Пріѣхалъ ночью къ ней, уѣхалъ до разсвѣта,
Безъ имени, безъ лѣтъ,
Безъ росту, безъ примѣтъ,
И вмѣсто должнаго отвѣта,
Скрывая, кто онъ былъ, на Душенькинъ вопросъ,
Просилъ, увѣщавалъ, для нѣкакихъ ей грозъ,
Чтобъ видѣть до поры супруга не желала;
И Душенька не знала,
Съ какимъ чудовищемъ, иль богомъ ночевала.
Не слыханъ былъ подобный бракъ. [151])
Царевна, думая и такъ о томъ и сякъ, [151])
Развязку тайны сей въ Оракулѣ искала.
Оракулъ ей давно супруга описалъ
Страшилищемъ ужаснымъ:
Супругъ съ Оракуломъ казался быть согласнымъ,
Какъ будто онъ себя за тѣмъ и не казалъ.
Хотя же Душенька противно бъ разумѣла, [152])
Касавшись до супружня тѣла,

Тогда служащія дѣвицы, всемъ соборомъ,
Царевну вновь одѣть пришли
И сорокъ платьевъ принесли,
Со всѣмъ къ тому приборомъ.
Въ сей день она себѣ назначила нарядъ,
Который былъ простѣе;
За тѣмъ что Душенька спѣшила поскорѣе
Увидѣть рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ.
Я, въ томъ послѣдуя Царевнину уставу, [163])
Сей домъ представить поспѣшу,
И все подробно опишу,
Что только лишь могло ей тамъ принесть забаву. [164])
Въ началѣ Душенька по комнатамъ пошла,
И тамо бѣгая, нигдѣ не пробѣжала [165])
Покоя, ни угла, [165])
Въ которомъ бы она на часъ не побывала;
Оттуда въ бельведеръ, оттуда на балконъ,
Оттуда на крыльцо, оттуда внизъ — и вонъ,
Чтобъ видѣть домъ со всѣхъ сторонъ.
Толпа дѣвицъ за ней бѣжать не успѣвала,
Зафиры лишь одни ей слѣдовать могли, [166])
И Душеньку вездѣ, какъ должно, берегли,
Чтобъ какъ ни есть она, бѣжавши, не упала.
Она смотрѣла раза три
Сей домъ снаружи и внутри.
Межъ тѣмъ Зефиры и Амуры
Казали ей архитектуры
И всяки рѣдкости натуры,
Которы Душенька, оглядывая вкругъ, [167])
Желала видѣть вдругъ,

И что смотрѣть, не знала;
Одна передъ другой со споромъ взоръ плѣняла, [168])
И Душенька бъ еще пошла по всѣмъ мѣстамъ,
Когда бъ отъ бѣгу тамъ
Впослѣдокъ не устала.

Во отдыхѣ жъ она, отъ спхъ тогда трудовъ, [169])
Смотрѣла статуи славнѣйшихъ мастеровъ:
То были образцы красавицъ безподобныхъ,
Которыхъ имена, и въ прозѣ, и въ стихахъ,
Въ различныхъ повѣстяхъ, и кратныхъ и подробныхъ,
Безсмертно царствуютъ въ народахъ и вѣкахъ. [170])
Калисто, Дафнія, Армида, Ніобея,
Елена, Граціи, Ангелика, Хринея,
И множество другихъ богинь и смертныхъ женъ,
Очамъ являясь живо,
Во всей красѣ, на диво,
Стояли тамъ у стѣнъ.
Но по срединѣ ихъ вначалѣ,
На нѣкомъ высшемъ пьедесталѣ
Самой Царевны ликъ стоялъ, [171])
И болѣ красотой другіе превышалъ. [171])
Смотря на образъ свой, она сама дивилась,
И внѣ себя остановилась.
Другая статуя казалась въ ней тогда, [172])
Какой вовѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.

Конечно, Душенька и долѣ бъ такъ осталась [172])
Смотрѣть на образъ сей,

Которымъ обольщалась;
Но слуги, бывшіе при ней,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей [172])
Для новой глазъ ея забавы, [173])
Другіе образы красотъ ея и славы:
До пояса, до ногъ, въ весь ростъ, до самыхъ пятъ,
Изъ злата, изъ сребра, изъ бронзы, иль изъ стали,
И головы ея, и бюсты, и медали;
А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
Въ сихъ видахъ новую безцѣнность представляли.

Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ, [174])
Который кисть его водилъ своей рукою,
Представилъ Душеньку со всею красотою,
Какой дотолѣ умъ вообразить не могъ.
Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ? [175])
Въ иной Фауны въ ней несутъ Помонинъ рогъ,
И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ долинахъ, [175])
И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ круговинахъ;
Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на груди,
Палладой нарядясь, грозитъ на лошади,
И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ взоромъ [176])
Разитъ сердца пріятнымъ моромъ.
А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣшивъ и сѣдъ,
Съ обновою морщинъ на старолѣтней рожѣ,
Старается забыть, что онъ давнишній дѣдъ:

Прямитъ свой дряхлый станъ, желаетъ быть моложе, [177])
Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,
И видѣть Душеньку вздѣваетъ онъ очки;
А тамъ она видна, подобяся Царицѣ,
Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ.
Прекрасной Душеньки за честь и красоту,
Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лету:
Летятъ великою толпою,
И всѣ они несутъ колчаны за плечми,
И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,
Летятъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ войною.
А тамъ свирѣпый Марсъ, рушитель мирныхъ правъ,
Увидѣвъ Душеньку, являетъ тихой нравъ:
Полей не обагряетъ кровью,
И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,
Смягченъ у ногъ ея, пылаетъ къ ней любовью.
А тамъ является она среди Утѣхъ, [178])
Которы ей вездѣ предходятъ,
И вымыслами игръ повсюду производятъ [179])
Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.
А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,
Ее различными цвѣтами украшаютъ,
И тихо вкругъ ея летающій Зефиръ
Рисуетъ образъ сей, чтобъ имъ украсить міръ;
Но въ ревности отъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы странясь отъ критикъ злокрамольныхъ, [180])
Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть красотъ;

И многія изъ нихъ, конечно чудесами, [181])
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами.
Вездѣ въ чертогахъ тамъ
Царевниныхъ очамъ
Торжественны ей въ честь встрѣчалися предметы: [182])
Вездѣ ея портреты
Являлись по стѣнамъ, [183])
Въ простыхъ уборахъ и нарядныхъ,
И въ разныхъ платьяхъ маскарадныхъ.
Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша: [185])
По образу ль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша — [184]):
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали, [185])
Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали, [186])
Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали, [186])
Амуры, наконецъ,
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ,
Различные уборы,
Могущіе привлечь твои прелестны взоры.
Угоденъ ли какой нарядъ
И надобны ль тебѣ обновы? —
Увидишь, что они готовы,
Что твой уже примѣченъ взглядъ,
И изъ твоей воздушной свиты
Зефиръ пришелъ тебѣ донесть,

Что всѣ обновы были сшиты:
Когда прикажешь ихъ принесть?

Желалъ бы описать подробно
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно;
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь — и потомъ
Палаты забываю.
Не всякъ ли домъ, не всякъ ли край
Ея присутствіемъ преобращался въ рай?
Не ею ль рай имѣлъ и бытность и начало?
И если я сказалъ о сихъ палатахъ мало,
Конечно, въ томъ меня читатели простятъ:
Я долженъ слѣдовать за Душенькою въ садъ,
Куда она влечетъ и мысли всѣхъ и взглядъ.

Въ счастливыхъ сихъ мѣстахъ земля была
нагрѣта [187])
Всегдашнимъ жаромъ лѣта, [187])
И щедро въ круглый годъ
Произращала плодъ
Безъ всякихъ непогодъ.
Толпа къ Царевнѣ слугъ на встрѣчу прилетѣла, [188])
И каждый тщился тамъ не быть при ней безъ
дѣла:
Водить, разсказывать иль просто забавлять.
Весь дворъ внималъ тому, что Душенька хотѣла, [189])
Побѣгать, погулять; [189])

И въ рощахъ, иль въ садахъ, гдѣ только лишь
являлась,
Ея пришествіемъ натура обновлялась. [190])
Древа склоняли къ ней листы,
Какъ будто бы тогда влеченіе познали, [191])
И тихимъ шумомъ лишь другъ другу возвѣщали
Подъ тѣнію своей Царевны красоты; [191])
И травы и цвѣты,
Раскидываясь вновь въ сей день, для нихъ пріятный,
Удвоили въ садахъ свой запахъ ароматный.
Но болѣ тамъ ясминъ предъ прочими блисталъ,
И гдѣ Царевна шла, на встрѣчу выросталъ. [192])
Она ясминный духъ съ отмѣною любила,
И тѣ цвѣты себѣ въ букетъ употребила.
Счастливый сей букетъ, приколотый на грудь,
Какъ будто оживленъ, клонился къ ней при-
льнуть. [193])
Приникли хоры птицъ, подслушавъ шумъ древес-
ный,
И за Амурами стремились въ путь извѣстный, [193])
Чтобъ Душеньку увидѣть вблизь:
Одни надъ нею вкругъ вились,
Другія передъ ней летали,
И много межъ собой въ семъ дивѣ щебетали.
Не видно было тамъ ночныхъ зловѣщихъ птицъ,
Ниже угрюмыхъ лицъ;
Не смѣли приставать сварливые Сатиры, [194])
И вѣяли одни тишайшіе Зефиры. [194])
Фонтаны силились подняться въ высоту,
Чтобъ лучше видѣть имъ Царевны красоту,

Которую толпа окружна заслоняла;
И если Душенька вблизи отъ нихъ гуляла,
Они стремились пасть съ высотъ къ ея ногамъ.
Въ водахъ, плескаючись, Наяды
Нетерпѣливо ждали тамъ
Ея пришествія къ счастливымъ ихъ брегамъ.
Иныя взлѣзли на каскады,
Смотрѣть на путь ея, главы свои поднявъ, [195])
И Душеньку узрѣвъ, бросались къ ней стремглавъ;
Въ семъ общемъ торжествѣ натуры,
И сады каменны надъ токами фигуры,
Отъ удивленія вездѣ разинувъ ротъ,
Изъ внутренностей вдругъ пускали много водъ.
Сей видъ представилъ ей различныхъ тварей родъ
Въ изображеніяхъ неисчислимо многихъ:
Ползущихъ, скачущихъ, пернатыхъ, четвероногихъ;
И всѣ творенія и чуды естества
Явилися тогда въ счастливой сей державѣ [196])
Къ услугамъ Душеньки, или къ ея забавѣ,
Иль къ славѣ торжества. [196])
Оттуда шла она въ покрытыя аллеи,
Которыя вели въ густой и темный лѣсъ.
При входѣ тамъ, въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
Открылись новыя художныя затѣи.
Богини, боги, Феи,
Могучіе богатыри
И славные Цари,
Въ быляхъ и въ небылицахъ,
Являлись тамо въ лицахъ,
Съ описаніемъ, откуда кто, каковъ;

И словомъ, то была исторія вѣковъ.
Притомъ услужные Амуры
Различны повѣсти старались разсказать;
И тамо Душенька, среди чудесъ натуры,
Нашла въ явленіяхъ свой родъ, отца и мать;
И съ самой точностью, въ безлюдной сей пу-
стынѣ,
Весь міръ явился ей какъ будто на картинѣ.
Хотя къ гулянье по лѣсамъ
Особо Душенька любила,
И послѣ каждый день ходила,
Со свитой и одна, къ тѣнистымъ симъ мѣстамъ: [197])
Но въ сей начальный день не шла въ густыя
рощи,
Иль ради наступившей ночи,
Или, не зря дороги въ лѣсъ,
Боялась всякихъ тамъ чудесъ,
Иль нѣжныя въ ходьбѣ ея устали ноги;
И Душенька оттоль пошла назадъ къ чертогамъ.
Не стану представлять
Читателю предъ очи
Пріятны сны ея въ послѣдованіи ночи;
Онъ самъ удобно ихъ возможетъ отгадать. [198])
Но дни бывали тамъ причиною разлуки,
И дни, среди утѣхъ, свои имѣли скуки.
По слуху, говорятъ,
Что Душенька тогда пускалася въ нарядъ; [199])
Особо же во дни, когда сбиралась въ садъ,
Со вкусомъ щеголихъ обновы надѣвала.
На свѣтѣ часто слухъ имѣетъ правды складъ:

Прилично было то, чтобъ Душенька гуляла,
И скуку иногда гульбою прогоняла. [199])

Въ одинъ изъ оныхъ дней,
Прошедши въ лѣсъ далече,
Царевна тамъ на встрѣчѣ
Увидѣла ручей,
Который по дубровѣ,
Какъ будто бы на зовъ,
Предъ нею вытекъ вновѣ.
Но красота береговъ,
При токѣ водъ хрустальныхъ,
Скрывалась въ рощахъ дальныхъ.
И обольщенный взоръ
Вела потомъ до горъ,
Откуда чисты токи,
Прервавъ земли упоръ,
Давали ей изъ норъ
Растительные соки.
Тогда открылся гротъ,
Устроенный у водъ
По новому манеру;
Онъ велъ потомъ въ пещеру,
Гдѣ солнечны лучи
Свѣтили лишь при входѣ,
И гдѣ журча ключи,
Подобно какъ въ ночи,
Во мрачнѣйшей свободѣ
Являли скрытый видъ,
Иль таинство въ природѣ.
Исторія гласитъ

И знаютъ то въ народѣ,
Что Душенька, вошедъ
Въ невѣдомый ей слѣдъ,
При темномъ дѣлъ началѣ,
Итти не смѣла далѣ.
Но чудомъ тамо вдругъ,
Безъ всякой дальней рѣчи,
Невидимо супругъ
Схватилъ ее подъ плечи,
И въ самой темнотѣ,
На нѣкой высотѣ,
Изъ дерновъ зеленистыхъ,
При токахъ водъ ручьистыхъ,
Съ собою посадилъ
И много говорилъ
И прозой, и стихами,
Какъ водится межъ нами.
Не вѣдаетъ никто,
Въ какихъ словахъ на то
Царевна отвѣчала;
Извѣстно только намъ,
Что послѣ къ симъ мѣстамъ
Дорожку протоптала.
Съ тѣхъ поръ Царева дочь
Часы и въ день и въ ночь
Съ супругомъ провождала,
И болѣ всѣхъ охотъ
Любила темный гротъ.
Когда же застигалась
Ночною темнотой,
То вмѣстѣ возвращалась

Съ супругомъ въ свой покой.
Тогда воздушна колесница
Несла ихъ въ облакѣ густомъ
Подъ темнымъ нѣкакимъ шатромъ;
И каждый день сихъ мѣстъ Царица,
Спокоенная сладкимъ сномъ,
Пускалась въ прежній путь потомъ,
Изъ дома въ гротъ, изъ грота въ домъ.

Но разумъ требуетъ себѣ часовъ свободы,
Скучаетъ проводить въ любови цѣлый день.
Царевна, слѣдуя уставу въ томъ природы,
Тогда изобрѣла потѣхъ различны роды,
Амуровъ съ Нимфами веселы хороводы,
И жмурки, и плетень,
Со всякими играми,
Какія и до днесь остались между нами.
Амуры наконецъ старались изобрѣсть,
По вкусу Душеньки, комедіи, балеты,
Концерты, оперы, забавны опереты
И все, что острый умъ удобенъ произвесть,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ, [200])
Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ. [200])
Во Греціи Менандръ, во Франціи Мольеръ,
Кино, Детушъ, Реньяръ, Руссо и самъ Вольтеръ,
Въ Россіи наконецъ подобный врагъ пороковъ, [201])
Писатель нашихъ дней, почтенный Сумароковъ, [201])
Театру Душеньки старались подражать,
И въ позднихъ лишь вѣкахъ могли изображать
Различны дѣйствія натуры,
Какія въ первый разъ явили тамъ Амуры.

Но чтобы длился веселья безъ помѣхъ, [202])
Печальный всякій видъ смертей, скорбей, измѣны
Не вѣдомъ былъ въ раю, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ, [202])
И гдѣ, среди утѣхъ,
Оставленъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены. [203])
Царевна, съ возрастомъ познательнѣйшихъ лѣтъ,
Знакомый прежде ей любила видѣть свѣтъ;
И часто, дѣтскія оставивши забавы,
Желала болѣ знать людскіе разны нравы,
И кто, и какъ живалъ, и съ пользой, или нѣтъ; [204])
Сіи познанія о каждомъ человѣкѣ
Легко могла найти въ своей библіотекѣ.
Великая громада книгъ,
И малыхъ, и большихъ,
Ее отъ чтенія вначалѣ отвращала;
Но скоро Душенька узнала,
Что разумъ не всему возможно пріучать,—
Узнала дѣльный смыслъ отъ шутокъ отличать,
Судить и примѣчать.
Въ исторіяхъ правдивыхъ
Довольное число нашла прибавокъ лживыхъ;
Въ писателяхъ системъ
Нашла, при всякой смѣси,
Довольно вздорной спѣси,
Хоть часто ихъ предлогъ не кончился ни чѣмъ.
Нечаянно же ей во оной книгъ громадѣ
Одну трагедію случилось развернуть:
Писатель тщился тамъ слезами всѣхъ тронуть, [205])

И тамъ любовница, въ печальнѣйшемъ нарядѣ, [205])
Не зная, что сказать, кричала часто: ахъ!
Но чѣмъ и какъ въ бѣдахъ [206])
Ея вершился страхъ?
Она, сказавъ люблю, бѣжала изъ покоя, [207])
И ахать одного оставила героя.

Царевна тамъ взяла читать еще стихи, [208])
Но ихъ читаючи, какъ будто за грѣхи,
Узнала въ первый разъ уполненную скуку [209])
И, бросивъ ихъ подъ столъ, притомъ ушибла
руку. [209])
Носился послѣ слухъ, что будто наконецъ
Несчастныхъ сихъ стиховъ творецъ,
Указомъ Аполлона,
Навѣки согнанъ съ Геликона;
И будто Душенька, боясь подобныхъ скукъ, [210])
Иль ради сохраненья рукъ,
Стиховъ съ недѣлю не читала, [211])
Хотя любила ихъ, и нѣкогда слагала. [211])
Во время такова изгнанія стиховъ, [212])
Когда не члися тамъ ни пѣсни къ ней, ни оды,
Желала посмотрѣть Царевна переводы [212])
Извѣстнѣйшихъ творцовъ;
Но часто ихъ тогда она не разумѣла, [213])
И для того велѣла
Исправнымъ слогомъ вновь Амурамъ перевесть, [214])
Чтобъ можно было ихъ безъ тягости прочесть.
Зефиры наконецъ Царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ

Между полезными предерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, кому не вѣдомъ былъ законъ, [215])
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.
Уже три года такъ Царевна провождала,
И долѣ бъ такъ жила, когда бъ сей свѣтлый рай [215])
Желаніямъ ея возмогъ содѣлать край;
Но любопытный умъ, при всякой въ жизни волѣ,
Нерѣдко слабостью бываетъ въ женскомъ полѣ.
Царевна, распознавъ
Супруга своего пріятный умъ и нравъ,
О немъ желала вѣдать болѣ:
Во всѣхъ свиданьяхъ съ нимъ, по днямъ и по ночамъ,
И въ облачномъ полетѣ,
Просила съ жалобой, чтобъ онъ ея очамъ
Явилъ себя при свѣтѣ.
Вотще супругъ всегда Царевну увѣрялъ,
Что онъ себя скрывалъ
Для слѣдствій самыхъ важныхъ;
Вотще ей знать давалъ,
Что онъ не могъ никакъ нарушить словъ присяжныхъ,
И Стиксомъ клялся въ томъ богамъ. [216])
Царевна Стиксомъ насмѣхалась,
И часто удержать старалась
Супруга въ домѣ по утрамъ, [217])
И часто, силяся безъ мѣры,

На свѣтъ тащила изъ пещеры;
Но онъ изъ рукъ ея тогда,
Какъ вѣтеръ, уходилъ невѣдомо куда.
Въ другія времена такіе нѣжны споры
Раждали бъ радости намѣсто дальней ссоры;
Но Душенькинъ супругъ тогда нерѣдко былъ
Задумчивъ и унылъ,
И часто повторялъ угрюмы разговоры,
Являя ей тщету и свѣта и похвалъ.
Впослѣдокъ Душеньку въ слезахъ увѣщавалъ, [218])
Чтобы, храня завѣтъ среди утѣхъ любовныхъ,
Боялась въ томъ измѣнъ отъ самыхъ даже кровныхъ;
Что зависть ей бѣды возможетъ нанести,
И если судитъ такъ предѣлъ боговъ верховныхъ,
Ее отъ лютыхъ золъ не можетъ онъ спасти. [218])
Вздохнувъ по Душенькѣ въ боязняхъ толь суровыхъ, [219])
Супругъ едва тогда изъ дома отлетѣлъ;
Какъ нѣкакій Зефиръ, посыланный для дѣлъ,
Принесъ отвсюду къ ней пуки извѣстій новыхъ.
Она увѣдала, что двѣ ея сестры
Пришли искать ее у страшной той горы,
Откуда нѣкогда счастливѣйшимъ Зефиромъ
Она вознесена во области надъ міромъ; [219])
Что тамо, подъ горой, изъ множества пещеръ
Стращаютъ ихъ Драконы,
И что онъ могъ принесть Царевнѣ отъ сестеръ
Вѣрнѣе всѣхъ вѣстей и письма, и поклоны.
Зефиръ! Зефиръ! когда бъ ты зналъ

Сихъ злобницъ сестръ коварны лести,
Конечно бы, тогда скрывалъ [220])
Для Душеньки такія вѣсти!
Почто не встрѣтился какой либъ скорый Духъ, [221])
Кому бы вѣдомъ былъ о томъ подробный слухъ,
И кто бы, при такой отъ кровныхъ ей измѣнѣ, [221])
Зефиру могъ сказать, чтобъ онъ болталъ поменѣ?
Но воля въ томъ была Небесъ,
Чтобы Зефиръ, безъ всякой встрѣчи,
По воздуху ловя на свѣтѣ всѣки рѣчи,
Къ Царевнѣ съ вѣтромъ ихъ принесъ;
И такъ уставили злодѣющи ей боги,
Чтобъ сестръ она потомъ взяла къ себѣ въ чертоги.

Обычаи Душенька любитъ родную кровь
И должную хранить къ сестрамъ своимъ любовь,
Супружніе тогда забыла всѣ совѣты:
Зефиру тотъ же часъ, спорѣе какъ ни есть,
Сестеръ передъ себя велѣла въ рай привезть. [222])
Не видя жъ ни какой коварства ихъ примѣты,
Желала показать
Наряды, и перчи, и камни, и кровать,
И домъ, и всѣ пожитки,
И съ ними раздѣлить своихъ богатствъ избытки.
Богатство мало веселитъ, [223])
Когда о томъ никто не знаетъ,
И радость только тотъ вкушаетъ,
Съ другими кто ее дѣлитъ. [223])

Не въ долгомъ времени Царевны къ ней
предстали
И объ Душеньку со счастьемъ поздравляли,
И за руку трясли, и крѣпко обнимали,
И радость изъявляли
Съ усмѣшкой на лицахъ.
Но зависть весь свой ядъ простерла въ ихъ сердцахъ, [224])
Представя ихъ очамъ, какъ будто грѣхъ натуры, [224])
Что младшая сестра за красоту свою
Живетъ, господствуя въ прекраснѣйшемъ раю,
И тамо служатъ ей Зефиры и Амуры. [225])
Къ тому сказала имъ Царевна съ хвастовствомъ, [225])
Что тамъ живетъ она въ союзѣ съ божествомъ,
И что супругъ ея любезнѣй Аполлона,
Прекраснѣй Купидона;
Что онъ изъ смертныхъ всѣхъ красотъ
На выборъ взялъ ее въ супруги;
Что отдалъ ей во власть летучій свой народъ,
И рай въ ея услуги. [226])
Такая похвала была ли безо лжи?
Читатель вѣдаетъ, когда кого мы любимъ,
О томъ съ прибавкой правду трубимъ.
«Да гдѣ жъ супругъ, скажи?.....»
Не зная, что сказать и какъ себя оправить, [227])
Сестрамъ своимъ въ отвѣтъ
Царевна, покраснѣвъ, сказала: «дома нѣтъ.»
Но какъ она притомъ старалась имъ забавить,
Легко тогда могли онѣ себѣ представить,

Что Душенькинъ супругъ
Имѣетъ въ небѣ рай, и тронъ, и много слугъ,
И младость и красу, и радость безъ печали,
И Душеньку на жизнь вознесъ въ небесный кругъ;
И то, чего онѣ не знали, не видали, [227])
Завидуя сестрѣ, легко воображали, [228])
И съ горькой жалобой промежъ собой шептали:
«За что супруга ей Судьбы такого дали? [228])
«А мы и на земли
«Едва мужей нашли: [229])
«И тѣ какъ дѣды стары,
«И намъ негодны въ пары.» [230])
И, завистью дыша,
Царевны Душеньку нещадно тутъ хулили
И съ повтореніемъ впослѣдокъ говорили, [231])
Что Душенька была отнюдь не хороша.

Злоумна ненависть, судя повсюду строго, [232])
Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
Вотще отъ сестръ своихъ Царевна ихъ скрывала,
И день, и два, и три притворство продолжала, [233])
Какъ будто бы она супруга въявь ждала:
Сестры темнили видъ, подъ чѣмъ онъ былъ не явенъ.
Чего не вымыслитъ коварная хула?
Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ и злонравенъ,
И, вѣрно, Душенька съ чудовищемъ жила.
Совѣты скромности въ сей часъ она забыла;
Сестры ли въ томъ виной, Судьба ли то, иль рокъ,

Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила; [223])
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ,
И происшествія подробно разсказала;
Но только лишь сказать не знала,
Каковъ и кто ея супругъ:
Колдунъ, иль змѣй, иль богъ, иль Духъ.
Коварныя сестры тогда, съ лицомъ усмѣшнымъ,
Взглянулись межъ собой,—и сей лукавый взглядъ,
Удвоивъ лести ядъ, [224])
Который былъ прикрытъ пріязни видомъ внѣшнимъ. [224])
Онѣ, то съ жалостью, то съ гнѣвомъ и стыдомъ,
И съ нѣкимъ ужасомъ сестрѣ внушить старались,
Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ всего онѣ боялись, [225])
Что тамо былъ неистовъ домъ; [225])
Что въ немъ живутъ, конечно, змѣи,
Или злотворны чародѣи,
Которые, устроивъ рай
И всѣ возможныя забавы,
Манятъ людей въ сей чудный край [226])
Для сущей ихъ отравы.
Къ тому прибавили, что будто въ сторонѣ
По утру видѣли онѣ
Съ домоваго балкона,
Надъ гротомъ, въ воздухѣ подобіе Дракона,

И будто бъ тамъ леталъ съ рогами страшный змѣй,
И будто бъ искры тамъ онъ сыпалъ изъ ноздрей, [237])
И въ рощѣ, наконецъ, силонясь у горъ къ партеру;
При ихъ глазахъ ополозъ, сгибаючись, въ пещеру.
Царевны впослѣди вмѣшали въ разговоръ
Безчестье и позоръ [238])
На будущіе роды,
Когда пойдутъ отъ ней нелѣпые уроды, [239])
Иль чуды, съ коими не можно будетъ жить,
И кои будутъ міръ стращить.

Во многомъ Душеньку увѣрить было трудно;
Но правда, что она сама свой тайный бракъ
Почесть не знала какъ:
Ея замужство ей всегда казалось чудно.
Зачѣмъ бы сей супругъ скрывался отъ людей,
Когда бы не былъ змѣй, [240])
Иль лютый чародѣй?
Впослѣдокъ Душенька въ задумчивости мнила, [241])
Что нѣкая въ дому неистовая сила
Ее обворожила;
Что мужъ ея, какъ змѣй, какъ самый хищный тать, [242])
При свѣтѣ никому не смѣлъ себя казать;
Что онъ не могъ имѣть ни вѣры, ни закона,
И хуже былъ Дракона. [242])
Царевна въ сей прискорбный часъ
Забыла райскія утѣхи;
Замолкъ пріятныхъ нѣсень гласъ,

Уныли Радости и Смѣхи.
Злотворныхъ сестръ и рѣчь и взглядъ
Простерли мрачной скуки ядъ.
Амуры вдругъ вострепетали,
И съ плачемъ далѣ отлетали
Отъ сихъ любимыхъ ими палатъ.
Царевна тамъ одна съ сестрами
Въ свободѣ продолжала рѣчь,
И непремѣнными Судьбами
Сихъ словъ никто не могъ стеречь:
«Могу ль я въ свѣтѣ жить?» Царевна говорила:
«Постылъ мнѣ мужъ и жизнь постыла.
«Несчастна Душенька! ты мнила быть въ раю,
«И участь выше всѣхъ считала ты свою;
«Но, съ родомъ разлучась, и внѣ земнаго круга,
«Кого имѣешь ты супруга? —
«Волшебный лишь призракъ,
«Который дѣлаетъ позорнѣйшимъ твой бракъ
«И ужасаетъ всѣхъ сокрытымъ вѣроломствомъ.
«Кого впослѣдокъ ты должна имѣть потомствомъ?
«Чудовищъ, аспидовъ, иль змѣй какихъ нибудь.
«Но если тако мнѣ предписано Судьбами,
«Скорѣе мечъ вонжу въ мою несчастну грудь.
«Любезныя сестры! навѣкъ прощаюсь съ вами.
«Скажите всѣмъ роднымъ подробными словами,
«Что знали отъ меня, что видѣли вы сами; [243])
«Скажите, что я здѣсь обманута была;
«Что я стыжуся жить..... скажите: умерла!» [243])
Сестры, какъ бы уже за злобу казней ждали,
Совѣтами тогда Царевнѣ представляли,
Что красныхъ днѣй ея безвременный конецъ

Отъ наглой хищности вселенну не избавитъ:
А послѣ, можетъ быть, толь лютыхъ золъ творецъ [244])
И всѣхъ ея родныхъ пожретъ, или удавитъ; [244])
И что, вооружась на жизнь свою, она
Должна предъ смертью сей, какъ честная жена,
Въ удобный сонный часъ убить бы колдуна. [245])
Но сей поступокъ былъ для Душеньки опасенъ,
Противенъ и ужасенъ:
Чуждалася она злодѣйственныхъ смертей [246])
И жалость завсегда господствовала въ ней; [246])
И, можетъ быть, любовь, какой она стыдилась,
Еще въ груди ея таилась. [247])
Убійственный совѣтъ Царевна получа,
Представила въ словахъ мятущихся и косныхъ,
Что въ домѣ не было меча,
Ниже какихъ нибудь орудій смертоносныхъ;
И какъ убить въ ночи пустую только тѣнь,
Котора исчезаетъ въ день?
И гдѣ достать къ сему наряду
Съ огнемъ фонарь, или лампаду?
Въ сіи печальны дни
Зефиры съ вечера гасили всѣ огни. —
Сестры рѣшительно и смѣло отвѣчали [248])
На Душенькину рѣчь,
Что тотчасъ принесутъ надежный самый мечъ, [249])
И вмѣстѣ принести лампаду обѣщали.
Пріятна ль ей была готовность сихъ услугъ, [250])
Примѣтить было льзя изъ словъ ея печальныхъ:
Смущенна Душенька тогда безъ мыслей дальныхъ [251])

Желала только знать, какомъ ея супругъ,
И взоры обращая къ саду,
Идущихъ сестръ своихъ просила много разъ
Не позабыть лампаду.

Уже Зефиранъ далъ приказъ
Нести сихъ сестръ къ земному шару,
Припрягши въ путь Бореевъ пару.
Онѣ, летя изъ міра въ міръ,
Мѣшаютъ съ воздухомъ эѳиръ,
И съ бурею, дождемъ и громомъ
Являются предъ нѣкимъ домомъ:
То былъ Кащеевъ арсеналъ,
Гдѣ съ самыхъ древнихъ лѣтъ держался
Волшебный мечъ, или кинжалъ,
Которымъ Геркулесъ сражался,
Когда чудовищъ поражалъ.
Сей мечъ единымъ сильнымъ махомъ
У Гидры девять главъ отсѣкъ;
Сей мечъ хранился тамъ подъ страхомъ,
И въ сказкахъ названъ Самосѣкъ.
Онъ въ крѣпкихъ былъ стѣнахъ заложенъ,
Но купленъ ли, иль просто взятъ,
Иль былъ оттоль тогда украденъ,
Писатели о томъ молчатъ.
Извѣстно только нынѣ въ свѣтѣ,
Что точно онъ блисталъ въ полетѣ; [252])
Что двѣ Царевны, отъ земли
Принявъ воздушныя дороги,
Сей мечъ въ Амуровы чертоги
Тогда съ лампадой унесли

И скоро съ Душенькой простилась,
И скоро въ путь домой пустилась. [252])

О, если бъ вѣдала несчастна Царска дочь,
Колико вредны ей сей мечъ, сія лампада!
Амуры ей могли ль совѣтами помочь? [253])
Она бѣжала ихъ присутствія и взгляда,
И въ мыслях ъ будущу имѣла только ночь.

Свѣтило дневное уже склонилось къ лѣсу,
Надъ домомъ черную простерла ночь завѣсу,
И купно съ темнотой
Ввела Царевнина супруга къ ней въ покой,
Въ которомъ скрылося несчастно непокорство.
И если повѣсти не лгутъ,
Прекрасна Душенька употребила тутъ
И разумъ, и проворство,
И хитрость, и притворство,
Какія свойственны женамъ,
Когда онѣ, дѣла имѣя по ночамъ,
Скорѣе какъ нибудь дадутъ покой мужьямъ.
Но хитрости ль ея въ то время успѣвали, [254])
Иль самъ клонился къ сну грызенiемъ печали,
Онъ мало говорилъ, вздохнулъ, [255])
Зѣвнулъ,
Заснулъ.

Тогда Царевна осторожно
Встаетъ толь тихо, какъ возможно,
И низу, по тропѣ златой,
Едва касается пятой,

Выходитъ въ нѣкакій покой,
Гдѣ многія отъ глазъ преграды
Скрывали мечъ и свѣтъ лампады.
Потомъ, съ лампадою въ рукахъ,
Идетъ назадъ, на всякій страхъ,
И съ воображеніемъ печальнымъ, [256])
Скрываетъ мечъ подъ платьемъ спальнымъ;
Идетъ, и медлитъ на пути,
И ускоряетъ вдругъ ступени,
И собственной боится тѣни,
Бояся змѣя тамъ найти.
Межъ тѣмъ въ чертогъ супружній входитъ.
Но кто представился ей тамъ?
Кого она въ одрѣ находитъ? [257])
То былъ..... но кто?.... Амуръ былъ самъ:
Сей богъ, властитель всей натуры,
Кому покорны всѣ Амуры.
Онъ въ крѣпкомъ снѣ, почти нагой,
Лежалъ, раскинувшись въ постелѣ,
Покрытъ тончайшей пеленой,
Котора сдвинулась долой,
И частью лишь была на тѣлѣ.
Склонивъ лице ко сторонѣ,
Простерши руки обоюду,
Казалось, будто бы во снѣ [258])
Онъ Душеньку искалъ повсюду.
Румянецъ розы на щекахъ,
Разсыпанный поверхъ лилеи,
И бѣлы кудри въ трехъ рядахъ,
Вьючись вокругъ бѣлѣйшей шеи,
И складъ, и нѣжность всѣхъ частей,

Въ виду, во всей красѣ своей,
Иль кои крылися отъ вида,
Могли унизить Адонида,
За коимъ нѣкогда, влюбясь,
Сама Венера, въ дождь, и въ грязь,
Бѣжала въ дикія пустыни,
Сложивъ величество богини.

Таковъ открылся богъ Амуръ, [259])
Таковъ, иль былъ тому подобенъ;
Прекрасенъ, бѣлъ и бѣлокуръ,
Хорошъ, пригожъ, къ любви способенъ,
Но въ мысляхъ вольныхъ безъ препятствъ,
За сими краткими чертами,
Читатели представятъ сами,
Каковъ явился богъ пріятствъ [260])
И Царь надъ всѣми красотами.

Увидя Душенька прекрасно божество, [261])
На мѣсто аспида, котораго боялась,
Видѣніе сіе почла за колдовство,
Иль сонъ, или призракъ, и долго изумлялась;
И видя наконецъ, какъ каждый видѣть могъ,
Что былъ супругъ ея прекрасный самый богъ, [262])
Едва не кинула лампады и кинжала,
И позабывъ тогда свою приличну стать, [263])
Едва не бросилась супруга обнимать,
Какъ будто бъ никогда его не обнимала.
Но удовольствіемъ алкающихъ очей [264])
Остановлялась тутъ стремительность любовна; [264])
И Душенька тогда, недвижна и безсловна,

Считала ночь сію пріятнѣй всѣхъ ночей.
Она не разъ себя въ семъ дивѣ обвиняла, [265])
Смотря со всѣхъ сторонъ, что только зрѣть
могла,
Почто къ нему давно съ лампадой не пришла,
Почто его красотъ заранѣ не видала, [265])
Почто о богѣ семъ въ незнаніи была,
И дерзостно его за змѣя почитала?
Впослѣдокъ Царска дочь,
Въ сію пріятну ночь
Дая свободу взгляду,
Приблизилась, потомъ приблизила лампаду,
Потомъ, нечаянной бѣдой,
При семъ движеніи, и робкомъ и несмѣломъ,
Держа огонь надъ самымъ тѣломъ,
Трепещущей рукой
Небрежно надъ бедромъ лампаду наклонила,
И масла часть проливъ оттоль,
Ожогою бедра Амура разбудила. [266])
Почувствуя жестоку боль, [266])
Онъ вдругъ вздрогнулъ, вскричалъ, про-
снулся, [267])
И боль свою забывъ, отъ свѣта ужаснулся;
Увидѣвъ Душеньку, увидѣвъ также мечъ,
Который изъ-подъ плечъ
Къ ногамъ тогда скользнулся,
Увидѣлъ онъ вины,
Или признаки винъ зломышленной жены;
И тщетно тутъ она желала
Сказать несчастья всѣ сначала, [168])
Какія въ выправку сказать ему могла: [268])

Слова въ устахъ остановлялись;
И свѣтъ, и мечъ въ винахъ уликою являлись,[269])
И Душенька тогда, упадши, обмерла.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Бывала Душенька веселостей душою,[270])
Бывала Душенька большою госпожою;
Бывало, въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,
Когда бъ лишь капля слезъ
Изъ глазъ ея сверкнула,
Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Или бъ поморщилась, иль только бы взглянула,—
Въ минуту бъ для ея услугъ
Полки духовъ явились вкругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта;
И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъ бы сысканъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для совѣта,
И всю бъ свою для ней науку истощилъ.
Когда же во дворѣ разсѣялся слухи,[271])
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Купидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны духи.

Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ:
Сіи, за Душенькой старинцы волокиты,
Одни остались изъ всей придворной свиты,
Которые вдали надъ ней летали вкругъ.
Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры, [272])
И были такъ легки, какъ наши петиметры: [272])
Увидѣвъ красоты, что прежъ сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли
Въ привязанности быть надолго постоянны [273])
И, кинувъ Царску дочь,
Летѣть пустились прочь.
Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя, казалося, объ ней тогда тужили,
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараяся, ища, лаская, уповая,
Авось либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Авось либо сей богъ веселій и утѣхъ,
Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ, [274])
И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу, [274])
Впослѣдокъ кинетъ взоръ
На собственный свой дворъ,
И, можетъ быть, изъ нихъ возьметъ себѣ супругу;
И каждая, хваля начальницу свою,
Желала быть сама начальницей въ раю.

Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны
были: [275])
По старой памяти всегда ее любили,
И видя злую съ ней напасть,

Усердно ей помочь хотѣли;
Но чтя покорно вышню власть, [276])
Въ то время къ ней отнюдь приблизиться не смѣли.
Иль, можетъ быть, и такъ они, предвидя впредь
Ея несчастья и печали,
Судили легче ей въ сей долѣ умереть, [276])
И ей изъ жалости тогда не помогали.
Они увидѣли, увы! въ тотъ самый часъ
Зефирамъ на вѣтру написанный приказъ....
Амуры съ Душенькой разстались, возрыдали
И только взорами ее препровождали.
Зефиры Царску дочь обратно унесли
Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
Туда, откуда взяли,
И тамъ
Оставили полмертву,
Какъ будто лютымъ львамъ
И аспидамъ на жертву.
Умри, красавица, умри! твой сладкій вѣкъ
Съ минувшимъ днемъ уже протекъ;
И если смерть тебя отъ бѣдствій не избавитъ, [277])
Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ въ скорбь тебѣ наполненъ будетъ зломъ, [277])
И всюду горести за горестьми представитъ.
Тебя къ терпѣнію оставилъ Купидонъ; [278])
Твой рай, твои утѣхи,
Забавы, игры, смѣхи,

Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ будто сонъ. — [279])
Вкусивши сладости, когда кто ихъ лишился,
И точно вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ, [279])
И болѣ кто любя, съ любимымъ разлучился
И радости себѣ уже не чаетъ впредь, [280])
Легко восчувствуетъ, безъ дальнѣйшаго слова, [280])
Что лучше Душенькѣ въ сей долѣ умереть.
Но гнѣвная Судьба была къ ней толь сурова, [281])
Что сколь бы грозныхъ Паркъ на помощь ни звала
И какъ бы смерти ни искала,
Судьба назначила, чтобъ Душенька жила [282])
И въ жизни бы страдала.

По нѣсколькихъ часахъ,
Какъ вымытый въ водахъ
Румяный ликъ Авроры
Выглядывалъ на горы,
И Фебъ дружился съ ней на синихъ небесахъ;
Иль такъ сказать въ простыхъ словахъ:
Какъ день явился послѣ ночи,
Очнулась Душенька, открыла ясны очи,
Открыла... и едва опять не обмерла,
Увидѣвъ, гдѣ и какъ тогда она была.
На мѣсто божескихъ, прекраснѣйшихъ селеній,
Гдѣ Смѣховъ, Игръ, Забавъ и всякихъ слугъ соборъ
Старался примѣчать и мысль ея и взоръ,
И ей услуживать, не ждавши повелѣній,
На мѣсто всѣхъ въ раю устроенныхъ чудесъ,

Какъ будто бъ онъ уже Царевну не любилъ:
Не смѣя же ей самъ явить свои прислуги,
Онъ Эху той округи
Строжайшій далъ приказъ,
Чтобъ Эхо всяку рѣчь Царевнину внимало
И громко повторяло
Слова ея сто разъ.

«Амуръ, Амуръ!» она вскричала.... [290])
И можетъ быть, что рѣчь еще бы продолжала,
Какъ нѣкій бурный шумъ средь облакъ, въ оный час,
На время прекратилъ ея плачевный гласъ.
На вопль отчаянной супруги,
Который поразилъ и горы и лѣса
Печальной сей округи,
Который Эхо тамъ, во многи голоса,
Несло наперехватъ подъ самы небеса;
Амуръ, предавшися движенью нѣкой страсти,
Забывъ жестоку боль бедра
И все, что̀ было съ нимъ вчера,
Едва не позабылъ уставы вышней власти, [291])
Едва не бросился съ высокихъ облаковъ
Къ ногамъ возлюбленной, безъ всякихъ дальнихъ словъ:
Съ желаньемъ навсегда отнынѣ
Оставить пышности небесъ
И съ нею жить въ глухой пустынѣ,
Хотя бъ то былъ дремучій лѣсъ.
Но вспомнивъ нѣжный богъ, въ жару своихъ желаній,

И участь Душенька свою
Утратила потомъ какъ дура, [284])
Утратила любовь превыше всѣхъ утѣхъ,
Любовь нѣжнѣйшаго любовника и друга,
Иль паче божества подъ именемъ супруга.
Проступокъ свой тогда имѣняя въ крайній
грѣхъ, [285])
Жарчайшею къ нему любовью пламенѣла: [285])
Стократъ она, въ поправку дѣла,
Прощенія просить хотѣла
У мужа, у боговъ, у каждаго и всѣхъ,
Но способовъ къ тому въ пустынѣ не имѣла:
Въ пустынѣ сей никто, ни человѣкъ, ни богъ,
Ни видѣть слезъ ея, ни слышать словъ не могъ.
Амуръ въ сей часъ надъ ней невидимо взвивался,
Тая свою печаль во мракѣ черныхъ тучъ;
И если проницалъ къ нему надежды лучъ,
Надеждой Душеньку утѣшить онъ боялся.
Онъ ею тайно любовался, [286])
Поступки онъ ея украдкой примѣчалъ, [286])
Ее другимъ богамъ въ сохранность поручалъ,
И извиняя въ ней поспѣшность всякой вѣры, [287])
Приписывалъ вину одинъ ея сестрамъ.
Извѣстно то, что онъ, по проискамъ Веперы,
Царевну долженъ былъ тогда предать Судьбамъ, [288])
И что въ толико лютой части,
Спасая жизнь ея отъ злобствующей власти,
Какою ей тогда Венерины гнѣвъ грозилъ,
Противу склонности повсюду ухищрялся, [289])
Противъ желанія повсюду притворялся, [289])

За правду ль, ль прилогъ,
Что будто, чувствуя жестокую ожогу,
Амуръ прихрамывалъ на раненную ногу;
И будто бы сей богъ,
Сбираясь къ небесамъ въ обратную дорогу,
Лучемъ своимъ и самъ Царевну опалилъ
И множество древесъ симъ жаромъ повалилъ.
Но какъ то ни было, любовиль нѣжной сила, [296])
Или особая господствующа власть,
Содѣлывала въ ней мучительную страсть: [296])
Супружню всю она суровость позабыла, [297])
Лишь только помнила, кого она любила [297])
И дерзостью своей чего себя лишила.
Чего ей ждать тогда осталось отъ Небесъ?
Въ отчаяньи, проливъ потоки горькихъ слезъ, [298])
Наполнивъ воплями окружный долъ и лѣсъ,
«Прости, Амуръ, прости!» Царевна вопіяла—
И въ тотъ же часъ лихой,
Бездонну рытвину увидѣвъ подъ горой, [299])
Съ вершины въ пропасть рва пуститься предпріяла: [299])
Пошла, заплакала, съ платочкомъ на глазахъ,
Вздохнула, ахнула, ... и бросилась въ размахъ.
Амуръ оставилъ ли Зефировъ безъ наказа,
Велѣлъ ли Душеньку стеречь на всѣхъ горахъ,
Читатель можетъ самъ увидѣть то въ дѣлахъ.
Въ тотъ часъ и въ тотъ моментъ усердный Скоромахъ,
Зефиръ, слуга ея при вѣтренныхъ путяхъ, [300])
Увидѣлъ Царску дочь въ толь видимыхъ бѣдахъ, [300])

Не ждалъ себѣ о томъ особаго приказа,
Оставилъ всѣ дѣла въ высокихъ небесахъ,
Тряхнулъ крыломъ, порхнулъ три раза,
И Душеньку тогда, летящую на низъ,
Прикрывъ воскриліемъ своихъ воздушныхъ ризъ,
Отъ всякой напасти толпы разносторонной
Какъ должно подхватилъ,
Какъ должно отдалилъ
Отъ пропасти бездонной,
И тихо положилъ
На мягкихъ муравахъ долины благовонной.
Онъ тихимъ дыханіемъ тамъ воздухъ растворилъ,[301])
Бореямъ дерзкимъ дуть надъ нею запретилъ,
И долго прочь не отходилъ,
Забывъ свою любезну Флору;
Скорбѣлъ, что скоро путь свершилъ,
Что долго Душенькѣ не могъ служить въ подпору.

Увидѣвъ тамъ она себя на муравахъ,
Невѣдомыми ей судьбами,
И кустъ исчезный въ головахъ
Между разными вокругъ цвѣтами,
Такую истину сперва за сонъ почла,
И щупала себя, въ сомнѣніи и въ дивѣ,
И долго вѣрить не могла,
Чтобъ, минувшись, была
Еще на свѣтѣ живѣ;
Забывшися потомъ,
Заснула крѣпкимъ сномъ.
Но видѣла ль во снѣ, что было съ ней доселѣ,

Худое ль, доброе ль на дѣлѣ,
Супруга на горѣ, иль спящаго въ постелѣ,
Иль грозную его разгнѣванную мать,
Историки о томъ забыли написать;
А только дали знать,
Что богъ Амуръ надъ нею
Велѣлъ тогда летать
Сподѣтелю Морфею
И сномъ продлить ея покой,
Зефира отославъ домой.
Извѣстно нынѣ всѣмъ, что сонъ и вся натура [302])
Въ то время правилась указами Амура.
Амуръ, который зрѣлъ ея и скорбь и трудъ, [303])
Амуръ, содѣтель чудъ,
Легко содѣлать могъ, чтобъ Душенька уснула
И сномъ бы отдохнула;
И можетъ быть она, возненавидѣвъ свѣтъ,
Была къ небытію влекома въ сей пустынѣ, [304])
Какъ узникъ иногда, уставъ отъ мукъ и бѣдъ,
Чрезъ сонъ старается приблизиться къ кончинѣ.
Но какъ бы ни было, по нѣсколькихъ часахъ,
Влюбленный Купидонъ, не спя на небесахъ
И охраняючи несчастную супругу,
Рѣшился прекратить Морфееву услугу.
Проснулась Душенька, открыла томный взоръ...
Но, вспомнивъ свой позоръ,
Глаза отъ свѣта отвращала,
Цвѣты и травы вновь слезами орошала,
И камнямъ, и лѣсамъ унывно возвѣщала,
Что болѣ жить она на свѣтѣ не желала.

«Не буду долѣ жить!
«Приди, о, Смерть! ко мнѣ, приди!» она вопила.
Но Смерть, хотя ее Царевна торопила,
Отказывалась ей по должности служить;
Курносо чучело, съ плѣшивой головою,
Отъ вида коего трепещетъ всяка плоть,
Явилось къ ней тогда съ предлинною косою,
Но только лишь траву косить или полоть,
Гдѣ Душенька могла ступеньки поколоть.
Увидѣвъ наконецъ, что Смерть отъ ней бѣжала,
Насильно Душенька скончать свой вѣкъ искала:
«Зарѣжуся!» вскричала;
Но не было у ней кинжала,
Ниже какого острія, [205])
Удобнаго пресѣчь несчастну жизнь ея.
Читатель вѣдаетъ, безъ всякой дальней справки,
Что Душенька предъ симъ,
Летя съ горы на низъ, повытрясла булавки,
Чудеснымъ дѣйствіемъ, иль случаемъ простымъ.

Въ сей крайности она, не размышляя болѣ,
Искала камней въ полѣ,
И острый камень какъ нибудь,
Вонзить себѣ хотѣла въ грудь.
Казался край тогда ея несчастной долѣ;
Нашлися остры камни тамъ,
Но Душенька велась не къ смерти, къ чудесамъ:
Лишь только возметъ камень въ руки,
То камень претворится въ хлѣбъ,

И вмѣсто смертной муки, [309])
Являетъ ей припасъ снѣдаемыхъ потребъ.
Когда же Смерть отнюдь ее не хочетъ слушать,
Хоть снѣтъ ей былъ постылъ,
Потребно было ей, ко укрѣпленью силъ,
Ломотикъ хлѣбца скушать.
Потомъ, смотря на лѣсъ, на пропасти безъ дна,
На небо и на травку,
И вновь смотря на лѣсъ, умыслила она
Другую смерть себѣ, а именно — удавку.
Въ старинны времена
Такая смерть была почтенна и честна.
У Турокъ и поднесь за смерть блаженну ставятъ,
Когда кого за грѣхъ не рѣжутъ, а удавятъ.
Нерѣдко визири и главные въ полкахъ,
И сами тамъ султаны,
За собственны свои, или другихъ обманы,
Кончаютъ свой животъ въ ошейныхъ облакахъ.
Хотя жь въ другихъ мѣстахъ
Не ставятъ въ честь удавку
И смертью таковой казнятъ однихъ плутовъ,
Но ищущій конца на всяку смерть готовъ;
И Душенькина смерть не шла въ позоръ и въ явку.
Желала бы она
Скончаться лучше ядомъ;
Но вся сія страна,
Гдѣ смерть была запрещена,
Казалась райскимъ садомъ,
Казалася сотворена

Для пользы, или веселья;
И тщетно было бъ тамъ искать лихова зелья.
Равно же изгнанъ былъ оттолѣ всякій гадъ,
Въ какомъ бываетъ ядъ:
И такъ, нельзя дивиться,
Что Душенька тогда хотѣла удавиться.
А гдѣ, и чѣмъ, и какъ? —
По многимъ повѣстямъ остался вѣрный знакъ:
Вблизи оттолѣ росъ дубнякъ, [207])
И были тамо дубы
Высоки, толсты, грубы.
На Душенькѣ тогда широкій былъ платокъ, [208])
Который съ бѣлыхъ плечъ спускался возлѣ бокъ.
Несчастна Душенька, не въ многія минуты,
Неся на смерть красу,
Явилася въ лѣсу;
Не въ многія минуты,
Кончая скорби люты
И плачась на судьбу,
Явилась на дубу;
Избравъ крѣпчайшій сукъ, послѣдній шагъ ступила [209])
И къ суку свой платокъ, какъ должно, прицѣпила, [209])
И въ петлю Душенька головушку вложила:
О, чудо изъ чудесъ! —
Потрясся долъ и лѣсъ!
Дубовый грубый сукъ, на чемъ она повисла, [210])
Съ почтеніемъ къ ея прекрасной головѣ
Погнулся такъ, какъ прутъ, изросшій въ вешни числа,

И здраву Душеньку поставилъ на травѣ;
И всѣ тогда суки, на низъ влекомы ею,
Иль сами волею своею
Шумѣли радостно надъ нею,
И, съединяючи концы,
Свивали разны ей вѣнцы.
Одинъ лишь наглый сукъ за платье зацѣпился,
И Душенькинъ покровъ вверху остановился.
Тогда увидѣлъ долъ и лѣсъ
Другое чудо изъ чудесъ!
И горы вскликнули громчаѣ сколь возможно, [311])
Что Душенька была прекраснѣй всѣхъ неложно;
И самъ Амуръ тогда, смотря изъ облаковъ
Прилежнымъ взоромъ, то оправдывалъ безъ словъ; [312])
Межъ тѣмъ какъ Душенька въ живущихъ оставалась,
Какъ бытностью ея натура красовалась,
Явился ей еще удобный смерти родъ, [313])
Которымъ чаяла окончить свой животъ.
Не могши къ дубу прицѣпиться,
Она рѣшилась утопиться. [314])
На случай сей рѣка [314])
Была не далека.
Царевна съ берега крутова, [315])
Гдѣ дно рѣки отъ глазъ скрывалось подъ водой,
На смерть пустилась снова. [315])
Но вдругъ, противною судьбой,
Поѣхала она на щукѣ шехардой;

И ѣхавъ по верху опаснѣйшей дороги, [316])
Мочила Душенька лишь только хвостъ и ноги.
Къ храненію ея прибавленъ былъ конвой:
Другія тутъ же щуки,
Наукой отъ боговъ, иль просто безъ науки,
Собравшися, какъ должно, въ строй,
Отъ всякихъ случаевъ Царевну ограждали,
И въ путь съ плесканіемъ ее препровождали.
Иные говорятъ,
Что будто въ щукахъ тамъ примѣтили Наядъ, [317])
И что Наяды, эскадрономъ, [317])
Явились къ Душенькѣ съ поклономъ.
Не знаю, правда ль то, лишь нѣтъ сомнѣнья въ ономъ,
Что нѣкія тогда изъ сихъ Наядъ, иль рыбъ,
Которыхъ родъ съ рѣкой отъ времени погибъ,
Служивъ дотоль въ раю подъ счастливымъ закономъ, [318])
За Душенькою тутъ спѣшили въ слѣдъ догономъ, [318])
Въ старинномъ ихъ строю
Признать, по должности, владычицу свою, [319])
Забывъ, что богъ прекрасна рая,
Съ тѣхъ поръ, какъ райску жизнь въ ничто преобратилъ,
Служившихъ тамъ, какъ бы карая, [320])
Оттоль на волю распустилъ. [320])
Несчастна Душенька, сколь много ни старалась
Въ рѣчномъ потокѣ утонуть,
Но щукою неслась благополучно въ путь,

И съ берега она къ другому добиралась.
Въ сихъ мукахъ тщетно жизнь клала [321])
И тщетно снова смерть звала.
На зовъ пловучій сонмъ вопилъ единогласно,
Что Душенька, въ бѣдахъ,
Безъ пользы и напрасно
Стремится кончить жизнь въ водахъ;
Что боги пусть продлятъ ея прекрасны годы,
И что ее на смерть отнюдь не примутъ воды.
Остался наконецъ единый смерти родъ, [322])
Который Душенька еще не испытала;
Она еще себя надеждою питала, [323])
Что, можетъ быть, огнемъ скончаетъ свой животъ.
Вдали въ то время дымъ курился: [324])
Ко смерти новый путь открылся,
И Душенька пошла на дымъ;
И случаемъ тогда, видущимъ, иль слѣпымъ,
Пришла къ рѣчному брегу,
И тамъ на муравахъ
Нашла огонь въ дровахъ, [325])
Къ рыбачьему ночлегу.
Хозяинъ оныхъ дровъ,
Престарый рыболовъ, [326])
Въ ладьѣ своей на ловъ
Отплылъ во оно время. [327])
Царевна жизни бремя
Легко могла пресѣчь:
Могла себя сожечь [328])
Въ пустомъ широкомъ полѣ,
Въ просторѣ и на волѣ.

Никто бъ ее извлечь,
Никто бъ не могъ оттолѣ; [328])
Когда бы Небеса
Отъ смертнаго часа
Ее не отдалили,
И новы чудеса
Надъ ней не сотворили.
Она, сказавъ ко всѣмъ послѣднія слова, [329])
Лишь только бросилась во пламень на дрова, [329])
Какъ вдругъ невидимая сила
Подъ нею пламень погасила.
Мгновенно дымъ исчезъ, огонь и жаръ потухъ,
Остался только лишь потребный теплый духъ, [330])
За тѣмъ, чтобъ ножки тамъ Царевна осушила, [330])
Которыя въ водѣ недавно замочила.
Узрѣвъ себя она безвредну на дровахъ,
Вскричала громко; ахъ! . . .
Сей гласъ раздался на волнахъ;
Восколебались тихи воды, [331])
Всплеснулись рыбъ различны роды,
Взвернулась трижды вкругъ
Ладья у рыболова,
И все то сталось вдругъ
Отъ Душенькина слова.
Не знаю, волею ль, на сей внезапный крикъ,
Въ ладьѣ своей старикъ
Назадъ стремился къ бѣгу,
Иль чудомъ вверхъ воды несло его ко брегу;
Но знаю, что потомъ сей древній въ мірѣ дѣдъ; [332])

Взглянувъ на близъ своей повѣти,
Забылъ преклонность позднихъ лѣтъ,
Пустилъ изъ рукъ рыбачьи сѣти,
Прыгнулъ изъ лодки ко дровамъ
И палъ къ Царевниным ногамъ,
Хотя не вѣдалъ съ нею чуда,
Ни кто она была,
За чѣмъ туда пришла,
Какимъ путемъ, откуда.

«О праотецъ земныхъ родовъ,
Иль сынъ конечно праотцовъ!»
Царевна къ старцу вопіяла:
«Ты помнишь бытность всѣхъ временъ
И всякихъ въ мірѣ перемѣнъ;
Скажи, какъ свѣтъ стоитъ сначала,
Встрѣчалось ли когда кому
Несчастье, равно моему?
Я рѣзалась и въ петлю клалась,
Топилась и въ огонь бросалась,
Но, въ горькой участи моей,
Прошедъ сквозь огнь, прошедъ сквозь воду,
И всѣми видами смертей
Приведши въ ужасъ всю природу,
Противъ желанія живу,
Безсмертіе имѣю въ муку,
И тщетно смерть къ себѣ зову.
Подай свою мнѣ въ помощь руку, [332])
Скончай мой вѣкъ, мнѣ свѣтъ постылъ!»
«Но кто ты?» старецъ вопросилъ.

«Я Душенька.... Люблю Амура....»
Потомъ заплакала какъ дура;
Потомъ, безъ дальнихъ съ нею словъ,
Заплакалъ вмѣстѣ рыболовъ,
И съ ней взрыдала вся натура.
Потомъ сказалъ ей тотъ же дѣдъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ, [334])
Какъ то себѣ она ни чаетъ,
И что еще она не знаетъ
Готовыхъ ей въ прибавокъ бѣдъ; [334])
Что злоба гнѣвной къ ней богини
Проникла въ самыя пустыни;
Что, къ каждому въ примѣръ и въ страхъ,
Во всѣхъ подсолнечныхъ мѣстахъ
Уже ея вины открыты,
И грамоты о томъ прибиты [335])
Въ распутіяхъ и во вратахъ.
Притомъ старикъ ропталъ въ слезахъ,
Что злобѣ попускаютъ боги,
И, строгую виня Судьбу,
Повелъ Царевну онъ къ столбу,
Гдѣ ближнія сошлись дороги.
Царевна тамъ сама прочла [336])
Прибитый листъ, въ большую мѣру;
А что она въ листѣ нашла,
Скажу, по точному манеру.
«Понеже Душенька прогнѣвала Венеру,
«И Душеньку Амуръ Венерѣ въ стыдъ хвалилъ;
«Она же Душенька румяны унижаетъ,
«Мрачитъ передъ собой достоинство бѣлилъ
«И всяку красоту повсюду обижаетъ;

«Она же, Душенька, имѣя стройный станъ,
«Прелестные глаза, пріятную усмѣшку,
«Богиню красоты не чтитъ и ставитъ въ
пѣшку;
«Она же взорами сердцамъ творитъ изъянъ, [237])
«Богиней рядится и носитъ хвостъ въ три пяди:
«Того, или иного ради,
«Венера каждому и всѣмъ
«О гнѣвѣ на нее своемъ
«По должной формѣ извѣщаетъ,
«И всякому милость обѣщаетъ
«Тому, кто Душеньку на срокъ
«Къ Венерину лицу представитъ.
«А буде кто ее оправитъ
«Противу силы оныхъ строкъ,
«Иль буде гдѣ ее укроетъ,
«Иль поводъ дастъ укрыться ей,
«Тотъ вѣкъ вины своей не смоетъ [238])
«Ни самой кровію своей.»

Всплеснула Душенька руками,
Прочтя толь грозныя слова:
«О, Боги! видите вы сами.»
Вопили камни и древа:
«На то ли Душенька жива,
На толь одарена красами,
И чѣмъ виновна передъ вами,
Когда родилась такова?»
Уже тогда весь міръ читалъ о ней сыскную,
Весь міръ о ней равно жалѣлъ:
Иной бранилъ богиню злую,

Другой сыскную драть хотѣлъ.
Одни, изъ должности, Цитерски́е пролазы [339])
Твердили по утрамъ о Душенькѣ приказы,
Которы всякъ потомъ охотно забывалъ,
И Душеньку, кто могъ охотно укрывалъ.
Но какъ то ни было, боялся ли пролазовъ,
Боялся ли приказовъ,
Водима ль старикомъ,
Иль собственнымъ умомъ,
Царевна наконецъ за благо разсудила, [340])
Просить о помощи степеннѣйшихъ боговъ, [340])
Счастливѣе она бъ боговъ о томъ просила;
Но съ времени, когда Амура полюбила, [341])
По мысли ни кого въ богахъ сыскать не мнила:
Кто дерзокъ былъ, иль трусъ, кто гордъ, иль глупой пышь, [342])
И, можетъ быть, она въ то время накодила
Въ верховнѣйшихъ богахъ не малу часть разинь.

Вначалѣ Душенька пошла просить Юнону,
Которая тогда, оставивъ небеса,
За мужемъ бѣгала и въ горы и въ лѣса.
Она могла бъ давать несчастнымъ оборону, [343])
Но собственну свою тогда имѣла грусть. [343])
Юнону цѣть любилъ Юпитеръ по закону,
Любя другихъ, не могъ къ ней вѣрности соблюсть;
Вездѣ по свѣту волочился,
Былъ грубъ, былъ дикъ,
Какъ вепрь, иль быкъ,
И часто подъ дождемъ по цѣлымъ днямъ мочился:

И послѣ до ушей Юноны слухъ проникъ, [344])
Что подлиннымъ быкомъ въ Европѣ онъ явился,
И подлиннымъ дождемъ къ Данаѣ онъ спустился,
Забывъ отца боговъ, достоинство и чинъ.
Для множества такихъ причинъ,
И, можетъ быть, за то, какъ видѣла Юнона, [345])
Что Душенька сама
Могла Юпитера содѣлать безъ ума,
«Поди,» сказала ей богиня пышна трона,
«Проси о дѣлѣ Купидона;
Или поди проси другихъ,
А мнѣ довольно бѣдъ своихъ.»

Царевна, по народной вѣрѣ,
Пошла съ прошеніемъ къ Церерѣ.
Въ тѣ дни сбирался хлѣбъ съ полей,
И хлѣбодатная богиня
У всѣхъ своихъ тогда являлась алтарей: [346])
Тогда на всѣхъ лилась отъ ней
Щедрота, милость, благостыня.
Но доступъ для сего къ Церерину лицу
Дозволенъ только былъ жрецамъ, или жрецу,
И кто къ богинѣ шелъ, для просьбы иль вопроса,
Не могъ услышанъ быть безъ жертвы и приноса;
А Душенька была въ то время всѣхъ бѣднѣй,
И не было тогда у ней
Отцовскихъ денегъ, ни перстней;
Возненавидѣвъ жизнь, какъ знаютъ всѣ, дурила

И добрыми людями ихъ дорогой раздарила.
Остался у нее пастушій сарафанъ,
Который былъ ей данъ
Разумнымъ рыболовомъ,
Чтобъ въ семъ нарядѣ новомъ
Укрыть ее отъ бѣдъ хотя черезъ обманъ;
Осталась красота, о коей всѣ трубили,
Но красоты чужой богини не любили,
И имъ послѣдуя жрецы, извѣстно то,
Отмѣнный даръ красоть вмѣняли ни во что.
Жрецы тогда ее, до будущаго лѣта,
Отправили оттоль безъ всякаго отвѣта.

Въ сей скорби Душенька привыкши всѣхъ просить, [347])
Минерву чаяла на жалость преклонить.
Богиня мудрости тогда на Геликонѣ
Имѣла съ Музами ученѣйшій совѣтъ
О страшномъ нѣкакомъ наклонѣ
Бродящихъ близъ земли кометъ,
Которы долгими хвостами,
Пугая часто робкій свѣтъ,
Пророчили бѣды мѣстами, [348])
И Аполлоновъ путь
Грозили въ міръ запнуть.
На все же, что тогда Царевна представляла,
Безъ всякой жалости богиня отвѣчала,
Что міръ безъ Душеньки стоялъ изъ вѣка въ вѣкъ;
Что въ обществѣ она не важный человѣкъ;
И паче, какъ хвостомъ комета всѣхъ пугаетъ, [349])

На Душеньку тогда взирать не подобаетъ.
Къ Діанѣ Душенька явить не смѣла глазъ;
Богиня та любви не вѣдала заразъ:
Со свитой чистыхъ Дѣвъ, къ свободѣ устремленныхъ,
Въ невинной вольности, неся колчанъ и лукъ,
Пускаясь быстро въ бѣгъ, любя проворство рукъ,
Гонялась за звѣрьми въ пустыняхъ отдаленныхъ.
Никто не нарушалъ досель ея забавъ; [350])
Еще не видѣла она Эндиміона,
И строгостью себѣ предписанна закона
Лишила бъ Душеньку и милостей и правъ. [351])

Куда итти? еще къ Минервѣ, иль къ Церерѣ? [361])
Поплакавъ, Душенька пошла къ самой Венерѣ.
Провѣдала она, бродя по сторонамъ,
Что близко отъ пути, въ пріятнѣйшей долинѣ,
Стоялъ извѣстный храмъ
Съ надвратной надписью: «Прекраснѣйшей богинѣ.»
Нерѣдко въ сихъ мѣстахъ утѣхъ всеобщая мать,
Мірскихъ суетъ слагая бремя,
Любила отдыхать.
Туда отъ разныхъ странъ народъ во всяко время
Толпой стекался воздыхать.
Иные шли туда богиню прославлять,

Другіе къ милостямъ признаніе являть,
Другіе жъ ихъ просить, или просто погулять.
Въ такомъ стеченіи народа, [352])
Несчастна Душенька, избравъ тишайшій часъ [352])
И кроясь всячески отъ всѣхъ сторонніхъ глазъ,
Со трепетомъ рабы туда искала входа.
Одною лишь въ бѣдахъ
Надеждой утѣшалась,
Что, можетъ быть, она, хоть вольности лишалась,
Увидитъ въ сихъ мѣстахъ
Съ Венерой Купидона,
И забывая страхъ
Строжайшаго закона, [353])
Вдавалась въ сладости различныхъ лестныхъ дунъ,
Какими упоенъ бываетъ страстный умъ.
Въ сихъ мысляхъ Душенька приблизилась ко храму,
И тамъ, задумавшись, едва не впала въ яму,
Куда отъ разныхъ жертвъ за дворы
Сметался въ кучу всякій соръ.
Но впрочемъ, всѣ мѣста казались тамо садомъ,
И благовонная катилася роса [354])
На мирту, на лимонъ, на всяки древеса,
И храмъ курился вкругъ душистымъ всякимъ чадомъ.

По сказкамъ знаютъ всѣ, что шелковы луга,
Сытовая вода, кисельны берега,
Богинѣ красоты всегда принадлежали,

И по долинѣ тамъ дороги окружали.
Издревле богъ войны
Строжайшій далъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,[355])
Чтобъ вѣчно въ той долинѣ
Трубы военной звукъ не рушилъ тишины.
Извѣстно всѣмъ, что тамъ и самы дики звѣри[356])
Къ овцамъ ходили въ двери,
И овцы, позабывши страхъ,[357])
Гуляли съ ними на лугахъ,
И съ самой вольной простотою
Питались киселемъ съ сытою,
Навѣки въ животѣ,
Въ здоровьѣ, въ красотѣ;
Живуща тварь не убивалась,
Насильствомъ кровь не проливалась,
Невѣдомъ былъ скорбящихъ гласъ,[358])
И вся природа всякій часъ
Согласіемъ сочетавалась.
Въ срединѣ сихъ луговъ,
И водъ, и береговъ,
Стоялъ богининъ храмъ межъ множества столповъ.[359])
Сей храмъ со всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа:[359])
Особо для боговъ,
Особо для народа.
Преддверія, врата, и храмъ, и алтари,
И каждая ихъ часть, и каждая фигура,
И обще вся архитектура,
Снаружи и внутри,

Изображала видъ игриваго Амура,
Иль видъ забавъ и торжества,
Блистательнаго тамъ прекрасна божества;
Венеры, чудное рожденіе изъ пѣны,
И всяка съ нею быль, пріятная въ чертахъ,
Особо видѣлись въ картинахъ и въ коврахъ,
Какими изнутри покрыты были стѣны.
Во внутренности тамъ различныхъ алтарей
Различны дани приносились
Отъ всѣхъ наукъ, искусствъ, художествъ и затѣй, [360])
И знатныхъ, и простыхъ людей,
Которы всѣ въ число достойнѣйшихъ просились:
Иной, желая пріобрѣсть
Любовью къ нѣкой Музѣ честь,
И данью убѣдить любовницу скупую,
Привѣсилъ въ уголокъ цѣвницу золотую; [361])
Другой себѣ избравъ,
По праву, иль безъ правъ,
Въ любовницы Палладу,
И тщася получить лавровъ вѣнецъ въ награду,
Привѣсилъ ко столбу
Серебряну трубу;
Иной, ища любви несклоннѣйшей Алкмены,
Во храмѣ распестрилъ малярной кистью стѣны. [362])
Но дани приносимы въ храмъ,
Не по богатству, иль чинамъ,
Могли казаться тамо кстати;
И часто тамъ простой пастухъ,
Неся богинѣ въ даръ усердный только слухъ, [363])

Предпочитаемъ былъ блистательнѣйшей знати.
На среднемъ алтарѣ,
Подъ драгоцѣннѣйшимъ отверстымъ балдахиномъ,
Стоялъ богининъ ликъ, особымъ нѣкимъ чиномъ,
Во всей порѣ,
Во всей красѣ и въ полной славѣ,
Въ подобной какъ она на нѣкакой горѣ
Явилась въ прежни дни къ Парисовой расправѣ,
И споръ между богинь рѣшила красотой.
Сей ликъ, казалось, былъ божественной рукой [364])
Изъ мрамора изсѣченъ,
И послѣ въ образецъ художества примѣченъ.
Носился въ мірѣ слухъ, что будто Пракситель.
Оттуда взялъ модель,
И, точно по примѣру,
Представилъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру. [365])
Никто изъ внедшихъ въ храмъ не могъ, или не смѣлъ,
Не преклонять колѣнъ предъ симъ прекраснымъ ликомъ;
И каждый, какъ умѣлъ,
Богинѣ гимны пѣлъ,
Въ усердіи глуша одинъ другаго крикомъ.
Надъ храмомъ извивался рой
Амуровъ, Смѣховъ, Игръ, Зефировъ,
Которы всякою порой
Туда слеталися отъ всѣхъ возможныхъ міровъ.
Въ летучемъ ихъ строю
И тѣ при храмѣ были,
Которые въ раю

При Душенькѣ служили.
Въ сей часъ они опять надъ прежней госпожой
Въ невѣдѣньи летали,
Рѣзвились и журчали;
Но Душенька тогда, подъ длинною фатой,
Подъ длиннымъ сарафаномъ,
Для всѣхъ была обманомъ:
Вошла во храмъ съ толпою въ рядъ
И стала къ сторонѣ у самыхъ первыхъ вратъ.
Отъ робости ль она сихъ мѣстъ не примѣчала,
Иль помня прежнюю блаженну жизнь свою,
Когда сама была богинею въ раю,
Полками разныхъ слугъ сама повелѣвала,
И пѣсни и хвалы сама отъ всѣхъ слыхала,
Сей храмъ напослѣди за рѣдкость не считала,
По волѣ то рѣшить читатель можетъ самъ. [366])
Но въ храмѣ лишь едва лицо свое открыла,
Въ минуту всѣхъ глаза къ себѣ оборотила. [367])
Возволновался храмъ,
Умолкли гимны тамъ,
Пресѣклись жертвъ приносы,
И всюду слышались лишь вѣсти, иль вопросы.
Я прежде не сказалъ,
Что весь народъ Венеру
Въ сей день по слуху ждалъ
Изъ Пафоса въ Цитеру.
Увидя къ Душенькѣ, согласно весь народъ [368])
Одинъ другому въ ротъ
Шепталъ за новы вѣсти:
«Венера здѣсь тайкомъ!...

«Бѣжитъ отъ всякой чести!...
«Венера за столбомъ!...
«Венера подъ платкомъ!...
«Венера въ сарафанѣ!...
«Пришла сюда пѣшкомъ!...
«Во храмъ вошла пишкомъ!...
«Конечно, съ пастушкомъ!...»
И весь народъ въ обманѣ
Предъ Душенькою вдругъ колѣна преклонилъ.
Жрецы, со множествомъ курящихся кадилъ,
Воздѣвъ умильно длани,
Просили Душеньку принять народны дани,
И съ милостью воззрѣть
На всяки нужды впредь.
Въ сіе волненіе народа
Возникла вдругъ молва у входа,
Что сущая уже богиня оныхъ мѣстъ, [369])
Влеча съ собой толпы служителей на въѣздъ
И яблоко держа Парисово въ десницѣ, [369])
Со всею славою, въ блестящей колесницѣ,
Въ тотъ часъ изъ Пафоса ко храму прибыла, — [370])
И вдругъ при сей молвѣ Венера въ храмъ вошла.
Но кто представитъ живо,
Въ словахъ, или чертахъ,
Богининъ гнѣвъ, народный страхъ,
И общее во храмѣ диво,
И болѣ Душеньку, въ невинномъ торжествѣ,
При самомъ храма божествѣ.
Вотще въ то время всѣхъ Царевна увѣряла [371])
За чѣмъ туда пришла,

И кто она была:
Большая часть людей отъ ней не отставала,
Забывъ, что въ храмъ сама Венера прибыла.
Богиня, сѣвъ на тронъ и скрывъ свою досаду,
Колико скрыть могла,
Оставила въ сей день другія всѣ дѣла
И тотъ же часъ приказъ дала
Представить Душеньку во внутреннюю преграду.
«Богиня всѣхъ красотъ! не сѣтуй на меня»
Рекла Царевна къ ней, колѣна преклоня; [173])
«Я сына твоего прельщать не умышляла!
Судьба меня, Судьба во власть къ нему по-
слала.
Не я ищу людей, а люди въ слѣпотѣ
Дивятся завсегда малѣйшей красотѣ.
Сама искала я упасть передъ тобою,
Сама желаю я твоею быть рабою, [174])
И въ милость только то прошу себѣ напредъ,
Чтобы всегда могла твое лицо я зрѣть.» [175])
«Я знаю умыслъ твой!» Венера ей сказала,
И тотчасъ, кончивъ рѣчь,
Съ Царевной къ Пафосу отъѣхать предпріяла;
Притомъ съ насмѣшкой приказала
Въ пути ее беречь.
Сажаютъ Душеньку въ особу колесницу,
Запрягши въ путь сорóкъ станицу;
А для бесѣды съ ней, какъ будто ей чета,
Садятся тутъ же рядомъ
Четыре Фуріи, изверженныя адомъ:
Коварство, Ненависть, Хула и Клевета.
Оставимъ разговоръ сихъ Фурій ухищренныхъ

И скажемъ наконецъ, къ какимъ трудамъ она
Венерой въ Пафосѣ была осуждена,
И кто былъ вождь ея на службахъ повелѣнныхъ. [375])
Изъ многихъ дѣлъ и словъ,
Въ умахъ напечатлѣнныхъ,
Извѣстно мщеніе боговъ,
Во гнѣвѣ раздраженныхъ.
Нерѣдко сильные, пріявъ на небѣ власть,
Безсильныхъ поборали,
Чернили и марали,
И все, что только бы могло предъ ними пасть,
Ногами попирали.
Въ счастливѣйшихъ вѣнахъ,
Конечно, нѣтъ примѣра
Такому мщенію, какое, всѣмъ во страхъ,
Противу Душеньки умыслила Венера!
Умыслила свою умножить красоту,
А Душеньку привесть, сколь можно, въ дурноту,
Чтобъ всѣ отъ Душеньки впослѣдокъ отвращались
И только бы тогда Венерою прельщались. [376])

Не знаю, въ первый день, или, лучше, въ первую ночь,
Довольная своею жертвой,
Богиня въ мщеніи послала Царску дочь
Принесть чрезъ три часа воды живой и мертвой.
Извѣстенъ весь народъ
О дѣйствѣ оныхъ водъ:
Отъ первой кто попьетъ, здоровье получаетъ; [377])

А отъ другой попьетъ, здоровье потеряетъ;
Но въ семъ пути никто не возвращался живъ.
Царевна, къ службѣ сей, какъ должно, прилѣпивъ
Подъ плечи два кувшина, [377])
Пошла безъ дальна чина,
Пошла на всѣ труды,
Искать такой воды.
Куда? и кто въ пути ей будетъ провожатымъ? [378])
Амуръ во всѣ часы ея напасти зрѣлъ,
И тотчасъ повелѣлъ
Своимъ слугамъ крылатымъ
Поднять и перенесть Царевну въ тотъ удѣлъ,
Гдѣ всяки воды протекаютъ,
Мертвятъ, цѣлятъ и помогаютъ.
Зефиръ, который тутъ по склонности прильнулъ,
Царевнѣ на ухо шепнулъ, [379])
Что воды окружаетъ
Большой и толстый змѣй, свернувшись въ кругъ кольцомъ,
И никого отнюдь къ водамъ не допускаетъ,
Какъ развѣ кто его забавитъ питьецомъ. [380])
Притомъ снабдилъ ее большою съ пойлемъ флягой, [381])
Которую велѣлъ, явясь туда съ отвагой,
И змѣю рѣчь сказавъ, въ гортань ему воткнуть. [382])
Когда же пасть свою при пойлѣ змѣй разинетъ,
И голову съ хвостомъ въ то время разодвинетъ,
То Душенька найдетъ себѣ свободный путь,

Живую ль, мертвую ль водицу почерпнуть.
Зефиръ лишь то сказалъ, Царевна путь скончала:

Явилася у водъ,
И змѣю поклонясь, умильну рѣчь сказала, [382])
Котору выдала впослѣдокъ и въ народъ:

«О, змѣй Горыничъ, Чудо-Юда!
«Ты сытъ во всяки времена,
«Ты ростомъ превзошелъ слона,
«Красою помрачилъ верблюда, [383])
«Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
«Блестишь златыми чешуями,
«И смѣло разѣваешь пасть, [384])
«И можешь всѣхъ давить когтями:
«Содѣлай край моимъ бѣдамъ, [385])
«Пусти меня, пусти къ водамъ.» [385])
Хвалы и титулы плѣняютъ всяки уши,
И движутся отъ нихъ жестоки самы души.
Услышавъ похвалы отъ женскаго лица,
Притомъ склоняяся ко сласти питьеца, [386])
Горыничъ пасть разинулъ,
И голову съ хвостомъ при пойлѣ разодвинулъ: [386])
Открылись разныхъ водъ и рѣки, и пруды,
И разны къ нимъ слѣды.
Прислужливый Зефиръ, пока сей часъ не минулъ,
Конечно, Душеньку въ дорогахъ не покинулъ;
Она, въ свободѣ, тамъ попивъ живой воды, [387])
Забыла всѣ свои дорожные труды, [387])
И вдругъ здоровѣй стала.

Писатели гласятъ,
Что Душенька тогда, съ водой явясь назадъ, [388])
Въ отмѣнной красотѣ какъ роза процвѣтала,
И предъ Венерою какъ солнце возблистала,
И будто бы тогда богиня умышляла
Заставить Душеньку лихую воду пить; [388])
Но, просто случаемъ, иль чудомъ, можетъ быть,
Кувшинъ съ лихой водой разбился,—
И умыслъ въ дѣло не годился.
Богиня видѣла изъ таковыхъ чудесъ,
Что помощь Душенька имѣетъ отъ Небесъ,
Или, точнѣй сказать, отъ самого Амура;
Но какъ извѣстно было ей, [389])
Что пагубой людей
Обилуетъ натура,
Послала Душеньку еще въ другой походъ,
Въ надеждѣ, что она скончаетъ тѣмъ животъ,
Или, хоть будетъ жить, но будетъ безъ красотъ.
Въ саду, гдѣ жили Гесперіды,
Читатель вѣдаетъ, что нѣкогда расли
Златыя яблоки, иль просто златовиды,
И сей чудесный садъ Драконы стерегли.
А въ томъ, или въ другомъ саду, вблизи Атласа, [390])
Жила напослѣдя Царевна Перекраса.
Потомству всѣ ея не вѣдомы дѣла,
Но всякъ о томъ слыхалъ, что подлинно была
Сихъ чудныхъ мѣстъ она богиня, иль Царица,
И въ сказкахъ на Руси слыла,
Какъ всѣмъ извѣстно, Царь-Дѣвица.
О красотѣ ея имѣетъ весь народъ
Изъ повѣстей доводъ:

Златыя яблоки она вседневно ѣла; [391])
Извѣстно, что отъ нихъ краснѣла и добрѣла.
Но, ради страховъ тамъ и трудностей дорогъ,
Коснуться къ яблокамъ никто другой не могъ.
Хоть не было тогда Драконовъ тамъ, ни змѣя;
Однако садъ сей былъ подъ стражею Кащея,
Который самъ, какъ стражъ, тѣхъ яблокъ не вкушалъ, [392])
И никого отнюдь ихъ ѣсть не допускалъ.
А если приходилъ кто яблокъ тѣхъ покушать, [393])
Вначалѣ долженъ былъ его загадки слушать; [393])
Когда же кто не могъ загадокъ отгадать,
Того безъ милости обыкъ онъ послѣ жрать. [394])
Венера, вѣдая сихъ строгихъ мѣстъ законы,
По коимъ властвуютъ Кащей, или Драконы,
Послала Душеньку не жить, а умирать, [395])
Чтобъ яблокъ тѣхъ достать.
Но кто ей скажетъ путь и будетъ помогать?
Зефиръ — она его успѣла лишь назвать,
Зефиръ ей новую явилъ тогда услугу; [396])
И чтобъ холодный вѣтръ не могъ ее встрѣчать,
Пустился съ ней въ сей путь по Югу;
Шепнулъ Царевнѣ онъ, какую рѣчь сказать, [397])
И какъ на всѣ слова Кащею отвѣчать;
Потомъ подъ яблоню подставить только полу —
Въ то время яблоки скатятся сами къ долу, [398])
И можно будетъ ей тогда, оставивъ садъ,
Съ добычею летѣть назадъ,
И яблокъ золотыхъ вкусить по произволу.

Не въ долгомъ времени, не въ день, въ единый часъ,
Явилась Душенька къ Кащею взять приказъ:
Поклонъ, какъ должно, сотворила,
Какъ должно, рѣчь проговорила.
Но свѣту рѣчи сей,
Ниже того, что̀ ей
Загадывалъ Кащей,
Она не сообщила.
Извѣстны только намъ послѣдственны дѣла,
Что службу Душенька вторую сослужила,
Что въ новой красотѣ предъ прежнимъ процвѣла,
И горшія себѣ напасти навела.

Къ успѣху мщенія, пришло во умъ богинѣ
Отправить Душеньку съ письмомъ ко Прозерпинѣ,
Велѣвъ искать самой во адъ себѣ пути,
И нѣкакой оттоль горшечекъ принести.
Притомъ нарочно ей Венера наказала,
Горшечка чтобъ она отнюдь не открывала.
Царевнинъ ревностный служитель давнихъ лѣтъ,
Зефиръ, скорѣй стрѣлы спустился паки въ свѣтъ, [397])
И ей полезный далъ совѣтъ: [397])
Идти въ дремучій лѣсъ, куда дороги нѣтъ.
«Въ лѣсу», онъ ей сказалъ, «представится избушка, [398])
А въ той избушкѣ ей представится старушка. [398])
Старушка ей вручитъ волшебный посошокъ,
Покажетъ впослѣди въ избушкѣ уголокъ,

Оттоль покажетъ внизъ ступени, [399])
По коимъ въ адъ низходятъ тѣни;
И Душенька тогда, лишь ступитъ девять разъ,
Къ Плутону въ области окончитъ всю дорогу;
А къ безопасности отъ страховъ, тотъ же часъ
Откроетъ на показъ
Свою прекрасну ногу,
И можетъ впослѣди безстрашно говорить
Съ Плутономъ, съ Прозерпиной, съ Адомъ,
Письмо вручить,
Горшечекъ получить,
И службу, надлежащимъ рядомъ,
Исправно совершить.»

Послѣдуя сему закону,
Пошла Царевна въ лѣсъ, куда глаза глядятъ;
Нашла подземный сходъ, ступила девять кратъ,
Сошла тотчасъ во адъ,
Явилась ко Плутону.

Возволновался мрачный край,
Не ждавъ посольства отъ Венеры;
Три зѣвны въ тартарѣ Церберы
Распространили страшный лай.
Но Душенька, въ сію тревогу,
Едва открыла только ногу,
Какъ вдругъ умолкла адска тварь:
Церберы перестали лаять,
Замерзлый тартаръ началъ таять;
Подземна царства темный Царь,

Который возлѣ Прозерпины
Дремалъ, съ надеждою на слугъ,
Смутился тишиною вдругъ:
Возвысилъ вкругъ бровей морщины,
Сверкнулъ блистаньемъ ярыхъ глазъ,
Взглянулъ.... начавши рѣчь, запнулся,
И съ роду первый азъ
Въ то время улыбнулся.

Узрѣвъ толь сильную посольску полну мочь,
Какую при письмѣ казала Царска дочь,
А паче на нее воззрѣніе Плутона,
Богиня адска трона
Велѣла ей скорѣй пресѣчь
Пристойную на случай рѣчь;
И по письму вручивъ горшечекъ ей приватно,
Ее, безъ дальнихъ словъ, отправила обратно.
Царевна наконецъ могла бы какъ нибудь
Окончить счастливо и новый оный путь;
Но вдругъ ея Зефиръ сначала,
Какъ видно, бѣдъ не предузналъ,
И ей особо не сказалъ,
Чтобы горшечка не вскрывала.
Царевна много разъ
Въ горшечекъ посмотрѣть въ пути остановлялась, [401])
И въ тотъ же самый часъ [402])
Желанію сопротивлялась.
Напослѣди, смотря и въ стороны и въ слѣдъ,
И до двора уже немного не дошедъ,
Венеры заповѣдь, и гнѣвъ, и страхъ презрѣла,

Открыла кровельку, въ горшечекъ посмотрѣла:
Оттуда, случаемъ лихимъ,
Внезапно вышелъ черный дымъ.
Сей дымъ, за сильной густотою,
Зефиры не могли отдуть;
И бѣлое лицо и вскрыта бѣла грудь
У Душеньки тогда покрылись чернотою.
Она старалась пыль платкомъ съ себя стирать;
Но чѣмъ при треніи трудилася сильнѣе,
Тѣмъ дѣлалась черньѣе,
Какъ-будто бы свой видъ трудилася марать. [402])
Надѣялась потомъ, хоть какъ нибудь водою
Прошедшую себѣ доставить красоту;
Но, чудною бѣдою,
Прибавила еще, обмывшись, черноту;
И къ токамъ чистыхъ водъ хотя лицо склоняла, [403])
И черноту свою хоть много разъ купала,
Смотрясь въ водахъ потомъ, увѣрила себя, [403])
Что темностью она была подобна сажѣ;
Иль, просто, такъ сказать, красу свою сгубя,
Была Арапова гаже.

Въ семъ видѣ Царска дочь
Стыдилась всякой встрѣчи,
И слыша всяки рѣчи,
Отъ всѣхъ бѣжала прочь.
Для бѣлыхъ рукъ ея въ народѣ вышла сказка,
Что будто бы она таилась отъ людей,
И будто бы на ней
Была лишь только маска.

Иные, ей въ посмѣхъ,
Давали странный образъ дѣлу,
И увѣряли всѣхъ,
Что боги, будто бъ ей за грѣхъ,
Арабску голову пришили къ бѣлу тѣлу.
Простой же весь народъ,
Любуясь Душеньки и видомъ и осанкой, [404])
Дивился въ ней еще собранію красотъ,
И звалъ ее тогда прекрасной Африканкой.
Но Душенька, сей видъ
Себѣ имѣя въ стыдъ,
То шею, то лицо платочкомъ закрывала,
И, въ гореети тогда, куда идти, не знала:
Идти ли ей потомъ, на смѣхъ и на позоръ,
Обратно въ домъ къ Венерѣ,
Или къ родимымъ во дворъ?
Но можетъ ли ихъ взоръ
За точну Душеньку признать ее по вѣрѣ?
Осталось только ей сокрыть себя тогда
Въ какой нибудь пещерѣ,
Гдѣ бъ люди никогда
Ея толь горькаго не видѣли стыда, [405])
И тамъ зарыть себя живую,
Чтобы скорѣе тѣмъ окончить участь злую.

Амуръ жестокость злъ подобно ощущалъ,
Онъ всѣ ея бѣды иль видѣлъ, или зналъ.
Но для чего ее оставилъ онъ безъ стражи,
Когда она несла горшечекъ адской сажи?
Читатель сей вопросъ рѣшитъ, конечно, самъ:
Угодно было такъ Судьбамъ,

Угодно было такъ Венерѣ,
Чтобъ Душенька была черна,
Чтобъ Душенька была дурна
И крылась отъ людей въ пещерѣ.
Амуръ отверженъ былъ въ Цитерѣ,
И въ небѣ бывъ тогда безъ силъ,
Бѣдѣ нарочно попустилъ,
Чтобъ тѣмъ обезоружить злобу,
Котора Душеньку могла привесть ко гробу.
Для рѣдкости сихъ дѣлъ,
Повсюду міръ шумѣлъ
О родѣ Душеньки, объ участи, о лѣтахъ,
О всѣхъ ея примѣтахъ.
Дошла впослѣдокъ вѣсть,
Чрезъ слухъ, иль какъ ни есть,
Къ сестрамъ ея коварнымъ,
Что Душенька въ раю съ супругомъ лучезарнымъ
Не долго пожила;
Что изгнана оттоль за нѣкаки дѣла,
И что, напослѣди, скитаяся безъ дѣла,
Изсохла, подурнѣла
И страшно почернѣла.
Онѣ устроили на случай торжество
И громко всѣмъ трубили,
Что Душеньку вездѣ грѣхи ее губили
И что за то ее караетъ божество.

Превратнымъ разумамъ любови существо
Невѣдомо и странно.
Сестры Царевны сей,

Навлекши скорби ей,
И всѣ ея дѣла ругая безпрестанно, [406])
Отнюдь не мыслили во мракѣ клеветы,
Чтобъ Душенька, лишась наружной красоты,
Могла Амуромъ быть любима постоянно.
Амуръ, напастями Царевны отвлеченъ, [407])
Стремилъ стараніе къ единому лишь виду, [407])
Чтобъ гнѣвъ Судебъ къ ней былъ, сколь можно, облегченъ,
Какъ-будто бы забылъ отъ сестръ ея обиду;
Но послѣ обратилъ ихъ наглость имъ же въ казнь. [408])
На торжество снихъ сестръ нарочнаго отправилъ,
Который отъ него, какъ должно, ихъ поздравилъ;
Благодаря притомъ за дружбу и пріязнь,
Прибавилъ, что Амуръ, любовью къ нимъ пылаетъ
И съ нетерпѣніемъ увидѣть ихъ желаетъ,
И только ждетъ, безъ дальнихъ словъ,
Чтобы онѣ, взошедъ на каменную гору,
Какая выше всѣхъ представится ихъ взору,
Оттуда бросилися въ ровъ;
И что потомъ Зефиръ минуты не утратитъ,
Тотчасъ летящихъ ихъ подхватитъ,
Помчитъ на верхъ въ небесный край,
И прямо постановитъ въ рай; [409])
А тамъ Амуръ явитъ имъ должныя услуги,
Намѣрясь купно взять обѣихъ ихъ въ супруги. [409])

Услышавъ толь пріятну рѣчь,
Сестры Царевницы отъ радости вскружились:
Скорѣй коней велѣли впречь,
Въ богаты платья нарядились;
Не прочили бѣлилъ, ни мушекъ, ни румянъ,
Опрыскались водами,
Намазались духами,
Хулили Душеньку за дерзость и обманъ,
Отправились къ горѣ, и тамъ, съ крутой вершины,
Спѣшили броситься въ стремнины.
Но ихъ Зефиръ потомъ на верхъ не подхватилъ,
А дулъ, какъ видно, только въ тылъ. —
И въ райское онѣ жилище не попали,
Лишь только головы себѣ, летя, сломали. [410])

Карая тако злость, межъ тѣмъ прекрасный богъ
Подробну вѣдомость имѣлъ со всѣхъ дорогъ,
Отъ всѣхъ лѣсовъ и горъ, гдѣ Душенька являлась,
И, свѣдавъ, что она
Отъ всѣхъ удалена,
Въ срединѣ горъ скрывалась,
Донесъ богамъ о томъ сполна:
Донесъ, что Душенька была уже черна,
Суха, худа, дурна;
И упросилъ тогда смягченную Венеру,
Чтобъ было наконецъ дозволено ему,
Открыто самому
Явиться къ Душенькѣ въ пещеру.

Но какъ представился тогда его очамъ
Предметъ любови постоянной?
Несчастна Душенька, въ печали несказанной,
Не ѣла, не пила, не зрѣла свѣта тамъ.
Читатель долженъ знать сначала,
Что Душенька тогда лежала;
Но бокомъ, иль ничкомъ,
Спала, или дремала —
Не вѣдаю о томъ
И не хочу искать свидѣтельства для вѣры;
Лишь знаю, что она лежала на фатѣ
У входа сей пещеры,
Скрывая голову въ пещерной темнотѣ;
А часть оставшая являлась въ красотѣ
На зрѣлище предъ входомъ;
И быть тогда могла признакомъ и доводомъ,
Когда бъ любовный богъ
О точности вещей имѣть сомнѣнье могъ.
Зефиры видѣли и свѣту возвѣстили,
Что Душеньку Амуръ издалека узналъ,
И руку у нее, подшедши, цаловалъ;[411])
Но скоро ихъ изъ глазъ обоихъ упустили.
Проснувшись Душенька тогда,
Взглянула, ахнула, закрылась отъ стыда,
Уйти въ пещеру торопилась,
И тамо наконецъ съ Амуромъ изъяснилась,
Невѣдомо въ какихъ словахъ;
А только вѣдомо всему земному кругу
Взаимное отъ нихъ прощеніе другъ другу
Во всѣхъ досадахъ и винахъ.

Амуръ потомъ, при всей свободѣ,
Велѣлъ публиковать въ народѣ
Старинну грамоту, котору самъ Зевесъ,
Въ утѣху всѣхъ дурныхъ, на землю далъ съ небесъ;
И, всюду слово въ слово,
Та грамота тогда твердилася за ново:
«Законъ временъ творитъ прекрасный видъ худымъ,[412])
«Наружный блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ дымъ;
«Но красоту души ни что не измѣняетъ:
«Она единая всегда и всѣхъ плѣняетъ.»[412])
Слова сіи Амуръ, твердя повсюду самъ,
Представилъ грамоту Венерѣ и богамъ,
А вмѣстѣ съ грамотой и Душеньку представилъ,[413])
Котору въ чернотѣ дурную онъ не ставилъ.
Юпитеръ, покачавъ
Разумной головою,
Амуру далъ уставъ,
По силѣ старыхъ правъ,
Чтобъ вѣкъ плѣнялся онъ душевной красотою,
И Душенька была бъ всегда его четою.
Сама богиня красоты,
Изъ жалости тогда, иль нѣкакой тщеты,[414])
Какъ то случается обычно,
Нашла за должно и прилично,
Чтобы ея сноха,
Терпѣніемъ своимъ очистясь отъ грѣха,
Наружну красоту обратно получила:

Небесною она росой ее умыла, [415])
И стала Душенька полна, цвѣтна, бѣла,
Какъ прежь сего была.
Амуръ и Душенька другъ другу равны стали,
И боги всѣ тогда ихъ вѣчно сочетали. [416])
Отъ нихъ родилась дочь, прекрасна такъ, какъ мать;
Но какъ ее назвать,
Въ россійскомъ языкѣ писатели не знаютъ.
Иные дочь сію Утѣхой называютъ,
Другіе Радостью, и Жизнью наконецъ;
И пусть, какъ хочетъ, всякъ мудрецъ
На свой зоветъ ее особый образецъ. [417])
Не премѣняется названіемъ Натура:
Читатель знаетъ то, и знаетъ весь народъ,
Каковъ родиться долженъ плодъ [418])
Отъ Душеньки и отъ Амура.

ПЕРЕМѢНЫ,

СДѢЛАННЫЯ АВТОРОМЪ ПРИ ПРЕЖНИХЪ ИЗДАНІЯХЪ «ДУШЕНЬКИ».

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

[1]) Гдѣ боги спорили и гдѣ дрались герои,

[2]) Тебя, о Душенька, я въ помощь призываю,

[3]) Котору въ простотѣ свободной я слагаю.

[4]) Подай мнѣ нѣжну мысль, и разумъ мой осмѣль.

[5]) Гдѣ ты всегда безъ бѣдъ проводишь сладки дни.

[6]) Будь ты мой Аполлонъ и ты мой будь Парнассъ,
Содѣлай въ холодѣ счастливы перемѣны,
Яви всегдашнюю свою весну у насъ.
Съ тобою завсегда присутствуютъ Зефиры.

[7]) Вездѣ умомъ богатыхъ
И равныхъ и двойчатыхъ!

[8]) Коль мѣрныхъ пѣсней я не строю;

[9]) По вольному стиховъ покрою,
На всякой образецъ крою:

[10]) Отважно ставлю на концахъ.

[11]) Отважно и покойно стану,

[12]) Но чтобъ въ часы забавъ, веселья и покоя,

[13]) Могу поставить въ свѣтъ свидѣтелями ихъ,
Что въ вольныхъ я стихахъ моихъ,
Писалъ за ними въ слѣдъ исторію неложно,
И точно то сказалъ, что люди знали встарь.

[14]) Во древней Греціи, въ то время,
Когда размножилось повсюду Царско племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ былъ Царь,

[15]) И злы и хищны такъ, какъ волки иль медвѣди:

[16]) Но тотъ, о коемъ я хочу сказать теперь,

[17]) Былъ обществу полезенъ,

[18]) И если находилъ онъ въ людяхъ звѣрски души,

[19]) Инымъ короткій хвостъ, инымъ двѣ пары ногъ,
Инымъ верблюжій горбъ, инымъ бараній рогъ
Отъ ѣдкой древности, котора все глотаетъ,
Архива дѣлъ его не вся сбережена:
Остатокъ правъ его однако почитаетъ

[20]) Защитникамъ велѣлъ безъ дѣла ихъ труждаться,

[21]) Всегда крушило ихъ,

[22]) И всѣмъ потомкамъ ихъ далъ въ казнь такую жъ спѣсь,

[23]) Велѣлъ, чтобъ всякіе злонравны чудаки,

[24]) По коимъ въ обществѣ ихъ люди узнавали,

[25]) По общимъ мнѣніямъ уставъ сей былъ не строгъ,

[26]) Овидій, басенной исторіи писатель,
Который никогда неправды не сказалъ,
Овидій, общій нашъ и греческій пріятель,
Подробно описалъ
Какъ казни до сего у Грековъ были часты,

[27]) За всяку злобу ихъ,

[28]) Такая нова власть, безъ всякой строгой казни,

[29]) Особо жъ онъ тогда былъ славенъ изъ Царей,
Имѣя въ домѣ трехъ прекрасныхъ дочерей.

[30]) Я только лишь скажу: меньшая Царска дочь,

21) Въ языкахъ же другихъ, по толку мудрецовъ,
Слыла она Душа, при переводѣ словъ:
У Русскихъ Душенька она именовалась;

22) Къ названію ея приличнѣйшее слово,

23) Но часто похвала,
Опаснѣй чѣмъ хула.
Завистный міръ не любитъ,

24) И рѣжетъ правду въ слухъ

25) Когда весь міръ и вся Цитерская округа,

26) Тебя едину обожали,

27) Бѣжитъ толпою изъ Цитера,
Оставленна отъ всѣхъ Венера;
Куда ни обратитъ свой взоръ,
Не видитъ жертвъ и ѳиміамовъ;

28) Вездѣ уныlость лишь несло.

29) То каждый говорилъ на Душеньку свободно.

40) Потомъ пустилась въ путь Амура навѣстить.

41) «Ты знаешь, дѣти всѣ Юпитеровы смѣлы,

42) И можешь ли терпѣть, что Душенька собою,

43) «Содѣлай Душеньку несчастною во вѣкъ:
«Чтобы такой на ней женился человѣкъ,
«Который былъ бы всѣхъ душей и тѣломъ хуже;
«Чтобы она нашла себѣ тирана въ мужѣ,

44) «Чтобы краса ея увяла,

45) Хотя онъ зналъ Венеры свойство,

46) Свою озлобленную мать,
И былъ ей долженъ обѣщать,

47) То слыша, вкругъ его Амуры ужаснулись,

48) Что гнѣвъ на Душеньку отъ сына навлекла.
Назначила отъѣздъ во островъ свой обратно,
Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно;
И, въ изъявленіе отмѣнна торжества,
Представила себя во славѣ божества.

9) Богиня древній свой устроила парадъ,

0) Продерзки волны усмиряетъ;

1) Жемчугъ ей ищетъ тамъ на днѣ,

2) Даетъ вездѣ приказы строги,

) Предъ нею громко трубить въ рогъ.

) Другія жъ, красотамъ дивясь,

55) Венеру могутъ любывать

56) И противъ ней свою неутолиму месть;

57) Велѣла сродникамъ Царевны быть готовымъ

58) Пока ее они
Не приведутъ къ ней въ руки,
На всѣ оставши дни
Терпѣть различны муки.

59) Коль люди въ стыдъ богинѣ ее боготворили;

60) Слова тѣ Душенькѣ хотя пріятны были,

61) Когда бы ихъ тогда сказалъ любовникъ ей

62) «Поди ты, Душенька, въ лѣса,
«Бѣги, бѣги людей отчынѣ,
«И лучше ты живи въ пустынѣ.»

63) Они тогда о ней не менѣе крушились,

64) А къ нимъ жрецы пророки

65) Отвѣтъ жъ былъ притомъ не менѣ безтолковъ,

66) «Есть чудо съ крыльями, которо всѣхъ язвитъ,

67) «Всегда грызетъ сердца, питается слезами,
«Всегда оружіе имѣетъ на плечахъ,

[68]) «Сыскать къ супругу путь дают особый
знак:

[69]) «Горы, которая невидима отсель,
«И выше всѣхъ, стоитъ за тридевять земель,

[70]) Отвѣтъ сей сродниковъ въ сомнѣніе привелъ
И неописанный въ нихъ ужасъ произвелъ,

[71]) Отъ разныхъ страховъ сихъ родные возму-
щались;

[72]) Не знали только, гдѣ высокая гора,

[73]) Что должно ѣхать съ ней имъ прямо на Пар-
насъ;
Извѣстно было имъ, что нѣкоторы Музы

[74]) Хотя нѣста тѣ святы,

[75]) Гдѣ змѣи лютые въ чести.

[76]) Иные думали вести ее къ Атласу,

[77]) Но люди смѣлые изъ плачущей родни

[78]) то змѣи тамъ легко Царевну могутъ скушать,

[79]) И громко вся родня, безъ дальняго суда,
Воскликнула тогда,
Что Душенька отнюдь изъ дома не поѣдетъ,

80) Родня Царевнина и Царь, ея отецъ
Желали лучше всѣ, боговъ противясь власти,

81) На свѣтѣ скучивъ безъ супруга,

82) А чтобъ видна была роднѣ ея услуга,

83) «Живите въ счастіи, она сказала имъ:
«Я васъ должна спасти несчастіемъ моимъ.
«Пускай свершается боговъ безсмертныхъ воля,

84) Совѣтъ пустился плакать снова,
Никто отъ горести не могъ промолвить слова,
И слезы тутъ у всѣхъ катились по лицу.
Но въ горестнѣйшемъ плачѣ
Никто съ Царицею сравниться не возмогъ;
Она пускала стонъ и жалобы всѣхъ паче.
То, память потерявъ, валилась часто съ ногъ,
То въ горести, теряя мѣру,

85) Но хоть кричала то во всю большую мочь

86) Безъ кучера и безъ возжей,
Пустя по волѣ лошадей.

87) «Судьба конечно приведетъ
«На мѣсто счастія иль бѣдъ,

88) Садится Царска дочь и съ нею мать-Царица,

[89]) Везутъ безъ поводовъ,

[90]) Тутъ всякъ изъ нихъ стихамъ давалъ различный толкъ,

[91]) Другіе въ честь ей гимны пѣли,

[92]) И возвратяся въ домъ,
За диво, возвѣщали;
Другіе жъ божествомъ
Царевну называли,

[93]) Но въ нихъ ни одного пригорка не видали;

[94]) Тамъ сами лошади остановились вдругъ,

[95]) Тогда тамъ всѣ Судебъ признаки находили,

[96]) Тамъ всѣ при каждомъ шагѣ,

[97]) Инымъ тамъ видѣлись Мегеры,

[98]) Но Царь и дочь пошли, и свита въ слѣдъ пустилась:
Осталась на пути одна Царица-мать,
Не могши далѣе шагать,

[99]) Хрустальная кровать

[100]) Которы тамъ драконы жрали.

КНИГА ВТОРАЯ.

—

101) Или что въ повѣстяхъ ужаснѣйшихъ читала,

102) Печальну жалобу на Небо произнесть,
Помчалась къ небу вдругъ, куда, никто не вѣсть:

103) Безъ крылъ несла ее невидимая сила;
И царское дитя,
Едва не обмерло, по воздуху летя.
Невидимый Зефиръ, воздушный Нимфъ носитель,
Который былъ ея и спутникъ и хранитель,
Увидѣвъ рѣдку красоту,

104) Какая власть его послала
Ее восхитить въ высоту;
Всѣ мысли устремилъ къ неслыханному диву,
И внѣ себя взвѣвалъ ей платье на лету.
Но видя наконецъ онъ Душеньку чуть живу,
Пріятнымъ голосомъ сей страхъ ея пресѣкъ;

105) Что къ ней Зефировъ полкъ назначенъ во услуги;
Далъ вѣдать о себѣ, отколь и кто таковъ,
И множество притомъ сказалъ ей лестныхъ словъ.
Амуры, вкругъ летя, тѣ рѣчи подтвердили,

И Душеньку тогда отъ страха свободили.
Чрезъ нѣсколько минутъ, Зефиръ ее вознесъ
Къ селенью нѣкому межъ облакъ и небесъ,

[106]) Тутъ взорамъ Душеньки открылась тма чудесъ:

[107]) И розами всядѣ усыпанны дороги:

[108]) Невиданной работы,
Агатныя вороты
Съ четырехъ всѣхъ сторонъ,

[109]) Таковъ былъ первый видъ, читатель примѣчай,

[110]) Нечаянно взнеслась въ устроенный ей рай.
Въ надеждѣ на боговъ, съ счастливымъ толь признакомъ,

[111]) Имъ Душенькинъ приходъ приказано стеречь,

[112]) Отъ Нимфъ ей сказаны похвальныя слова,

[113]) Но Душенька имъ всѣмъ велѣла быть въ покоѣ,

[114]) Читатель, такъ видалъ ты матку въ пчельномъ роѣ,
Когда юнѣйшій родъ, оставя старыхъ пчелъ,

Бунтуетъ, рѣзвится, журчитъ и въ даль летаетъ,

115) Ей только предвѣстилъ, но прямо не нарекъ.

116) И съ нетерпѣніемъ служащихъ вопрошала;

117) И Душенька о немъ въ незнаніи была.
Межъ тѣмъ она прошла крыльцовыя ступени,

118) Царевна райскіе увидѣла сады,
И прежніе свои забыла всѣ труды.

119) Какіе созидать лишь только могутъ боги,

120) И благовонныя работали ей мылы,

121) Для нѣкакой въ нихъ силы.

122) Какія были тамъ готовы,

123) Но слугъ различныхъ полкъ, предъ тѣмъ отдавъ поклонъ,
Былъ долженъ выйти вонъ.
Амуры за дверьми, не бывъ при ней въ услугѣ,
Тогда лишь слѣдъ ея лобзали на досугѣ.

124) Зефиры жъ хищные имѣя входъ вездѣ
Затѣмъ, что ростомъ мелки,

125) Гдѣ Царска дочь купалась:

126) Зефиры! коихъ я счастливѣйшими чту,
Вы тамо видѣли Царевны красоту:

127) Всѣ части, всѣ черты,

128) Которыхъ разуму представить не удобно:

129) Молчанье ваше разумѣю:

130) Я Душеньки красотъ описывать не смѣю

131) Съ улыбкою свои раскидывала взгляды,
На изготовленны ей платья и наряды

132) Иль лучше такъ сказать, то мысль ея творила
Коль вещи съ мыслями предъ ней являлись вдругъ.

133) И по стѣнамъ стояли предъ ней великимъ рядомъ,

134) Въ ближайшей залъ былъ къ обѣду столъ готовъ;
Тамъ яствы и напитки
Являли всѣхъ сластей довольство и избытки.
Тамъ нектаръ всѣхъ родовъ,
И все, что̀ для боговъ,

5) Та пища красоты и силы придавала,
Душенька труды, покушавъ, забывала.

Амуры, чтобъ притомъ ей ревность возбудить,

136) Иной былъ кравчимъ тамъ, другой носилъ посуду,
Иль рюмки наливалъ, и всякъ совался всюду;

137) Кому, изъ рукъ своихъ, ихъ новая богиня

138) Царевны зрѣніемъ единымъ услаждались.

139) Какія сочинять лишь можетъ богъ стиховъ.
Вначалѣ райскія тамъ собраны пѣвицы,

140) Но впрочемъ Душенька рѣшиться не могла,

141) Онѣ имѣли всѣ въ искусствѣ равну честь,

142) Толь медленно, толь внятно,
И содержаніе ихъ было толь пріятно,

143) И послѣ по всему ихъ дому распустила.

144) Впослѣдокъ таковы и къ намъ они дошли
«Любови всѣ сердца подвластны,
«И сами боги чтутъ законъ,
«Какой уставилъ Купидонъ,
«Чтобъ были всѣ ему причастны.
«Познай, красавица, любовь;
«Ты счастіе познаешь вновь.»
Та пѣсня многажды предъ Душенькой пропѣта.

145) Потомъ одна изъ Нимфъ къ ней вышла доложить,
Что время было опочить.

146) И тамъ, ко всякому покою отъ дорогъ,

147) Обѣщанный супругъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
Въ невидимомъ лицѣ тогда явился тутъ.

148) Онъ былъ въ объятіяхъ, но не былъ онъ въ очахъ,

149) Никто не вѣдаетъ, ни что̀ сказалъ женихъ,
Ни что̀ они потомъ другъ съ другомъ говорили,
Ни о подробностяхъ, притомъ какія были;

150) Супружество могло быть впрочемъ ей пріятно,
Лишь только таинство въ немъ было непонятно:

151) Неслыханъ былъ толь тайный бракъ.
Царевна, думая о томъ и такъ и сякъ,

152) Хотя же Душенька инако разумѣла,

153) И изъ его притомъ пріятнѣйшихъ рѣчей,

154) Въ сомнѣнномъ семъ ея удѣлѣ
Скрывалася ночная тѣнь,

И Душенька межъ тѣмъ въ постелѣ,
Не зная какъ рѣшить о дѣлѣ,

155) Увидѣла, что былъ ужъ день;
Но день сей могъ ли тамъ забавить?

156) Она желала дня конца,
И съ нетерпѣніемъ ждала обратно ночи.
Тутъ снова сонъ закрылъ ея прекрасны очи.

157) То, словомъ, образъ былъ младого Аполлона.

158) Дай зрѣть себя, любезный мой!

159) Намѣсто бѣглеца, свой спальный капишонъ.

160) Быть можетъ, что тогда супругъ, сокрывшись тамо,
Вблизи подслушивалъ ея любовный бредъ,

161) Супруга своего она лишь зрѣла слѣдъ,
Лишь только было ей тогда узнать возможно

162) Что онъ, ушедъ отъ ней, оставилъ ей любовь,
Что Душенька тогда любовью сей пылала;
Но тщетно зрѣть его желала,
И въ прежни мысли вверглась вновь.
Услужный сонъ, кружась надъ нею съ тишиною,

[162]) Я, Душенькину въ томъ послѣдуя уставу,

[164]) Что только лишь могло ей дѣлать тамъ забаву.

[165]) И не оставила, тамъ бѣгая, угла

[166]) Одни Зефиры лишь ей слѣдовать могли,

[167]) Которы Душенька, осматривая вкругъ,

[168]) Едина отъ другой смотрѣнье отвлекала;

[169]) Для отдыха она на время отъ трудовъ.

[170]) Безсмертно царствуютъ, какъ память ихъ въ умахъ.

[171]) Тамъ образъ Душенькинъ стоялъ,
И паче красотой другіе унижалъ.

[172]) Другая статуя въ ней видѣлась тогда,
Какой никто потомъ не видѣлъ никогда.
Тутъ долго бъ Душенька осталась

[173]) Для новой глазъ ея забавы,
Въ другихъ мѣстахъ казали ей

[174]) Въ иныхъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,

[175]) Но хочетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ?

Въ иной Зефиры ей несутъ Помонинъ рогъ,
И сыпля ей цвѣты, съ ней рѣзвятся въ доли-
нахъ.

176) И болѣ какъ копьемъ, своимъ прекраснымъ
взоромъ,

177) Желаетъ быть моложе,

178) А тамъ представлена она среди Утѣхъ,

179) И вымыслами игръ различныхъ производятъ

180) И, можетъ быть, страшась отъ критикъ зло-
крамольныхъ,

181) Въ картинахъ же онѣ, какъ вѣстно, чудесами

182) А чтобъ, встрѣчаясь тамъ,
Различные предметы
Не скучили ея глазамъ,
Въ другихъ мѣстахъ ея портреты
Одни являлись по стѣнамъ,

183) Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:

184) Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша,

185) Гдѣ жители тебя достойно обожали,
Былъ храмъ твоихъ красотъ; и нѣтъ сомнѣнья
въ томъ,

Что храмъ сей для тебя Амуры соружали,

186) Амуры образъ твой повсюду начертали;

187) Тамъ вѣчнымъ жаромъ лѣта
Земля была нагрѣта,

188) Тамъ нова слугъ толпа на встрѣчу къ ней летѣла,

189) Царевна въ первый день о всемъ узнать хотѣла,
Вездѣ хотѣла погулять;

190) Ея приходомъ вся Натура оживлялась.

191) Какъ будтобъ нѣкое влеченье ощущали,
И тихимъ шумомъ тамъ другъ другу возвѣщали,
Подъ тѣнію своей блестящи красоты;

192) И гдѣ Царевна шла, въ томъ мѣстѣ выростадъ.

193) Какъ будто оживленъ, къ ней силился прильнуть.
Умолкли хоры птицъ, внимая шумъ древесный,
И за Амурами текли въ ихъ путь извѣстный,

194) Бѣжали прочь оттоль Фауны и Сатиры,
И дули тамъ одни тишайшіе Зефиры.

195) Смотрѣть на путь ея, тамъ головы поднявъ,

196) Являлись тамъ къ ея услугамъ, иль къ забавѣ,
Иль въ честь ея державѣ
И къ славѣ торжества.

197) И съ свитой и одна, къ тѣннстымъ симъ мѣстамъ,

198) Ихъ самъ онъ можетъ отгадать.

199) Въ сихъ скукахъ Царска дочь, пускаяся въ нарядъ,
Въ уборахъ время провождала,
Всегда обнову надѣвала,
Въ обновѣ же ходила въ садъ,
И тако скуку прогоняла.

200) Къ утѣхамъ чувствій нѣжныхъ,
Въ счастливыхъ дняхъ и безмятежныхъ,

201) Въ Россіи наконецъ, гонитель злыхъ пороковъ,
Почтенный Сумароковъ,

202) Но чтобы всѣ текли веселья безъ помѣхъ,
Печальный всякой видъ тираствъ, смертей, измѣны,
Былъ изгнанъ изъ палатъ, гдѣ царствовалъ лишь смѣхъ,

203) Невѣдомъ былъ кинжалъ плачевной Мельпомены.

204) И кто и какъ живалъ, и нынѣ какъ живетъ,

205) Тамъ авторъ силился слезами всѣхъ тронуть,
И героиня тамъ, въ печальнѣйшемъ нарядѣ,

206) Но чѣмъ тогда въ бѣдахъ,

207) Она, сказавъ люблю, ахъ! вышла изъ покоя,

208) Царевна тамъ еще взяла читать стихи,

209) Въ семъ домѣ въ первый разъ она узнала скуку,
И бросивъ ихъ подъ столъ, ушибла больно руку.

210) И послѣ Душенька, боясь конечно скукъ,

211) Стиховъ три года не читала,
Хотя ихъ нѣкогда сама она слагала;

212) И въ семъ изгнаніи стиховъ,
Оставила не чтя похвальныя ей оды.
Желала посмотрѣть впослѣдокъ переводы

213) Но въ нѣкакихъ словахъ ихъ мало разумѣла,

214) На знаемый языкъ, Амурамъ перевесть,

215) Царевна, знавъ, что имъ не писанъ былъ законъ,
Ихъ вольности не нарушала,
Но сихъ твореній не читала.
Три года тако жизнь Царевна провождала:
Счастлива бы была, когда бъ прекрасный рай

216) Что Стиксомъ клялся въ томъ богамъ,

217) Супруга въ домѣ по ночамъ;

218) Впослѣдокъ онъ, для большей вѣры,
Какъ въ томъ бѣды предузналъ,
Въ слезахъ ее увѣщавалъ,
Чтобъ свѣта бѣгала въ свиданіяхъ любовныхъ,
И паче бъ стереглась коварства самыхъ кровныхъ,
Которые хотятъ ей гибель нанести;
Что если будетъ власть на то боговъ верховныхъ,
Ее никакъ отъ бѣдъ не можетъ онъ спасти,

219) Вздохнувши онъ тогда отъ страховъ толь суровыхъ,
Едва изъ дома отлетѣлъ,
Зефиръ, который вдаль посланъ былъ для дѣлъ,
Принесъ отвсюду ей пуки извѣстій новыхъ,
Что двѣ ея сестры
Пришли ее искать у страшной той горы,
Откуда имъ Зефиромъ
Она вознесена въ прекрасный рай надъ міромъ;

220) Ты бъ въ вѣчной тайнѣ сокрывалъ

221) Къ несчастью, никакой не встрѣтился съ нимъ духъ,
Кто близкихъ бы для ней напастей вѣдалъ слухъ,
И кто бы, при такой незнаемой измѣнѣ,

222) Сихъ сестръ передъ себя велѣла въ рай привесть.

223) То счастье мало веселитъ,
Котораго никто не знаетъ,
И радость вдвое тотъ вкушаетъ,
Кто радости съ другимъ дѣлитъ.

224) Но ревность ядъ тогда простерла въ ихъ сердцахъ,
Втвердила въ мысли ихъ, какъ будто грѣхъ Натуры,

225) Богини служатъ ей Зефиры и Амуры.
Къ тому имъ Душенька сказала съ хвастовствомъ,

226) И всякія всегда ей дѣлаетъ услуги.

227) Не зная, что̀ сказать, Царевна тутъ запнулась,
Желала скрыть отъ сестръ сумнѣнныя дѣла,
И въ рѣчи заикнулась.
Хотя же не могла

Разлуку съ нимъ оправить
Сестры, отъ ревности, которая ихъ жгла,
Не преминули то въ умѣ себѣ представить,
Что Душенькинъ супругъ любезнѣйшій былъ богъ,
Что въ сихъ блаженствахъ вышнихъ,
И видимыхъ и слышныхъ,
Ни злой, ни страшный духъ присутствовать не могъ;

228) Легко отъ ревности себѣ воображали,
И тайно отъ сестры между собой шептали:
«За что супруга ей Судьбы на Небѣ дали?

229) «Едва въ простыхъ царяхъ себѣ мужей нашли,

230) «И намъ отнюдь не пары,»

231) Впослѣдокъ говорили,

232) Коварна ненависть, судя повсюду строго,

233) И день и два и три супругъ гостямъ не явенъ.
Тогда отверзла вслухъ уста свои хула:
«Конечно былъ супругъ недобръ, угрюмъ, злонравенъ,
«Конечно Душенька несчастлива была,
«И сестръ неправыми словами обманула.»
Тогда Царевна воздохнула,
Потупила глаза, на сестръ своихъ взглянула,

И слезы тутъ себѣ въ улику пролила.
Тогда сестрамъ открыла,
Куда по днямъ ходила,
И гдѣ и какъ жила,

234) Мгновенно сообщилъ одинъ другому ядъ,
Который былъ прикрытъ доброжеланьемъ внѣшнимъ.

235) Что въ страшныхъ сихъ мѣстахъ быть долго опасались,
И что сначала имъ сомнителенъ былъ домъ;

236) Манятъ людей въ сей страшный край,

237) И будто бъ испускалъ онъ искры изъ ноздрей,

238) Имъ общій всѣмъ позоръ

239) Что дѣти отъ нея должны быть всѣ уроды,

240) Когда бъ онъ не былъ змѣй,

241) Впослѣдокъ Душенька завѣрно положила,

242) Что мужъ ея колдунъ, и могъ себя являть
Дракономъ, аспидомъ и всякой видъ принять,
Но въ видѣ семъ онъ ей не могъ себя казать,
Чтобъ тѣмъ ее не испугать;

243) «Что̀ знали отъ меня и видѣли вы сами;
«Скажите, что я здѣсь неволею жила,
«Но волей умерла.»

244) Что лютыхъ золъ ея невѣдомый творецъ,
Быть можетъ, ихъ самихъ пожретъ или удавитъ;

245) Въ удобный сонный часъ зарѣзать колдуна,

246) Она во весь свой вѣкъ не рѣзала людей,
И жалость завсегда имѣла мѣсто въ ней;

247) Въ груди ея таилась.

248) Сестры то вѣдали и смѣло отвѣчали

249) Что тотчасъ принесутъ ей самый острый мечъ,

250) Пріятна ли была ей ревность сихъ услугъ,

251) Прекрасна Душенька, тогда безъ мыслей дальныхъ,

252) Что двѣ сестры потомъ въ полетѣ,
Съ лампаднымъ свѣтомъ отъ земли
Сей мечъ на воздухъ унесли,
И послѣ нѣкакой дороги
Взнесли въ извѣстные чертоги,
Гдѣ Душенька ждала сестеръ;
А для пристойныхъ тамо мѣръ,

Потомъ навѣки съ ней простились,
И въ путь къ домамъ скорѣй пустились.

253) Амуры не могли, какъ должно, ей помочь;

254) Но хитрости ли въ томъ Царевны успѣвали;

255) Онъ, мало говоря, споконлся, вздохнулъ,

256) И съ предпріятіемъ печальнымъ,

257) Кого въ одрѣ своемъ находишь?

258) Казалось будто бъ въ ономъ снѣ

259) Таковъ являлся богъ Амуръ,

260) Каковъ быть долженъ богъ пріятствъ,

261) Увидѣвъ Душенька прекрасно божество,

262) Что сей супругъ ея прекраснѣйшій былъ богъ,

263) Которымъ жизнь свою хотѣла окончать,

264) Но удовольствіемъ очей
Остановлялась мысль любовна,

265) Она не разъ себя тутъ въ мысляхъ обвиняла,
Смотря со всѣхъ сторонъ, что̀ видѣть лишь могла,

Почто давно къ нему съ лампадой не пришла,
Почто сихъ прелестей толь долго не видала,

266) Ожогою бедра супруга разбудила.
Онъ, чувствуя жестоку боль,

267) Вздрогнулъ, вскричалъ, проснулся,

268) Сказать всю бытность отъ начала,
Иль что въ поправку дѣлъ сказать ему могла:

269) И свѣтъ и мечъ во всемъ уликою являлись,

КНИГА ТРЕТІЯ.

270) Бывала Душенька всѣхъ радостей душою,

271) Но вдругъ во всемъ дворѣ разсѣялися слухи,

272) Но были такъ легки, какъ наши петиметры.
Зефиры были вѣтры:

273) Быть долго постоянны,

274) Оставивъ Душеньку за шалость и за грѣхъ,
И вспомнивъ древню ихъ преданность и услугу,

275) Амуры къ Душенькѣ всѣхъ болѣ склонны были,

276) Но вѣдая въ томъ вышню власть,
Къ ней близко подступить не смѣли;
Или, то можетъ быть, они, предвидя впредь
Всѣ горести ея и скорби и печали,
Судили лучше ей въ сей долѣ умереть,

277) Коль смерть тебя отъ бѣдъ грозящихъ не избавитъ,
Сей свѣтъ, въ которомъ ты равнялась съ божествомъ,
Отнынѣ для тебя наполненъ будетъ зломъ,

278) Тебя на бѣдствія оставилъ Купидонъ.

279) Прошли какъ-будто сонъ.
Кто сладки дни вкушалъ и сладкихъ дней лишился,
Тотъ болѣ вѣдаетъ ихъ цѣну и уронъ;

280) И утѣшеніе себѣ не чаетъ впредь,
Конечно моего не опорочитъ слова,

281) Но гнѣвная Судьба къ ней толь была сурова,

282) Судьба судила такъ, чтобъ Душенька жила,

283) Могла бы тѣмъ свою печаль и скорбь умѣрить;

284) Грѣхомъ, утратила какъ дура,

285) И чѣмъ сильнѣй она свой чувствовала грѣхъ,
Тѣмъ болѣ нѣжною любовью пламенѣла,

286) Онъ тайно ею любовался,
Онъ, крадучись, ея поступки примѣчалъ;

287) И извиняючи въ ней сворость всякой вѣры,

288) Былъ долженъ Душеньку предать ея судьбамъ.

289) Противу склонности былъ долженъ ухищряться,
Противъ желанія былъ долженъ притворяться,

290) Амуръ, Амуръ! она отчаянно вскричала.

291) Едва не позабылъ всю грозу вышней власти,

292) Всю тщетность наконецъ сихъ лестныхъ упованій,
Всю гибель Душеньки, строжайшимъ ей судомъ

293) Предсталъ ея очамъ,

294) И будто жалости не вѣдая вовѣкъ,
Онъ гнѣвнымъ голосомъ, съ презоромъ, произрекъ
Отнынѣ участь ей, предписанну богами:

295) «Ей Боги дали власть повелѣвать тобою....

296) Но какъ то ни было, любови нѣжной сила,
Иль паче нѣкая невидимая власть,
Умноживъ лютую Царевнину напасть,
Умножила ея мучительную страсть:

297) И всѣхъ надеждъ лишась, тѣмъ болѣе любила
Супруга, коего безумно оскорбила,

298) Проливъ въ отчаяньи потоки горькихъ слезъ,

299) Узрѣвъ бездонную тамъ пропасть подъ горой,
Съ вершины бросться въ ту пропасть предпріяла:

300) Зефиръ, старинный другъ, при аэрныхъ путяхъ
Увидѣлъ Душеньку въ толь видимыхъ бѣдахъ,

301) Онъ воздухъ тихимъ тамъ дыханьемъ растворилъ,

302) Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что сонъ и вся Натура,

303) Амуръ, который зрѣлъ Царевны скорбь и трудъ,

304) Къ небытію была влекома въ сей пустынѣ,

305) Ниже другого острія,

306) И вмѣсто смертнаго успокоенья муки,

307) Вблизи тамъ росъ дубнякъ,

308) На Душенькѣ тогда былъ аленькой платокъ.

309) Тамъ выбравъ крѣпкой сукъ, послѣдній шагъ ступила,
Свой аленькой платокъ какъ должно прицѣпила,

310) Дубовый сукъ, на чемъ царева дочь повисла,

311) И горы вскрикнули, толь громко какъ возможно,

312) Ихъ рѣчи утвердилъ, любуяся безъ словъ.

313) Представился еще ей новый смерти родъ,

314) Она рѣшилась утопиться.
Рѣка

315) Тамъ, съ берега крутова,
Гдѣ дно скрывалось подъ водой,
Въ слезахъ не вымолвивъ ни слова,

316) И ѣхавъ тамъ поверхъ лющейся дороги,

317) Что будто вмѣсто щукъ тамъ видѣли Наядъ,
Что тамъ Наяды, эскадрономъ

318) Бывъ нѣкогда въ раю подъ счастливымъ закономъ,
За Душенькою вновь спѣшили вслѣдъ догономъ,

319) Признать въ ней прежнюю владычицу свою:

320) Ихъ, будто бы за грѣхъ карая,
Служить на волю распустилъ.

321) Гдѣ тщетно жизнь потомъ кляла,

322) Остался наконецъ одинъ лишь смерти родъ,

323) Еще себя она надеждою питала,

324) Въ дали у берега тамъ нѣкой дымъ курился,

325) Нашла себѣ дрова, раскладенныя въ ямѣ,
Горящія во пламѣ,

326) Былъ старый рыболовъ;

327) Отъѣхавъ вдаль въ то время.

328) Могла себя тамъ сжечь,
Въ пустомъ и чистомъ полѣ,
На самой полной волѣ.
Никто бы вытащить не могъ ее оттолѣ.

329) Она, сказавъ ко всѣмъ прощательную рѣчь,
Лишь только бросилась во пламенную печь,

330) Остался лишь въ кострѣ потребный теплый духъ,
Затѣмъ, чтобъ Душенька тамъ ножки осушила,

331) Восколебались тамо воды,

332) Но знаю, что потомъ вскруженный старый дѣдъ,

333) «Подай мнѣ помощи ты руку;

334) Что смерть она напрасно чаетъ,
Что смерти ей на свѣтѣ нѣтъ;
Но что еще она не знаетъ
Всю строгость ей грозящихъ бѣдъ:

335) И грамматы о ней прибиты,

336) Тамъ Душенька сама прочла

337) «Она же взорами творитъ сердцамъ изъянъ,

338) «Тотъ вѣкъ грѣха сего не смоетъ,

339) Изъ должности одни Цитерскіе пролазы

340) Впослѣдокъ Душенька за благо разсудила
Просить о помощи начальнѣйшихъ богинь.

341) Но со дня, какъ въ раю Амура полюбила,

342) Тотъ дерзокъ былъ, тотъ трусъ, тотъ гордъ,
тотъ подлый шпынь;

343) Въ ней Душенька найти могла бы оборону,
Но та сама въ тѣ дни свою имѣла грусть:

344) Впослѣдокъ до ушей Юноны слухъ проникъ,

345) И можетъ быть, затѣмъ, какъ видѣла Юнона,

346) Тогда у всѣхъ своихъ являлась алтарей.

347) Въ сей скорби Душенька, привыкши вдаль
ходить,

348) Трясли надъ многими мѣстами,

349) А паче какъ хвостомъ комета всѣхъ сши-
баетъ,

350) Никто ея еще не нарушалъ забавъ,

351) Лишила бъ Душеньку всѣхъ милостей и правъ.
Куда идти? еще ль къ Минервѣ, или Церерѣ?

352) Но Душенька, въ сіе стеченіе народа,
Избравъ тишайшій часъ,

353) Къ ней строгаго закона,

354) И благовонная тамъ падала роса,

355) Далъ строгій всѣмъ приказъ, въ угодность сей богинѣ,

356) Тамъ самы дики звѣри

357) А овцы, позабывши страхъ,

358) Невѣдомъ былъ тамъ жалобъ гласъ,

359) Богининъ храмъ стоялъ межъ множества столповъ.
Сей храмъ отъ всѣхъ сторонъ являлъ два разныхъ входа,

360) Отъ всѣхъ наукъ, отъ всѣхъ искусствъ и всѣхъ затѣй,

361) Привѣсилъ во углѣ цѣвницу золотую.

362) Во храмѣ распестрилъ живымъ письмомъ всѣ стѣны.

363) Неся богинѣ въ дань усердный только духъ,

364) Сей ликъ былъ нѣкою чудесною рукой,

365) Явилъ намъ въ первый разъ во всей красѣ Венеру.

366) Читатель можетъ то рѣшить по волѣ самъ.

[367]) Въ минуту на себя всѣхъ очи обратила:

[368]) По виду жъ Душеньки, согласно весь народъ,

[369]) Что истинная тамъ богиня всѣхъ красотъ,
Ведя съ собою вкругъ Амуровъ хороводъ,
Имѣя яблоко Парисово въ десницѣ,

[370]) Сама изъ Пафоса ко храму прибыла;

[371]) Вотще Царевна тутъ всѣхъ обще увѣряла,

[372]) Рекла къ ней Душенька, колѣна преклоня:

[373]) Сама желаю быть твоею я рабою,

[374]) «Чтобы всегда могла твои я очи зрѣть.»

[375]) При разныхъ службахъ повелѣнныхъ.

[376]) И только бы одной Венерою прельщались.

[377]) Кто первую попьетъ, здоровье получаетъ;
Вторую кто попьетъ, здоровье потеряетъ,
Но къ симъ водамъ лишь тотъ доходитъ, кто счастливъ.
Пошла Царева дочь, тогда безъ дальня чина,
Какъ должно, прицѣпивъ
Подъ плечи два кувшина,

[378]) Пошла куда, и кто съ ней будетъ провожатымъ?

379) Ей на ухо шепнулъ,

380) Какъ развѣ напоитъ кто змѣя питьецомъ.

381) При семъ ее снабдилъ онъ нѣкакою флягой,

382) И змѣю рѣчь сказавъ, въ змѣино горло влить.
Когда жъ на питьецо свою онъ пасть разинетъ,
Онъ голову съ хвостомъ легко потомъ раздвинетъ,
И Душенька найдетъ себѣ свободный путь,
Живую ль, мертвую ль тамъ воду почерпнуть.
Не въ долгомъ времени Царевна путь скончала,
Чрезъ нѣсколько минутъ явилася у водъ,
И вспомнивъ весь совѣтъ, предъ змѣемъ рѣчь сказала.

383) «И видомъ краше ты верблюда;

384) «Широко разѣваешь пасть,

385) «Содѣлай край лихимъ бѣдамъ,
«Пусти ты Душеньку къ водамъ.»

386) Горыничъ пасть разинулъ,
Хлебнулъ изъ фляги питьеца,
Заснулъ, и голову съ хвостомъ тогда раздвинулъ.

387) Въ свободѣ Душенька, попивъ живой воды,
Забыла всѣ труды

388) Въ ней нова красота въ то время возблистала,
И къ умноженью лишь соперницѣ досадъ,
Съ водой она явясь назадъ,
Предъ ней какъ роза процвѣтала.
Впослѣдокъ Душеньку богиня умышляла
Заставить мертву воду пить;

389) Но вѣстно было ей

390) Въ томъ самомъ иль въ другомъ саду, вблизи Атласа,

391) Златыя яблоки она по вся дни ѣла,

392) Который самъ, какъ стражъ, въ немъ яблокъ не вкушалъ,

393) А если приходилъ кто яблокъ сихъ покушать,
Тотъ прежде долженъ былъ его загадки слушать:

394) Того изжаривши, обыкъ онъ послѣ жрать.

395) Послала Душеньку тѣхъ яблокъ доставать.
Зефиръ явилъ ей вновь потребную услугу,

396) Шепнулъ ей на ухо, какую рѣчь сказать,
Какъ должно на вопросъ Кащею отвѣчать,
Потомъ подъ деревомъ подставить только полу,
А яблоки тогда скатятся сами къ долу,

397) Зефиръ, не мѣшкавъ, далъ полезный ей совѣтъ

398) Сказалъ, что ей въ лѣсу представится избушка;
Въ избушкѣ тамъ сидитъ старушка;

399) И отведетъ ее въ кутокъ;
Въ куткѣ покажетъ внизъ ступени,

400) Окончить счастливо и сей подземный путь;

401) Въ пути остановлялась,
Желая видѣть внутрь, и въ тотъ же самый часъ

402) Какъ-будто бы платкомъ могла себя марать.

403) И къ токамъ чистыхъ водъ когда лицо склоняла,
Они служили ей въ замѣну лишь зерцала:
Смотряся въ нихъ, лишь вновь увѣрила себя,

404) Любуяся ея и видомъ и осанкой,

405) Не видѣли ея горчайшаго стыда,

406) И славя всѣмъ ея пороки безпрестанно,

407) Амуръ доколь ея напастьми отвлеченъ,
Всѣ мысли устремлялъ къ единому лишь виду,

408) Но наглость ихъ потомъ преобратилъ имъ въ казнь:

409) И прямо ихъ поставитъ въ рай;
А тамъ имъ всякія Амуръ явитъ услуги,
Намѣрясь купно ихъ обѣихъ взять въ супруги.

410) Лишь головы себѣ сломали.

411) И что, подшедъ, у ней онъ руку цаловалъ,

412) «Что время дѣлаетъ прекрасный видъ худымъ,
«Что внѣшній блескъ въ очахъ преходитъ такъ, какъ дымъ,
«Но красота души свой образъ сохраняетъ,
«Всегда влечетъ умы, всегда сердца плѣняетъ.»

413) И вмѣстѣ съ грамматой онъ Душеньку представилъ,

414) Изъ жалости ль тогда, иль нѣкакой тщеты,

415) Богиня нѣкакой росой ее умыла:

416) И ихъ тогда навѣкъ всѣ боги сочетали.

417) Зоветъ ее на свой особый образецъ.

418) Каковъ быть долженъ плодъ.

НОВЫЯ ПЕРЕМѢНЫ СТИХОВЪ ПРИ 3-мъ ИЗДАНІИ

ДУШЕНЬКИ.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

Омиръ, отецъ стиховъ,
Двойчатыхъ, мѣрныхъ, стройныхъ,
стр. 8, ст. 2 и 3.

Коль выкрайкою словъ себя не безпокою,
стр. 8, ст. 6.

Доволенъ мыслію простою,
стр. 8, ст. 7 и 8.

О, еслибъ ты, Омиръ, проснулся!
стр. 12, ст. 11.

Соперницы твоей не знала ты печали!
стр. 14, ст. 15.

«Чтобъ всякой отъ нея чуждался человѣкъ
стр. 17, ст. 12.

Что бѣдство Душеньки преходитъ всяку мѣру
стр. 21, ст. 9.

Не долги были сборы тамъ.
стр. 29, ст. 16.

КНИГА ВТОРАЯ.

Сказалъ ей съ тихостью, приличною Зефиру,
стр. 35, ст. 14.

Межъ тѣмъ прошла она крыльцовыя ступени,
стр. 37, ст. 21.

Желая показать
стр. 62, ст. 20.

КНИГА ТРЕТІЯ.

—

Ко страхамъ и несчастью
стр. 78, ст. 23.

Амуръ, предавшися движенью нѣжной страсти,
стр. 80, ст. 17.

Она рѣшила утопиться.
стр. 88, ст. 20.

Счастливѣе бъ она боговъ о томъ просила,
стр. 95, ст. 12.

Бѣду нарочно попустилъ,
стр. 116, ст. 7.

СУГУБОЕ БЛАЖЕНСТВО,

ПОЭ́МА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ

И

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

ВСЕРОССІЙСКАГО ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ,

МИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ.

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя Судьбины,
Ко продолженію счастливыхъ нашихъ лѣтъ,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Надежды общія пріятнѣйшій предметъ,
О, Ты! который всѣхъ съ щедротою внимая,
Ко подданнымъ Твоимъ являешь кроткій зракъ,
Великій Князь, позволь, чтобъ Муза молодая
Желаній искреннихъ Тебѣ явила знакъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру днесь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
Дерзаю посвятить Тебѣ я ону лиру,
Котора, можетъ быть, впослѣдокъ возвѣститъ
Твои великія дѣла пространну міру,
И славу до краевъ земныхъ Твою промчитъ,

Провозгласитъ Твое премудро попеченье,
Твою къ Отечеству и къ истинѣ любовь,
И къ подражанію преславныхъ дѣлъ стремленье
Коль свѣту Ты явишь собой примѣры вновь.

Превзыдешь ты свое желаніе, Россія,
Пророчествующій я слышу въ небѣ гласъ:
Ты будешь времена имѣть всегда златыя,
И пѣсней не прерветъ ликующій Парнассъ.

=

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

—

Пою сугубаго причину благоденства,
Источникъ счастія и бытіе временъ,
Которы на земли открыли путь блаженства,
И лучшій жребій намъ чрезъ множество премѣнъ.
Въ селеніи небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлые лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о, Истина святая!
Внушить твой смертный гласъ мой разумъ научи;
Вдохни въ меня твои божественны законы,
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои;
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ.
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ,
Когда онъ истину любилъ безпринужденно,
Не бывъ никаковымъ уставамъ покоренъ,

Какъ время наконецъ то стало быть премѣнно
И какъ сугубымъ былъ онъ счастьемъ награжденъ.
А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ;
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи,
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность моихъ усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ,
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна;
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ Павлова пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

*

Се книга вѣчности разгнулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.

ткрылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,
ь которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
зъ нѣдръ небытія изшедша человѣка
вижу на земнонъ пространствѣ въ первый разъ;
ь тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совер-
шенство,
дними чувствами своими наученъ,
акъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство
каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
ять чувствъ ему даны на то едино были,
естество на то познанье имъ дало,
абы они къ его довольствію служили.
е зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло,
евинности его не развращали страсти,
ъ довольствѣ лучшаго довольства не искалъ,
нъ только то желалъ, что̀ онъ имѣлъ во власти,
, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что̀ желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
сшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
емля, казалося, давала плодъ стократной
представляла имъ обильный вертоградъ.
хъ кротости тогда и нраву подражая,
вирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ,
е растравляла ихъ ко злобѣ злость людская,
асиліе еще не обитало тамъ.
е утѣсняли тамъ людей гоненье, звѣрство,
резрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
ожь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣр-
ство,
е знали смертные въ то время сихъ имянъ.

Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;
Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ —
Корыстолюбіе сердецъ не заражало,
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
Богатства собирать никто тогда не мыслилъ
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ,
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля, иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася въ то счастливое время
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
«Премудро Божество на то, они вѣщали,
«Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
«Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
«Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
«Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
«Къ необходимѣйшимъ и надобнымъ трудамъ,
«И, пользуяся всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
«Взаимно къ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ самъ.»

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда они извлечь могли.

Богатство онаго имѣя въ равной волѣ,
Не съ ненавистью всякъ, не съ ревностью взиралъ;
Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ;
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось носящихъ въ лѣтѣ медъ,
Другъ другу подражалъ въ раченьѣ и въ охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ, трудяся каждый въ слѣдъ.
Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы
Позабываютъ свой во удовольствахъ трудъ:
Утучненныя ихъ и плодоносны нивы,
Сторичные плоды въ послѣдокъ имъ даютъ;
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за тѣмъ пріятнымъ ихъ трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.

Тогда пристрастіе въ сердцахъ не обитало,
Отличный другъ тогда не нуженъ людямъ былъ;
Но ихъ усердіе ко всѣмъ равно пылало,
И ласки всякъ свои для всѣхъ равно дѣлилъ;
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца:
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца.
Безъ рабства искрененъ, безъ звѣрства равнодушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ власти человѣкъ другому былъ послушенъ,
Пріемля тысячи взаимственныхъ услугъ.

О, ты! чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ,
Любовь, дающая намъ всѣмъ одушевленье,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Привыкши радости единыя вкушать,
Къ взаимнымъ нѣжностямъ отверзты и готовы,
Не знали мукъ сносить, не знали причинять.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста,
Въ неволю не влекли богатство или чинъ,
Не отдавалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто былъ для ней прелестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила;
Таковъ союзъ бывалъ нимало не безчестенъ,
Не ставила въ порокъ невинныхъ дѣлъ хула.
Хотя со временемъ любовь ихъ погасала;
Изъ нѣжныя любви бывалъ нѣжнѣйшій другъ,
И ненависти страсть минувша не раждала,
Но паче множила взаимность ихъ услугъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ;
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.
Взаимно были ихъ сердца всегда плѣненны,
Къ утѣхамъ ихъ любовь въ нихъ ставила свой тронъ.
Веселья не были ихъ съ горестью смѣшенны,
Не прерывали ихъ мученія, не стонъ.
Не заражали ихъ пріятныя отравы,
Во внѣшнихъ нѣжностяхъ скрывая лестный ядъ,

Но просты были ихъ сердца, поступки, нравы,
И не являлъ тогда двоякихъ чувствій взглядъ.
Ревнивость никогда любви не развращала
И подозрѣнія не мучили сердецъ;
Коль въ нихъ однажды страсть взаимно воспылала,
Безъ перемѣнъ она имѣла свой конецъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И онымъ титуломъ себя не украшали,
Который имъ даетъ иль робость или лесть.
Тотъ знатенъ былъ, почтенъ и въ званіи высокомъ,
Кто болѣе для всѣхъ полезнымъ быть обыкъ,
И правда не была утѣснена порокомъ,
Не повреждалъ ее клевещущихъ языкъ.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрный судъ безгласныхъ не влекли
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

—

Источникъ нашего и счастія и бѣдства
Являетъ смертному его способность силъ,
Являетъ умъ ему, другія къ счастью средства;
Онъ льстится сладостью, которой не вкусилъ.
Онъ началъ познавать свое несовершенство,
Храня въ довольствіи едину простоту;
Онъ въ жизни лучшее желалъ имѣть блаженство,
И въ счастьѣ не хотѣлъ подобиться скоту.
Неограниченно пространный умъ имѣя,
Но малымъ и простымъ познаніемъ стѣсненъ,
Онъ чувствовалъ свой даръ, стыдяся и жалѣя,
Что онъ невѣдѣньемъ былъ прежде помраченъ.
Претемныя отъ глазъ завѣсы раздираетъ,
Стремится проницать невидимое имъ,
И тысячу онъ крылъ быстрѣйшихъ простираетъ,
Чтобъ выше вознестись могъ разумомъ своимъ.
Не тѣми человѣкъ воззрѣлъ тогда очами
На свѣтъ, которому дивился прежде онъ;
Но просвѣщенные умы наукъ лучами
Открыли естества порядокъ и законъ.
Открылось новое вселенной намъ пространство
И обитаніе непроходимыхъ мѣстъ,
Почувствовала вновь земля свое подданство

Явило путь пловцамъ сіянье дальнихъ звѣздъ.
Стремленье волнъ морскихъ имъ стало не ужасно,
Къ неслыханнымъ мѣстамъ имъ не былъ путь далекъ;
Искусству нашихъ рукъ все стало быть подвластно,
И началъ съ пользою жить въ свѣтѣ человѣкъ.
Къ художествамъ свои пріобучая руки,
На высшую степень искусство онъ возвелъ,
Колико разныхъ благъ произвели науки,
Колико совершенствъ, колико славныхъ дѣлъ!
На свѣтѣ нѣтъ добра, нѣтъ пользы ни единой,
Котору бъ не отъ нихъ заимствовали мы;
Что общаго могло спокойства быть причиной,
То все науками пріобрѣли умы.

Тамъ общества людей, тамъ видимъ нынѣ грады,
Гдѣ были до сего лишь горы и лѣса;
Отверзли смертнымъ путь науки въ храмъ Паллады,
Послали новый свѣтъ на землю Небеса.
Сынъ долженъ сталъ отцу не жизнью лишь одною,
Но, воспитаніе имъ въ дѣтствѣ получа,
И счастьемъ награждалъ дѣтей своихъ уча.
Ихъ тщаніемъ потомъ то было совершенно,
Что къ пользѣ общества изобрѣталъ отецъ,
Искусствомъ естество, въ порядокъ приведенно,
Намъ новые дары отверзло наконецъ.
Необходимость всѣхъ и нужда побуждала
Ко времянныимъ трудамъ, потребнымъ въ житіи:

Наукой сладости онъ чувствовалъ сугубы,
Доколѣ суетныхъ желаній былъ онъ чуждъ.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца.
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,
И, ненавидя зло, лобзалъ его творца.
Самолюбивыя питались въ немъ желанья,
И польза собственна влекла его во плѣнъ;
Другія были въ немъ надежды и исканья,
И мнимымъ счастіемъ сталъ смертный ослѣпленъ.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали блаженными людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И смертный самъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Казалось, нѣкая бунтующая сила
Счастливой тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела льстецовъ надменныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ свою разверзъ тогда утробу
И фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естество въ раскаяньѣ стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.

Различныя тогда насъ мучить стали страсти
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти,
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Подобно, какъ бы тмы Перуновъ къ намъ низпали,
Дабы на насъ послать напастей лютыхъ тму.
Какія мыслямъ вдругъ чудовища предстали! —
Воображеніе престрашное уму!

Подобящуюся низпадшей въ тму денницѣ,
Носящую всегда вражду, раздоры, прю,
Подъемлющу главу въ высокой колесницѣ,
Гнуснѣйшу фурію передъ собою зрю.
Высокомѣрія черты изображенны
Я вижу на ея гордящемся челѣ,
Надменной пышно видъ и взоры принужденны,
Уста отверзтыя къ презрѣнью и хулѣ,
Глаза, взирающи на всѣхъ съ пренебреженьемъ
И жаждущи всегда похвалъ своихъ искать,
Наполненные всѣхъ другихъ уничтоженьемъ,
Являютъ гордость мнѣ, пороковъ гнусныхъ мать.

Предстала ненависть въ ея развратномъ видѣ,
Имѣя блѣдный видъ, языкъ, носящій ядъ,
Пылая ко вреду, ко злобѣ, ко обидѣ,
И озираяся, кровавый мещетъ взглядъ.
Неудовольствіе она въ лицѣ являетъ,
И угрызеніе написано въ очахъ;
Безъ насыщенія всего она желаетъ,
Приходитъ со враждой, отшедъ наноситъ страхъ.

Она свирѣпѣй льва, опаснѣе ехидны,
Не трогаетъ ее ни жалость, ни любовь;
И если гдѣ слѣды ея остались видны,
Узнаетъ каждый ихъ, зря слезы, или кровь.

Зрю лесть, чудовище опаснѣйшее людемъ;
Нерѣдко мудрые страдаютъ отъ него;
И если виду мы его вѣряться будемъ,
Не можемъ избѣжать несчастья своего.
Лютѣйша фурія, наполненная ядомъ
И изрыгающа отмщенье, гибель, вредъ,
Притворство ласковымъ сердца плѣняетъ взглядомъ,
Слова ея всегда сладчайшій носятъ медъ.
Подобно какъ змѣя, въ кустахъ цвѣтовъ сокрыта,
Приманчивый для всѣхъ снаружи кажетъ видъ;
Но пропасть для того погибельна изрыта,
Кого она къ себѣ симъ видомъ приманитъ.
Ласканья, похвалы бываютъ часто сѣти,
Которыми сердца подобно ловитъ лесть;
Пронырство и обманъ сей фуріи суть дѣти,
Отъ коихъ терпятъ вредъ невинность, правда, честь.

Отъ трехъ тирановъ сихъ размножились пороки
И неисчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны сердца, мучители жестоки
Разсыпали бѣды и скорби по земли;
Тотъ былъ несчастнѣй всѣхъ, кто болѣ изобилемъ,
Безъ помощи терпѣлъ обиды человѣкъ!

'отъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ
силенъ,
озсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ
извлекъ:
Иной, прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной, свой собственный предупреждая страхъ;
ъ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы;
Но стогнамъ жалобы, вопль слышенъ былъ въ
домахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
I разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.
Оружіе и смерть опустошали землю,
Порокъ и грѣхъ тогда былъ жребіемъ людей.
Какіе вопли я пронзительные внемлю?
Какой не тронется сей жалостью злодѣй?
Невинность, истина, науки, добродѣтель,
Любовью собраны, вопили къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству;
Поверженная честь у ногъ злодѣйскихъ мертва
Во укореніе являлась естеству.
Всемѣстны жалобы и голоса плачевны,
Пронзая облака, коснулись Небесамъ.
Явились щедры намъ Судьбы, дотолѣ гнѣвны,
Когда никто не зрѣлъ конца своимъ бѣдамъ.
Почувствуя свое претягостнѣйше бремя,
Подъ коимъ человѣкъ, злодѣйствуя, стенялъ;
Увидѣлъ съ ужасомъ утрачено имъ время,
Какъ пользы онъ искалъ и пользу истреблялъ.
Въ терпѣньи и враждѣ сталъ вѣкъ ему несносенъ,
Онъ собственнымъ своимъ былъ игомъ утомленъ;
Бывъ вреденъ ближнему и бывъ себѣ поносенъ,
Бунтующій въ немъ нравъ казался утоленъ.
Но тщетно онъ въ себѣ искалъ толикой власти,
Котора бъ собственный дала ему законъ:
Привычкою ему его казались страсти,
И болѣ обладать не могъ собою онъ.
Привычка вредная бываетъ намъ уставомъ,
Который нудитъ насъ во слабостяхъ тонуть,

И необузданнымъ владѣя страсти правомъ,
Увидѣть истинный препятствуютъ намъ путь.
Упрямство лишь одно раскаяться мѣшаетъ,
Когда не чувствуетъ тиранъ, что онъ жестокъ;
И гордость иногда признанія лишаетъ,
Какъ хулимъ мы въ другихъ свой собственный порокъ!
Тотъ къ мщенью и враждѣ причинъ находитъ много,
Кто злобы никогда не хочетъ истребить.
Онъ, строго всѣхъ судя, судимъ взаимно строго
И будетъ принужденъ иль гибнуть, иль губить.
Злодѣи, думая, что всѣ должны быть злобны,
Находятъ потому причины всѣхъ язвить;
И дѣлаясь они другъ другу въ томъ подобны,
Считаютъ нуждою за злобу зломъ платить;
А если бъ мы другихъ взаимно извиняли
И, не любя злодѣйствъ, любили править злыхъ:
Безъ мщенья и вражды пороки бъ исчезали,
Безъ гибели людской причины бъ гибли ихъ.

Среди всеобщаго вреда и истребленья,
Подвиглись жалостью суровыя сердца;
Признанье было ихъ началомъ исправленья.
«Доколѣ общихъ бѣдъ, вѣщали, ждать конца?
«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ.
«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»
Ко ближнему еще любви въ нихъ былъ остатокъ,
И искры истины еще горѣли въ нихъ.
Чтобъ гордость побѣдить всеобщаго упорства;
Зря смертные въ стыдѣ умножившійся грѣхъ,

Повиновенія искали и покорства,
И власти узами связали злобу всѣхъ.
О! коль пріятны имъ священны сіи узы,
Которы общее согласіе крѣпитъ:
Чрезъ нихъ возставлены, утверждены союзы,
И ими смертные сугубо счастье зрятъ.
Когда умножились злодѣйства и развраты,
Когда была земля наполнена сиротъ,
Въ чей были бы покровъ гонимые пріяты,
И гдѣ бъ прибѣжище нашелъ тогда народъ?
Злодѣямъ страждущихъ прошеніе невнятно;
Жестокія сердца не тронетъ бѣдныхъ стонъ;
Сноситъ гоненія мучительнѣй стократно,
Стеня безъ помощи, терпя безъ оборонъ.
Ко пресѣченію толикой всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ,
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ;
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ
мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ,
Ко слабости иль къ злу ведутъ его примѣры;
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ,
Онъ слабости свои примѣрами прощаетъ
И дѣлается онъ невольникъ часто ихъ;
И можетъ быть, когда въ пороки онъ впадаетъ

Впадаетъ въ оные онъ болѣе чрезъ инѣ.
Ко исполненью дѣлъ его взаимность будитъ:
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ странным,
Какая чудная плѣнила мысль мечта?
Объялись чувства вдругъ восторгомъ несказанным,
Отверзлись предо мной небесныя врата.
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетных,
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣчные завѣтъ.
Тамъ ясно видимы въ предбудущіе вѣки
Неисповѣдимыхъ Судебъ обѣты намъ,
Которы исполнять родятся человѣки;
Ихъ жизнь, дѣла, конецъ изображенны тамъ.
Различные узрѣлъ я тамъ Судебъ исходы,
По числу вѣковъ число столповъ узрѣлъ;
На нихъ представлены послѣдующи годы,
День, часъ, минута здѣсь имѣетъ тамъ предѣлъ.
Среди чертоговъ сихъ стоятъ престолы, славы,
Готовыя трубить дѣла владыкъ земныхъ;
Исчисленные зрю тамъ скипетры, державы,
Тамъ разные вѣнцы для кроткихъ, или злыхъ.
Они получатся народною любовью,
Сдзнаменуя миръ, спокойство, тишину;

Другіе возмýтся насиліемъ и кровью,
Имъ будетъ ненависть покорствовать въ плѣну.
Одни всеобщее блаженство усугубятъ
И привлекутъ къ себѣ отъ подданныхъ любовь;
Другіе роскошь, тиранство, месть возлюбятъ
И пошлютъ на народъ за скорбьми скорби вновь.
Пребудутъ первые спокойны, безопасны,
И слава возгласитъ по свѣту имя ихъ;
Но будутъ наконецъ послѣдніе несчастны,
Собою дѣлая несчастными другихъ.
Я вижу тамъ судьбы людей правдолюбивыхъ,
Судьбы полезнѣйшихъ для общества мужей:
Они счастливѣе на свѣтѣ всѣхъ счастливыхъ,
Не будетъ меркнуть свѣтъ пріятнѣйшихъ ихъ дней.
За ихъ стараніе о благоденствѣ общемъ,
Спокойствіе души въ награду дастся имъ.

Почто же на свое тогда мы счастье ропщемъ,
Когда подобиться мы онымъ не хотимъ?
Прямая слава намъ отъ насъ самихъ зависитъ,
Хотя бъ въ устахъ другихъ умолкла похвала;
Ничто другое насъ на свѣтѣ не возвыситъ,
Какъ наши добрыя съ желаніемъ дѣла.

Потомъ я вижу тамъ судьбы высокомѣрныхъ,
Судьбы завистливыхъ, судьбы клеветниковъ,
Судьбы предателей, судьбы льстецовъ невѣрныхъ;
Предвѣдѣньемъ конецъ назначенъ имъ таковъ:
«Для сихъ готовъ ударъ иль рано или поздно,
«Спокойства въ жизнь они не будутъ ощущать;

ПОЭМА,

БЛАЖЕНСТВО НАРОДОВЪ. *

* Сія небольшая поэма помѣщена была авторомъ въ изданіи его сочиненій, подъ названіемъ: «Лира», а хотя и сказано на заглавномъ листѣ, что она сочинена въ 1765 году, но въ самомъ дѣлѣ, кажется, она только что сокращена и передѣлана изъ предъидущей поэмы: «Сугубое Блаженство,» напечатанной въ томъ же 1765 году, равно какъ и находящееся въ началѣ оной приписаніе. *Прим. Изд.*

ЕГО [illegible]

ГОСУДАРЮ [illegible]

[illegible]

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ,

[illegible]

Залогъ, врученный намъ отъ щедрыя судьбины,
Ко продолженію счастливыхъ нашихъ дней,
Дражайшій даръ Небесъ и даръ Екатерины,
Достойный нашихъ жертвъ, иль паче алтарей,
О, Павелъ! если пѣснь усердіемъ простая
Достойна преклонить ко внятію Твой слухъ:
Позволь, Великій Князь, чтобъ Муза молодая
Къ Престолу вознесла ревнительный свой духъ;
Позволь, чтобъ для Тебя я лиру вновь настроилъ,
Котору удостой и нынѣ такъ пріять,
Какъ оную пріять Ты прежде удостоилъ,
Когда дерзалъ я пѣть Твою преславну Мать.
И если предъ Тобой мою умѣрю лиру,
Пусть Муза впослѣди громчае возвѣститъ
Народамъ Твой законъ, Твою щедроту міру.
Уже, на Матерь зря, Россія въ Сынѣ чтитъ

Ея о подданныхъ премудро попеченье,
Ея къ Отечеству и къ Истинѣ любовь;
Уже внимаетъ свѣтъ отъ Музъ предвозглашенье,
Что Ты Царямъ явишь Собой примѣры вновь.
Но паче наградишь счастливѣйшимъ насъ вѣкомъ,
Нріобучаяся числомъ примѣровъ сихъ,
Въ великомъ санѣ быть великимъ человѣкомъ,
Къ спокойству Твоему и подданныхъ Твоихъ.

=

Пою блаженный вѣкъ и непорочны нравы,
Въ началѣ бытія счастливѣйшихъ временъ;
Пою правительства священные уставы
И власть, хранящую покой земныхъ племенъ.

Въ селеніи Небесъ пространномъ обитая,
Спусти ко мнѣ свои пресвѣтлые лучи,
Твоимъ вліяніемъ, о, Истина святая!
Внушить твой смертнымъ гласъ мой разумъ научи.
Вдохни въ меня твои божественны законы;
Представь, какъ смертные въ природномъ бытіи
Пріяли отъ тебя и скиптры и короны,
Дабы предписывать уставы намъ твои.
Представь передъ очми ты Павла молодаго
Начальный въ естествѣ благополучный вѣкъ:
Какъ числилъ всякъ свое въ спокойствѣ общемъ благо,
Какъ самъ давалъ себѣ законы человѣкъ;
Какъ прежде онъ свой долгъ любилъ безпринужденно,
Не бывъ ни каковымъ уставамъ покоренъ;
Какъ время, наконецъ, явилося премѣнно
И новый смертному былъ жребій положенъ.

А вы откройте путь въ жилище ваше дивно,
О, Музы! я умомъ взнестись отважусь къ вамъ,
Въ мѣста, гдѣ царствуетъ весна безперерывно,
И гдѣ сооруженъ божественный вашъ храмъ,
Гдѣ свѣтитъ вѣчный день и мракъ не знаемъ нощи,
Гдѣ ревностнымъ сердцамъ всегда отворенъ входъ.
Позвольте мнѣ вступить въ священны ваши рощи
И оживляющихъ коснуться вашихъ водъ.
Но, Музы, я не съ тѣмъ вхожу въ вашъ храмъ почтенной,
Чтобъ вымышленными примѣрами боговъ,
Высокопарностью и красотой надменной
Украсить искренность простыхъ, усердныхъ словъ.
Я съ Пиндаромъ не тщусь быть славою возвышенъ:
Не славнымъ въ свѣтѣ я, полезнымъ быть хочу;
Коль гласъ мой въ простотѣ межъ вами будетъ слышенъ,
Я всю свою тогда награду получу.
Лишь тѣмъ должна быть пѣснь моя красна и стройна,
Коль мѣста въ ней имѣть не будетъ подла лесть,
Коль будетъ Павлова пріятія достойна,
Коль истину предъ Нимъ потщится превознесть.

Се книга Вѣчности развернулась предо мною,
Гдѣ всѣ представились прешедши времена,
И всѣ, вмѣщенныя обширностью земною,
Безчисленныя въ ней явились племена.
Открылся образъ мнѣ первоначальна вѣка,

Въ которомъ царствовалъ еще природы гласъ;
Изъ нѣдръ небытія исшедша человѣка
Я вижу на земномъ пространствѣ въ оный часъ,—
Въ тотъ часъ, какъ онъ свое увидѣлъ совершенство,
Одними чувствами своими наученъ,
Какъ каждый взоръ ему казалъ его блаженство,
И каждымъ новымъ былъ предметомъ восхищенъ.
Пять чувствъ ему вещей познаніе открыли,
Которое его ко счастію вело,
И чувства лишь къ его довольствію служили:
Не зналъ онъ ихъ тогда употреблять во зло.
Невинности его не развращали страсти:
Желаній далѣ нуждъ своихъ не простиралъ,
А только то желалъ, что онъ имѣлъ во власти
И, слѣдственно, имѣлъ онъ все то, что желалъ.

Въ согласіи узря и тишинѣ пріятной
Исшедшихъ изъ своей утробы мирныхъ чадъ,
Земля, казалося, давала плодъ стократный
И представляла имъ обильный вертоградъ.
Ихъ кротости тогда и праву подражая,
Свирѣпѣйшіе львы подобились овцамъ;
Повсюду правда, миръ и тишина святая
Являли Божества присутственнаго храмъ.
Не смѣли приступать туда гоненье, звѣрство,
Презрѣнье, ненависть, пронырство и обманъ,
Ложь, гордость, клевета, притворъ и лицемѣрство;
Чуждались смертные въ то время сихъ имянъ.
Не угрожало имъ желѣзо смертоносно,
Содѣланное днесь къ погибели людей;

Но было вспахано имъ поле плодоносно
И не губило жизнь, давало помощь ей.

Сіе вреднѣйшее, грызущее насъ жало,
Источникъ алчности и корень гнусныхъ дѣлъ —
Корыстолюбіе, сердецъ не заражало;
Никто отъемлемымъ имѣньемъ не владѣлъ.
По праву сильнаго никто тогда не мыслилъ,
И ближнему чрезъ то не причинялъ обидъ;
Но каждый былъ богатъ, хотя никто не числилъ,
Что домъ, земля иль плодъ ему принадлежитъ.
Земля считалася, въ то счастливое время,
Нераздѣлимою питательницей всѣхъ,
И люди бѣдности не чувствовали бремя,
Среди довольствія, покоя и утѣхъ.
«Премудро Божество на то», они вѣщали,
«Разсѣяніемъ насъ умножило нашъ родъ,
«Дабы взаимно мы другъ другу помогали,
«Дабы пріобрѣли чрезъ то сугубый плодъ.
«Съ природнымъ человѣкъ родится побужденьемъ
«Къ необходимѣйшимъ во обществѣ трудамъ,
«И пользуяся всѣмъ другихъ людей имѣньемъ,
«Взаимно въ пользѣ всѣхъ трудиться долженъ
самъ».

Отверзты находя для всѣхъ земныя нѣдра,
Гдѣ всѣ заключены сокровища земли,
Сей даръ, который данъ отъ Божества прещедра,
По мѣрѣ нуждъ всегда и всѣ извлечь могли,
Богатство естества имѣя въ равной волѣ.
Довольствовался имъ равно великъ и малъ;

Коль кто пріобрѣталъ передъ другими болѣ,
Избытокъ одного всѣхъ прочихъ награждалъ.
Сіе собраніе, трудящееся въ потѣ,
Пчеламъ подобилось, носящимъ въ лѣтѣ медъ:
Другъ другу подражалъ въ раченьи и охотѣ,
И другъ за другомъ шелъ трудяся каждый въ слѣдъ.
Но вскорѣ жители сіи трудолюбивы,
Во удовольствіи забудутъ легкой трудъ,
Когда ихъ тучныя и плодоносны нивы
Сторичные плоды въ послѣдокъ воздадутъ.
И въ скоромъ времени веселья повсечасны
Послѣдуютъ за ихъ раченьемъ и трудомъ;
Въ довольствѣ и скоты ихъ радостей участны,
Оставя въ полѣ плугъ, покоятся потомъ.
Исполненъ каждый былъ ко ближнему любови,
И въ каждомъ почиталъ и брата и отца;
Они считали всѣ себя единой крови,
Имѣя бытіе отъ одного Творца;
Безъ лести искрененъ, безъ страха праводушенъ,
Всѣхъ общій былъ слуга и родственникъ и другъ,
Безъ рабства человѣкъ другому былъ послушенъ,
И тѣмъ крѣпилася взаимность ихъ услугъ.

О, ты, чистѣйшихъ душъ невинно утѣшенье,
Пріятнѣйшая страсть чувствительныхъ сердецъ,—
Любовь! дающая намъ всѣмъ одушевленье,
Твои я нѣжности представлю наконецъ.
Въ то время не были еще сердца суровы,
Обыкши радости едины ощущать;
И для утѣхъ всегда отверзты и готовы,

Не знали оныхъ въ стыдъ и горесть превращать.
Въ нихъ строгость никогда не находила мѣста;
Не пышность ихъ влекла, богатство или чинъ,
И не вручалася на жертву имъ невѣста,
Но выборъ оныя господствовалъ одинъ.
Тотъ ею обладалъ, кто милъ и кто ей лестенъ,
Тотъ ею былъ любимъ, кому она мила.
Таковъ союзъ любви похваленъ былъ и честенъ:
Когда невиненъ нравъ, невинны и дѣла.
Ревнивость никогда любви не огорчала,
И подозрѣнія не мучили сердецъ!
А ежели любовь въ желаньяхъ погасала,
Началомъ новыхъ былъ утѣхъ ея конецъ.
Любовникъ не вздыхалъ, не мучился напрасно,
Когда любовницу несклонну находилъ:
Коль сердце не было ея взаимно страстно,
Плѣнялся онъ другой, для коей былъ онъ милъ.

На Марсовыхъ поляхъ руки не воружали
Ни слава тщетная, ни злобствующа месть,
И сими титлами себя не украшали,
Которые даетъ иль робость или лесть.
Бездушный ябедникъ и подлый лжесвидѣтель
Предъ лицемѣрный судъ безгласныхъ не влекли;
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Повсюду счастливо хранились на земли.

Не навсегда нашъ умъ въ границахъ былъ удержанъ;
Нечувственно порокъ прокрался къ намъ въ сердца,
Гнушался смертный имъ, но былъ ему подверженъ,

И ненавидя зло, любзалъ его творца.
Его познанія и мысли просвѣщенны,
Которы дѣлали счастливыми людей,
Ко общей были всѣхъ напасти обращенны,
И человѣкъ себѣ первѣйшій сталъ злодѣй.
Какъ-будто нѣкая бунтующая сила
Пріятной тишинѣ поревновала ихъ,
И нѣкой язвою вселенну заразила,
Которая ввела людей коварныхъ, злыхъ.
Казалось, адъ тогда разверзъ свою утробу
И Фурій испустилъ мучительныхъ въ народъ,
Дабы посѣять въ немъ свирѣпство, ужасъ, злобу
И человѣческій терзать всечасно родъ.
Казалось, естестество въ раскаяньи стыдилось,
Неблагодарнымъ свой истощевая даръ,
И Небо видѣть ихъ злодѣйства отвратилось,
Готовя праведный для казни ихъ ударъ.
Различныя тогда насъ мучить стали страсти,
И заблужденія текли страстямъ во слѣдъ;
Различныя тогда узнали мы напасти:
Числомъ пороковъ мы число узнали бѣдъ.
Тираны новые плодили вновь пороки
И неисчислимы злодѣйства въ свѣтъ ввели:
Безжалостны къ другимъ, безчувственны, жестоки,
Презрѣли истину и честь превозмогли.
Бывъ прежде въ тишинѣ спокоенъ, изобиленъ,
Обидѣлъ иль терпѣлъ обиды человѣкъ:
Тотъ былъ счастливѣй всѣхъ, кто болѣе былъ силенъ,
Возсталъ на друга другъ и къ мщенью мечъ извлекъ;

Иной прибытокъ зря, иной для тщетной славы,
Иной свой собственный предупреждая страхъ.
Въ свирѣпствѣ по полямъ текли ручьи кровавы,
Судьба людей была въ насильственныхъ рукахъ.
Науки сдѣлались орудіемъ ихъ мести,
И разумъ растравлялъ жестокость общихъ ранъ;
Не слышалъ человѣкъ ни должности, ни чести,
Ихъ гласъ тогда молчалъ и царствовалъ обманъ.

Но собственнымъ вредомъ смягчаются тираны,
Влекутся къ жалости строптивыя сердца,
И чувствуютъ тогда свои и общи раны:
«Доколѣ нашихъ золъ, вѣщаютъ, ждать конца?
«Безъ сокращенія довольно вѣкъ нашъ кратокъ;
«Но мы его губимъ въ неистовствахъ своихъ.»
Таковъ разумныхъ сихъ твореній былъ остатокъ,
Когда взаимное злодѣйство тмило ихъ.
Поверженная честь у ногъ тиранскихъ мертва,
Во укореніе, являлась естеству;
Терпѣнье съ кротостью была едина жертва,
Котору воздавалъ родъ смертныхъ Божеству.
Невинность, истина, любовь и добродѣтель
Отвсюду изгнаны, взывали къ Небесамъ,
Дабы толикихъ благъ Источникъ и Содѣтель
Имъ далъ прибѣжище и кротость далъ сердцамъ.

Прещедро Божество спускаетъ лучъ на землю,
Подобно какъ даетъ другую бытность ей,
И отъ луча Творца я новый свѣтъ пріемлю;
Но гдѣ искать Ему достойныхъ алтарей?
Когда умножились злодѣйства и развраты,

Когда была земля наполнена сиротъ,
Подъ чей покровъ могли гонимы быть приняты?
Гдѣ могъ прибѣжище найти тогда народъ?
Ко пресѣченію гнетущей всѣхъ напасти,
Былъ избранъ человѣкъ подать законы всѣмъ;
Судьба народу быть въ его велѣла власти,
Народъ, покорствуя, нарекъ его Царемъ,
Дабы онъ подданныхъ согласіе уставилъ,
И образъ кротости собою имъ явилъ,
Дабы несчастливыхъ отъ гибели избавилъ,
И прежнихъ тишину вѣковъ возобновилъ.

Народъ, не знающій въ своихъ стремленьяхъ мѣры,
Безъ правилъ собственныхъ послѣдуетъ другимъ;
Ко слабости, иль къ злу ведутъ его примѣры:
Онъ чувствуетъ ихъ вредъ, но подражаетъ имъ.
Ко исполненію дѣлъ его взаимность нудитъ;
И добродѣтель всѣ тогда любить начнутъ,
Когда любить ее другъ друга всякъ побудитъ,
Когда одни другимъ примѣры подадутъ.
Подобно къ злобѣ тотъ причинъ находитъ много,
Кто мыслитъ своего злодѣя упредить;
Онъ строго судитъ всѣхъ, судимъ взаимно строго,
И часто принужденъ иль гибнуть, иль губить.

Такъ должно, чтобъ Цари правленье воспримали
Содѣлать лучшую для смертныхъ въ жизни часть:
Первѣйшій, коего народы увѣнчали,
Заставилъ возлюбить благотворящу власть.

Пресѣкъ причины онъ враждебъ междоусобныхъ;
Невинныхъ принялъ въ свой надежнѣйшій покровъ;
Безсильныхъ защитилъ отъ нападенья злобныхъ;
Поставилъ правду, судъ, законъ и свитость словъ.
Безпечность праздная, ведущая къ пороку,
И роскошь вредная была истреблена;
Народъ, оставившій тогда войну жестоку,
Увидѣлъ на поляхъ спокойства сѣмена.
Прешли всеобщія стенанія и муки;
Узря тишайшу власть, исчезъ грозящій страхъ;
Тогда явили свой полезный плодъ науки,
И добродѣтелямъ воздвигли храмъ въ сердцахъ.

Внезапно восхищенъ мой умъ видѣньемъ страннымъ:
Какая сладкая плѣнила мысль мечта!
Объялись чувства вдругъ восторгомъ нескаяннымъ,
Отверзлись предо мной небесныя врата:
Я вижу храмъ Судебъ среди свѣтилъ несчетныхъ;
Тамъ путь непостижимъ и неприступенъ свѣтъ,
Тамъ славится всегда Отецъ вѣковъ безлѣтныхъ,
И тамо пишетъ свой Предвѣдѣнье завѣтъ:
«Пребудешь счастлива такъ долго ты, Россія,
«Какъ будетъ жить въ сердцахъ Екатерининъ гласъ:
«Чтобъ Россы завсегда хранили дни златые,
«И пѣтъ не переставалъ ликующій Парнассъ.»

ПОЭМА

НА

РАЗРУШЕНІЕ ЛИССАБОНА.

СОЧИНЕНІЕ ВОЛЬТЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

Несчастливый народъ! плачевная страна,
Гдѣ всѣхъ ужасныхъ язвъ жестокость собрана!
О, жалость вѣчная, воспоминанье слезно!
Обманутый мудрецъ, кричишь ты: «все полезно;»
Приди, взгляни на сей опустошенный градъ,
На сей несчастный прахъ отцовъ и женъ и чадъ;
Взгляни ты на сіи разрушенныя стѣны,
Подъ коими лежатъ раздавлены ихъ члены:
Здѣсь тысячи земля несчастныхъ пожрала;
Трепещутъ тамъ въ крови разбросанны тѣла,
Прекрасны домы ихъ имъ сдѣлалися гробы,
И, мучась, кончатъ жизнь среди земной утробы.
Ихъ томный слыша вопль въ подземной тамъ странѣ,
Курящійся зря пеплъ, не скажешь ли ты мнѣ,
Что должно было такъ, чтобъ градъ сей былъ несчастенъ,
И нужно то Творцу, Который благъ и властенъ?
Иль скажешь ты, смотря на трупы бѣдныхъ сихъ,

Что Богъ отмщаетъ имъ за беззаконья ихъ.
Сіи безгрѣшные младенцы чѣмъ виновны,
Въ объятьяхъ матернихъ лія потоки кровны?
Отмѣнно ль согрѣшилъ сей градъ и принялъ судъ?
Парижъ и Лондонъ цѣлъ, гдѣ въ роскошахъ живутъ;
Здѣсь гибнетъ Лиссабонъ, а тамъ пиры всегдашны.
Нечувственны сердца, о, вы умы безстрашны!
Зря братьевъ вы своихъ въ волнахъ среди пучинъ,
Спокойно ищете волненія причинъ;
А сами вы, когда злымъ рокомъ огорчитесь,
Вы стонете, какъ мы, и плакать не стыдитесь.
Но если челюсти разверзетъ адъ на насъ,
Невиненъ будетъ вопль и жалобы въ тотъ часъ.
Окружены отъ всѣхъ сторонъ жестокимъ рокомъ,
Злодѣйствомъ, гибелью, въ гоненіи жестокомъ,
И всѣхъ стихій себѣ противность ощутивъ,
Признайтесь по себѣ, что вопль нашъ справедливъ.
Вы скажете, что въ насъ бунтуютъ только страсти,
И гордость ропщетъ въ насъ, что мы не въ лучшей части.
Подите къ берегамъ вы Тага, зрите страхъ,
Разройте камни вы, разройте вы сей прахъ:
Внемлите вопль, что тамъ несчастны произносятъ,
Отъ гордости ль они себѣ пощады просятъ?

«О, Боже! вопіютъ, о горе, ахъ! увы!»
Полезно все, теперь мнѣ скажете ли вы?
Что? если бъ Лиссабонъ земля не поглотила,
Ужель бы та страна ее отяготила?
Не мните ль вы, что, все сіе предвидя Богъ,
Содѣлать лучшаго для сихъ людей не могъ?
Не могъ ли ихъ спасти Онъ властію Своею,
И безднѣ запретить горящей подъ землею?
Иль мните власть Творца въ предѣлы заключить,
И не ко всѣмъ Ему велите щедру быть?
Судьбы въ Его рукахъ, Онъ ими управляетъ:
Онѣ спѣшатъ свершить, что Онъ опредѣляетъ.
Не раздражаючи Тебя, Создатель мой,
Желалъ бы я горѣть сей пропасти земной
Въ пустынѣ, и возжечь страну ненаселенну.
Я Бога чту, люблю, но и люблю вселенну.
Коль стонутъ смертные среди толикихъ бѣдъ;
Не гордость въ нихъ, увы! мученье вопіетъ.
Несчастны жители сіи береговъ плачевныхъ,
Утѣшатся ли тѣмъ въ сихъ пропастяхъ бездневныхъ,
Когда кто скажетъ имъ: «Умрите въ безднѣ сей,
«Для счастія другихъ вы гибните людей.
«Построятся иныхъ руками ваши стѣны
«И будутъ жителми иными населены;
«Другой народъ отсель богатство извлечетъ,
«И вашей пагубой воспользуется свѣтъ.
«Богъ такъ же, какъ о насъ, и о червяхъ печется,
«И тѣло ваше въ снѣдь симъ тварямъ остается.»
Жестокосердые! имѣйте жалость къ нимъ,

Не прибавляйте мукъ къ мученьямъ таковымъ;
Не представляйте вы моей душѣ смятенной
Необходимости сей нужды непремѣнной,
Сей цѣпи міровъ, тѣлъ и душъ, что вяжетъ
их.
О, суемудріе, о, буйственность слѣпыхъ!
Богъ держитъ цѣпь въ рукахъ, но ею Онъ не
связанъ;
И можетъ грѣшникъ Имъ безъ смерти быть на-
казанъ.
Онъ сильный, праведный и милосердый Царь:
Когда Творецъ такъ благъ, почто же страждетъ
тварь?
Сей узелъ разрѣшить вамъ прежде бъ надлежало;
Отрекши зло, вы насъ излечите ль хоть мало?
Трепещутъ всѣ, и всѣ причины ищутъ бѣдъ;
Но вы, ихъ чувствуя, вѣщаете: «ихъ нѣтъ.»
Когда всемощна власть, что всѣ стихіи движетъ,
Срывая горъ верхи, ужасной бурей дышетъ,
Когда сражаетъ громъ высокія древа;
Они не чувствуютъ вреда никакова:
Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья.
О, дѣти бѣдныя Всемощнаго Отца!
На то ли вамъ даны чувствительны сердца?
Почто я слабъ, хотя сосудъ тому не скажетъ,
Кто тѣло онаго и крѣпость глиной вяжетъ:
Не можетъ говорить, не можетъ мыслить онъ,
И не страшитъ его ни гибель, ни уронъ;
Сосудъ оплакивать своей не можетъ части,
Ни счастія желать, ни чувствовать напасти.

Мнѣ скажутъ, что чрезъ смерть даемъ жизнь
прочимъ мы,
И насѣкомыхъ вдругъ изъ насъ родятся тмы:
Когда, повергнусь въ гробъ, обремененъ бѣдами:
Вотъ облегченіе — быть съѣдену червями!
Престаньте бѣдность мнѣ вы смертныхъ исчислять,
Престаньте горесть вы мою ожесточать.
Я зрю лишь только въ васъ безсильное упорство,
И въ крайней бѣдности ложь, гордость и притворство.
Частица малая въ пространствѣ цѣломъ я:
Но всѣ животныя обширности сея,
Всѣ бытности родясь подъ таковымъ закономъ,
Жить въ горести должны и умереть со стономъ.
Какъ робкаго птенца голодный ястребъ рветъ,
И, насыщаяся, невинну кровь піетъ:
Находитъ пользой все, пока не прилетаетъ
Орелъ, которому онъ пищей самъ бываетъ.
Стрѣлой потомъ орла повержетъ человѣкъ,
И, пораженъ другимъ, самъ въ брани кончитъ вѣкъ,
Въ крови, пронзенъ, попранъ, тамъ будетъ воинъ мертвой,
И птицамъ алчущимъ тамъ ихъ убійца жертвой.
Всѣ члены свѣта такъ трепещутъ въ страхахъ сихъ,
Родятся, мучатся и гибнутъ для другихъ.
Вы составляете изъ состоянья злаго
Несчастливыхъ людей, всеобщее намъ благо,

Какое, бѣдные? кто счастливъ тѣмъ изъ насъ?
«Полезно,» слышу, «все,» но чрезъ плачевный гласъ.
Васъ все изобличитъ, и ваши чувства сами,
Сто разъ вашъ гордый умъ согласовали съ нами.

Между собою все на свѣтѣ брань ведетъ;
Всѣ твари чувствуютъ, что зломъ наполненъ свѣтъ,
И неизслѣдима всѣхъ нашихъ золъ пучина.
Ихъ тотъ не произвелъ, кто нашихъ благъ причина:
Не Ориманъ ли злу начало, иль Тифонъ?
Къ терпѣнью мы чрезъ ихъ осуждены законъ;
Однако мудрыхъ сихъ ученія не прямы,
Которымъ иногда невѣжи строятъ храмы.
Мы можемъ ли себѣ представить благъ Творца,
Творцемъ напастей всѣхъ? И дѣти отъ отца
Возмогутъ ли имѣть мученья повсемѣстны?
Кому, о, Боже мой! свои судьбы извѣстны?
Всесовершенный зла не можетъ произвесть.
Другого нѣтъ Творца, а зло на свѣтѣ есть;
Повсюду вопль и стонъ, повсюду зрю мученье:
О, непостижимое двухъ разностей смѣшенье!
Чтобъ насъ утѣшить, Богъ на землю снисходилъ,
Но, земло носѣтя, ее не премѣнилъ.
Одинъ перемѣнить безсильнымъ Бога числилъ,
Онъ могъ и не хотѣлъ: другой напротивъ мыслилъ,
А будетъ впредь хотѣть. Но кто изъ нихъ помогъ,

Когда на Лиссабонъ послалъ удары Богъ,
И не оставилъ тамъ погибшихъ градовъ вида,
Отъ Тага до столповъ великаго Алкида?
Иль казнь имъ за отцовъ назначена сія?
Иль ихъ несчастнаго Начальникъ бытія
Безъ гнѣва, жалости, спокойнымъ смотритъ
окомъ,
Какъ время ни течетъ уставовъ вѣчныхъ то-
комъ?
Иль міръ испорченный начальнику всѣхъ бѣдъ
Приноситъ должну дань чрезъ пагубу и вредъ?
Иль хочетъ искусить здѣсь Богъ насъ чрезъ на-
пасти,
И бѣдственнымъ путемъ ведетъ насъ къ лучшей
части,
Чтобъ, временныя здѣсь почувствуя бѣды,
По смерти мы свои окончили труды?
Но если чаетъ всякъ по жизни быть спокоенъ,
Похвалится ли кто, что онъ того достоинъ?
Оплакивать себя мы должны по всему:
Невѣдущъ смертный, слѣпъ, и все грозитъ ему:
Мы тщетно вопрошать нѣмую мнимъ природу,
А должно, чтобъ Творецъ явилъ то смертныхъ
роду;
Одинъ лишь можетъ Онъ свои дѣла открыть,
Исправить немощныхъ и мудрыхъ умудрить.
Въ сомнѣніи блудящъ безъ помощи имъ скорой,
Находитъ человѣкъ вотще тростникъ подпорой;
Гнѣ «Лейбницъ» не сказалъ, что вяжетъ ону
смѣсь
Въ устроенномъ другихъ всѣхъ лучше мірѣ здѣсь;

Собранье горестей, всегдашнее нестройство,
И въ жизни вмѣшанны веселья въ безпокойство;
Почто за добрыя и вредныя дѣла
Подвержены равно гоненью люди зла?
Я пользы чрезъ сіе, увы! не обрѣтаю;
Хочу учитель быть, и ничего не знаю.
Былъ прежде человѣкъ, сказалъ Платонъ, крылатъ,
Не проницалъ его состава смертныхъ взглядъ.
Тогда кончины, бѣдъ не знали человѣки:
Отъ жизни оныя какъ нынѣ мы далеки!
Страдаемъ, терпимъ, мремъ; все кончится родясь,
И разрушеній лишь природа стала связь.
Составъ нашъ тлѣнъ одинъ: кровь, тѣло, кости, жилы,
И умерщвляютъ насъ стихій противныхъ силы,
Въ насъ прахъ сей съ жидкостью составлены на то,
Чтобъ послѣ смѣсь сія разрушилась въ ничто,
И чувствованія жилъ тонкихъ и нѣжнѣйшихъ,
Подверглись тягостямъ болѣзней самыхъ злѣйшихъ.
Мнѣ само естество толкуетъ свой законъ,
Отверженъ Эпикуръ, оставленъ мной Платонъ;
Бель знаетъ болѣ ихъ, но можно ль основаться?
Держа вѣсы въ рукахъ, онъ учитъ сомнѣваться;
И не пріемля онъ системы никакой,
Всѣ оны опровергъ, воюя самъ съ собой,
Подобно какъ Самсонъ, лишенный глазъ врагами,
Подъ зданьемъ палъ, его разрушеннымъ руками.

Что̀ могутъ самые пространнѣйши умы?
Ничто; своей судьбы не постигаемъ мы.
Незнаемы собой въ своей несчастной долѣ:
Что? гдѣ я и куда иду? и взять отколѣ?
Такъ, какъ пылинки мы на кучѣ земляной,
Разсыпаны страдать и быть судьбы игрой;
Но мыслящи сіи пылинки, коихъ взоры
Измѣрить небеса, измѣрить землю скоры.
Несется человѣкъ умомъ ко небесамъ,
Себя не видитъ лишь, себя не знаетъ самъ.
Соборище невѣждъ и гордыхъ въ свѣтѣ ономъ,
О, счастье! говорятъ со плачемъ и со стономъ;
Въ отчаяньи къ себѣ имѣетъ всякъ любовь,
Не хочетъ умереть, ниже родиться вновь.
Хотя всечасно мы напасти ощущаемъ;
Мы очи слезныя чрезъ радость осушаемъ,
Но радость наша такъ равно, какъ тѣнь, минетъ.
Нѣтъ горестямъ конца, числа печалямъ нѣтъ.
Воспоминаніе прошедшаго несчастно,
А настоящее для смертнаго ужасно,
Когда онъ въ будущемъ добра не получитъ.
Полезно будетъ *все*, вотъ только, что̀ насъ льститъ,
Но сердце, что̀ теперь, *полезно все*, не вѣритъ;
Почто такъ хочетъ Богъ, то смертный не измѣритъ;
Покорствую стеня и токи слезъ лія,
И волѣ Вышняго терпя, подверженъ я.
Мой голосъ прежде былъ пастушьею свирѣлью,
Стремился пѣть любовь, стремился я къ веселью;
Теперь, какъ старость мой перемѣнила нравъ,
И слабости людей я съ возрастомъ узнавъ,

Ища во мракѣ лжи, я истины блистанья,
Не знаю болѣе, какъ плакать безъ роптанья.

Калифа нѣкогда оканчивая вѣкъ,
Въ послѣдній къ Богу часъ сію молитву рекъ:
«Я все то приношу Тебѣ, о, Царь вселенной!
«Чего нѣтъ въ благости Твоей всесовершенной!
«Грѣхи, невѣдѣнье, болѣзни, слезы, стонъ.»
Еще бъ прибавить могъ къ тому «надежду» онъ.

ДОБРОМЫСЛЪ,

СТАРИННАЯ ПОВѢСТЬ,

ВЪ СТИХАХЪ.

Божественная Хлоя!
Въ часы твоихъ отрадъ и твоего покоя
Ты любишь иногда,
Во отдыхъ отъ труда,
Читать въ стихахъ страницы
Досужной небылицы.
На разумъ простыхъ Музъ
Не налагаешь узъ.
Твоей улыбкой благотворной
Пріятныхъ душъ питаешь жаръ,
И изъ забавы стихотворной
Счастливый производишь даръ.
Не ставишь никому въ обиду,
Когда, по нѣкакому виду,
Найдутся въ глубинѣ вѣковъ
Давно извѣстныя гремушки дураковъ.
Желаешь наконецъ, чтобъ Душеньки писатель,
Старинныхъ вымысловъ простой повѣствователь,
Вступилъ въ широкій путь забавнѣйшихъ творцовъ:
Хоть прежнихъ лѣтъ моихъ я жара не имѣю,
Желаніе твое преслушать не умѣю:
Скажу, что люди встарь слыхали отъ отцовъ:
Въ Пустой Аравіи живали прежде люди,
Не знаю, были то̀ иль Скиѳы, или Чуди,
Или другой народъ:
Но по преданіямъ, отъ рода въ дальній родъ,

Извѣстно каждому изъ многихъ сказокъ чудныхъ,
Что тамо въ областяхъ безводныхъ и безлюдныхъ,
Гдѣ кроются въ пескахъ признаки городовъ,
Бывало много царствъ, овецъ и пастуховъ,
Въ какомъ ли тамо царствѣ,
Въ какомъ ли государствѣ,
Въ селѣ, иль городѣ, иль въ полѣ подъ шатромъ,
Быль Царь, и былъ любимъ народомъ и дворомъ,
И у Царя была Царица:
Добра, румяна, бѣлолица.
Любовь, и дружба, и совѣтъ,
Чрезъ множество прошедшихъ лѣтъ,
Повсюду ихъ сопровождали,
Въ обоихъ процвѣтали,
Какъ алый розовъ цвѣтъ,
Краса, пріятство, младость,
И потому Царя безъ титловъ звали «Свѣтъ,»
Царицу просто звали: «Радость.»
На вѣчну память ихъ, по днесь,
Вездѣ въ народѣ, какъ и здѣсь,
Когда кого ласкаютъ,
Подобно Радостью и Свѣтомъ называютъ;
И чаять надобно, такія имена
Не выйдутъ изъ рѣчей въ грядущи времена.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Являлися поля обильныя плодомъ,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И въ царскихъ роскошахъ богатствомъ полный домъ.
Но всѣ ли дни прекрасны въ лѣтѣ?
Утѣхи безъ премѣнъ бываютъ ли на свѣтѣ?

Несчастья часто льнутъ, какъ мухи ко всему,
Легко вплетаются и въ быль и въ небылицы.
Случилось то жъ въ дому
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы:
Кто хочетъ знать, скажу и какъ, и почему:
Въ то время славились чудесные Халдеи
Наукой тайныхъ словъ
И силою Духовъ.
Судьбы царей и царствъ и участи домовъ,
Въ то время строили волшебники и Феи.
Они давали честь талантовъ и даровъ,
Достоинствъ и умовъ.
Бывали сельскіе, бывали городскіе;
Иные только домъ бирали на удѣлъ;
Бывали добрые, бывали и такіе,
Которые, не льстясь заботой добрыхъ дѣлъ,
Творили пакости, гдѣ можно, на досугѣ,
И всяку всячину болтали другъ о другѣ;
Случалось иногда, и добрый и худой
Упрямую войну вели между собой.
Гдѣ добрый созидалъ, худой разрушить тщился;
Одинъ благотворилъ, другой во вредъ трудился.
Подобнымъ образомъ у Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы
Одинъ, добро творя,
Хранилъ вокругъ границы;
Другой, ему на споръ,
Старался наустить сосѣдовъ ближнихъ царства
Къ Царю черезъ заборъ
Метать отвсюду соръ
Съ надменной гордостью всевластнаго боярства.

Одинъ предпринялъ трудъ,
Любя Цареву славу,
Въ безсудную расправу
Вводить правдивый судъ;
Другой, ему на зло, законовъ разумъ путалъ,
Дѣла во мракѣ куталъ
И правду клалъ подъ спудъ;
Согбенны древностью благотворящи Духи,
И сверстницы ихъ лѣтъ, изъ добрыхъ Фей старухи,
Бывали иногда иль слѣпы или глухи,
И многихъ пакостей ближайшихъ на земли
Примѣтить не могли.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы,
Летали также въ домъ Духовъ и Фей станицы,
Которы брали видъ дѣльцовъ и знатоковъ,
Рѣшили всѣ дѣла, судили, кто каковъ;
Но ихъ рѣшенія забыты ввѣкъ вѣковъ.
Межъ тѣмъ таился ковъ
Враждующихъ Духовъ,
Которы предпріяли
Наслать на царскій домъ особыя печали.

Уже пронесся слухъ чрезъ земли и моря:
У Свѣта у Царя,
У Радости-Царицы,
Родились дѣтища двуносы, иль двулицы,
И, словомъ, были всѣ уроды на показъ.
Въ началѣ первыхъ лѣтъ приставники и мамы
Старались править ихъ ежедневно много разъ;
Но каждый вырастая впослѣдокъ двуобразъ;

Природныя черты всегда живутъ упрямы.
Для славы ихъ отца,
Придворные вельможи
Носили два лица,
Или двуносыя поддѣланныя рожи;
И въ сказкахъ говорятъ, что будто бы они
Изобрѣли въ тотъ вѣкъ различные наряды,
Какіе въ наши дни
Являютъ маскарады.
Цѣна носовъ и харь,
Которые сначала
Безъ денегъ раздавалъ щедротно добрый Царь,
Въ столицѣ наконецъ безъ мѣры вздорожала,
И равная бѣда
Постигла города,
Затѣмъ, что всѣ тогда,
Дая большія платы,
Старались также быть двулицы, двуносаты.
Блаженъ казался Царь, котораго народъ
Любви своей къ нему являлъ такой доводъ.
Но Царь съ Царицею, когда не въ людствѣ были,
Нерѣдко двое выли,
Искали помощи у всѣхъ своихъ друзей,
Волшебниковъ и Фей,
И въ горестной печали
Отъ всѣхъ забавъ бѣжали.
Волшебникъ Благотворъ
И Скромность, дочь его, любили царской дворъ;
Но ихъ была всегда умѣренна возможность:
Они давали въ щитъ едину Осторожность.
Царя же Благотворъ по дружбѣ надѣлялъ

Чудесной нѣкакой водою,
Отъ Феи Мудрости взятою;
И въ мірѣ носится народною молвою,
Что царску голову онъ ею часто мылъ.
Царицѣ Скромность подарила
Волшебную свою печать,
И Скромность, если льзя отъ слуховъ вѣру брать,
Печать сію къ устамъ Царицѣ приложила.
Такіе способы, поистинѣ сказать,
Для царства не были блистательны и громки,
Но долѣе могли блаженства цѣпь вязать,
И нѣкій сей конецъ далече шелъ въ потомки.
Полезнымъ дѣйствіемъ печати и воды,
Слабѣли видимо враждебныхъ силъ коварства,
И Царь съ Царицею, подъ тягостями царства,
Могли тогда вкушать счастливые плоды.
У Свѣта у Царя, у Радости-Царицы
Плачевныхъ повѣстей окончились таблицы:
У нихъ родился сынъ,
По складамъ видимымъ и по примѣтамъ тайнымъ,
Безъ всякихъ злыхъ причинъ,
Съ порядочнымъ лицемъ и съ носомъ обычайнымъ.

Волшебники друзья,
Пріятельницы Феи,
Къ основѣ бытія
Прибавили затѣи:
Одни ему черты
Героевъ подарили;
Другіе красоты
Купидовы сулили;

Одни [illegible] умъ
И мудрость обѣщали:
Другіе наобумъ
Грядущихъ дѣлъ его исторію слагали;
Таланты, счастіе и самый долгій вѣкъ
Ему предвозвѣщали,
И громко возглашали,
Что дѣйствомъ ихъ [illegible]
Онъ вырастетъ [illegible] и будетъ человѣкъ,
И съ тѣмъ родителей [illegible] поздравляли.
Притомъ [illegible] изъ [illegible] тайныхъ числъ,
Что онъ опредѣленъ назваться Добромыслъ.
Но [illegible] отъ вѣкъ [illegible] въ народѣ. —
И первый Добромыслъ тогда явился въ родѣ.
Межъ тѣмъ, какъ добрые сіяли въ торжествѣ,
Въ сокрытыхъ умыслахъ [illegible] злые духи,
И будучи тогда безсильны въ колдовствѣ,
Старались распустить [illegible] въ свѣтѣ слухи:
[illegible] дитя хорошъ, но будетъ [illegible]
И, по [illegible] Феи, наклоненъ къ злому нраву
И, такъ какъ бы имѣетъ послѣдняя уставъ.
Пророчили, что онъ не можетъ быть женатъ;
Что будетъ на лицѣ носить дурацку шапку,
Что будетъ вѣкъ искать себѣ невѣсту по свѣту,
Но всѣ исканія не будутъ по успѣхъ.
А будетъ лишь въ посмѣхъ.
[illegible] словами [illegible] и Фей противныхъ,
Народы [illegible] тогда во всѣ края.
Со множествомъ трудовъ искали [illegible]
Своихъ пророчествъ [illegible].
И, [illegible] надѣюсь, легко бы возмогли

Чудесить на земли,
Что только было имъ во вредъ людей возможно.
Но царь всегда предосторожно
Хранилъ въ запасъ воды бутыль,
Котора злыхъ коварствъ уничтожала быль.
У Радости равно, на случаи заранѣ,
Извѣстная печать всегда была въ карманѣ.
У сына ихъ тогда, доколѣ былъ онъ младъ,
Въ недѣлѣ и во дни бывала много кратъ
Водою разума головушка помыта,
И часто къ вороту печать была пришита:
И то ихъ имени да будетъ не въ проносъ,
Что тамо Добромыслъ въ отцовскомъ домѣ росъ:
У царскаго двора особы грамотѣи,
И таинъ естества учители Халдеи
Водили умъ его въ пространствѣ всѣхъ частей,
Познаній и наукъ, искусствъ и хитростей.
Исторію временъ, численій разны роды,
Свѣтилъ небесныхъ бѣгъ, открытіе природы,
Кривой и правый толкъ высокотайныхъ словъ
Царевичу они глубоко въ умъ втвердили;
Но наваждѣніемъ конечно злыхъ Духовъ,
Науку: въ свѣтѣ жить и вѣдать, кто каковъ,
Халдейски мудрецы въ то время позабыли.
Ни Свѣтъ со Радостью, ни самый Благотворъ,
Ни Скромность, дочь его, ни добрыхъ силъ соборъ,
Питомца своего сколь много ни хранили,
Отъ всѣхъ возможныхъ золъ напредь не оградили,

И может быть, что злым, умышленно во власть,
Оставили на часть
Ошибки возраста водимаго страстями,
Чтоб разными путями,
И опытомъ добра, и опытомъ скорбей,
Онъ лучше достигалъ счастливыхъ въ жизни дней.
Настали скоро лѣта,
Въ которыя любовь
Волнуетъ часто кровь,
И юность дѣйствуетъ безъ дальняго совѣта.
Тогда отецъ и мать
Заранѣе пеклись найти ему невѣсту,
Иль, по просту сказать,
Гадали, думали пристроить сына къ мѣсту.
Женясь, онъ будетъ жить спокойно, безъ хлопотъ,
И новымъ племенемъ умножитъ царскій родъ.
Такія для него въ виду имѣли мѣты,
Желанія родныхъ и дружески совѣты.
Но злобныхъ ли Духовъ коварные навѣты,
Или безстройная незрѣлыхъ лѣтъ чреда,
Отъ добраго пути влекли его къ худому,
Потрачена ль была чудесная вода,
Потеряна ль печать спасительная дому,
Во лѣтописяхъ нѣтъ
Доводомъ, ни примѣтъ;
Лишь то извѣстно свѣту,
Изъ разныхъ повѣстей, безъ всякихъ лѣтъ и числъ,

Что юный Добромыслъ
Не слѣдовалъ тогда разумному совѣту,
И нѣжныхъ чувствій даръ,
Какой въ него тогда природою вливался,
Въ подобіи вещей былъ только скорый жаръ;
Минутой возгаралъ, минутой истощался.
Царевичу предсталъ повсюду видъ свободъ,
Подъ коимъ крылся путь неволи и нестройства.
Приманчивый призракъ плѣняющихъ красотъ
Далеко отстоялъ отъ счастья и спокойства.
Открылось множество невѣстъ со всѣхъ сторонъ:
Въ Египтѣ Фараонъ,
Отъ самой древности ведя свою породу,
Имѣлъ любиму дочь,
По сказкамъ, Вышероду,
Котора близилась къ семнадцатому году
И женіховъ себѣ искала день и ночь.
Но, вѣстно въ бытіяхъ египетской архивы,
Цари не завсегда бывали тамъ счастливы;
И нѣкій тамо царь,
Съ показаннымъ теперь недальній однородецъ,
Хотя носилъ всегда въ карманѣ календарь,
Особо въ вѣкѣ былъ несчастный мореходецъ,
И въ морѣ нѣкогда пустясь не въ добрый часъ,
Со всѣми силами постыдно въ грязь увязъ;
Хотя жъ въ послѣдствіи толь знатнаго урона
Оставилъ имя онъ въ потомствѣ Фараона,
Оставилъ множество коней и колесницъ,
Оставилъ, наконецъ, въ достойну память роду,
Между высокихъ лицъ
Царевну Вышероду;

Хотя толико пышный домъ
Плѣнилъ царевича въ началѣ,
И не искалъ бы онъ потомъ
Себѣ невѣсты далѣ:
Она явилася съ приданымъ къ ней погостомъ;
Явилась, но была весьма велика ростомъ,
А онъ при ней былъ малъ,
И только подъ плечо тупеемъ досягалъ.
Вотще старалися искусными руками,
Природѣ вопреки,
Поддѣлывать ему высоки каблуки.
Онъ скучилъ зрѣть ее нижайшими очами;
И былъ довольно радъ,
Когда невѣста въ домъ отправилась назадъ.
Царевичева дума
Клонилася потомъ, оставя знатность прочь,
Понять въ супружество единородну дочь
У громкаго царя у Шума.
Извѣстно всѣмъ, что то была
Летучая царевна Слава,
Которая носясь, по праву иль безъ права,
Съ трубою по путямъ вѣстила всѣ дѣла.
Со Славою союзъ и отъ него потомки
Долженствовали быть во всей вселенной громки.
И не было тогда
Въ исканіи труда;
Царевна безъ стыда
На встрѣчу къ жениху, одѣтая въ полтѣла,
Почти, сказать бы такъ, нагая прилетѣла.
Премноги красоты
Открылися въ невѣстѣ;

КАЗАНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ

Но такъ какъ вѣстница, имѣя суеты,
Она не возмогла держаться долго въ мѣстѣ.
Въ началѣ первыхъ числъ
Влюбленный Добромыслъ,
Дивясь ей какъ чуду,
За нею бѣгалъ всюду;
Но могъ ли долго онъ за Славой гнаться въ слѣдъ?
Она вездѣ летала,
Трубила и болтала.
По вѣтру впослѣди пустилась далѣ въ свѣтъ,
И гдѣ сокрылася, повынѣ слуху нѣтъ.
Любовь палитъ сердца безъ дальняго разбора,
И не всегда даетъ желаемыхъ невѣстъ.
Царевичъ, отдохнувъ, предпринялъ самъ поѣздъ
Къ двору, гдѣ славилась царевна Острозора.
Отецъ ея бывалъ
Отцу его пріятель,
И былъ халдейскихъ странъ сильнѣйшій обладатель,
Сидонъ и Тиръ ему овцами дань давалъ.
Въ его владѣніе халдейскія науки,
И острыхъ словъ игра
Изъ мѣстъ, гдѣ въ цѣлый годъ гнѣздо находятъ жуки,
Вошли въ высоку честь у царскаго двора;
Въ его владѣніе цвѣла наукъ поднора,
Цвѣла, какъ вѣстно всѣмъ, премудра Острозора
И прибылъ Добромыслъ къ халдейскому двору.
Онъ въ дѣтствѣ самъ имѣлъ учителей халдейскихъ,

И вѣдалъ многу быль изъ повѣстей индѣйскихъ;
Понравился царю, со всѣми былъ въ миру,
Немало говорилъ съ царевной на пиру;
Но многихъ словъ ея не могъ понять игру,
И вскорѣ
Незнаніемъ своимъ наскучилъ Островорѣ.
Сражемъ ея умомъ,
Въ ничтожности потомъ
За благо разсудилъ обратно ѣхать въ домъ.
Послѣдуя тогда всего народа гласу,
Старался видѣть онъ царевну Милокрасу.
Увидѣлъ наконецъ и былъ въ ея плѣну.
Но скоро впалъ въ вину:
Когда она чего желала,
Любовникъ долженъ былъ всегда желать того жъ;
И какъ желанья ихъ поразнились сначала,
Царевна коротко сказала: «не хорошъ.»
Хотя жъ сестра ея, царевна Самохвала,
Не такъ была горда,
Царевича она ни въ чемъ не охуждала,
Но часто безъ стыда,
Высоки похвалы сама себѣ слагала.
Любила обезьянъ, любила также клушь,
И къ нимъ въ товарищи ей надобенъ былъ мужъ.
Царевичъ, убоясь вступить на мѣсто клуши,
Отъ милостей ея бѣжалъ, заткнувши уши.
Онъ видѣлъ наконецъ премножество невѣстъ,
Представленныхъ ему въ пріятныхъ самыхъ маскахъ;
Но ихъ названья въ сказкахъ

Не заслужили мѣстъ,
И въ повѣстяхъ ихъ домы
Остались незнакомы.
Древнѣйшихъ вымысловъ отецъ
И многихъ бытностей свидѣтель,
Гомеръ повѣдалъ наконецъ,
Что встрѣтилъ Добромыслъ въ дорогѣ Добродѣтель,
Которая ему, съ безплоднаго пути,
Назначила тогда за нею въ слѣдъ идти,
Ошибки юности завѣсою покрыла,
И тако повѣсть сократила.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОДЫ ДУХОВНЫЯ

ИЗЪ РАЗНЫХЪ ПСАЛМОВЪ ДАВЫДОВЫХЪ.

—

I.

Доколѣ буду я забвенъ,
Въ бѣдахъ, о, Боже мой, Тобою?
Доколѣ будешь отвращенъ
Отъ жалобъ, приносимыхъ мною?
Доколѣ вопіять стеня?
Мое всечасно сердце рвется:
Доколѣ врагъ мой мнѣ смѣется,
Всегда въ напасти зря меня?

Я милости ко мнѣ Твои
Въ бѣдахъ толикихъ призываю,
Да не рекутъ враги мои,
Что я напрасно уповаю.
Спаси въ напасти мой животъ,
Въ слезахъ обрадуй и въ печали,
Дабы злодѣи то познали,
Что Ты Господь и Богъ щедротъ.

Будь страшенъ всѣмъ моимъ врагамъ,
Что̀ въ злобѣ на меня стремятся;
Будь мнѣ отъ нихъ защитникъ Самъ:
Тобой ихъ сѣти сокрушатся.
Твою я милость воспою
Въ весь вѣкъ мой, данный мнѣ Тобою,
Что Ты всемощною рукою
Отъ рукъ враговъ спасъ жизнь мою.

=

II.

Господь меня блюдетъ
Господь и просвѣщаетъ,
И отъ юнѣйшихъ лѣтъ
Въ путь правый наставляетъ.
Съ млекомъ законъ Свой влилъ
Въ меня еще въ младенствѣ,
Дабы во благоденствѣ
Я Господа хвалилъ.

Хоть пагубный предѣлъ
Назначенъ мнѣ врагами,
Мой щитъ пребудетъ цѣлъ —
Я злость попру ногами.
Что̀ врагъ мнѣ сотворитъ,
Горящій злобнымъ жаромъ,
Коль крѣпкихъ силъ ударомъ
Господь его сразитъ?

Онъ щедрую простеръ
Ко мнѣ Свою десницу:
Умножилъ выше мѣръ
Мой скотъ, мою пшеницу.
Пою Тебя всякъ часъ
Источникъ благъ нетлѣнныхъ!
Внемли изъ устъ Ты бренныхъ
Моихъ хваленій гласъ.

=

III.

Блаженъ, кто Бога не гнѣвитъ
И истину всегда хранитъ:
Родъ онаго благословится,
И сѣмя вѣкъ не истребится.

Богатство, слава съ нимъ живетъ,
Съ нимъ праведные узрятъ свѣтъ;
Гонимымъ онъ подастъ отраду,
Съ нимъ узритъ истина награду.

Помощникъ нищему въ бѣдѣ
И покровитель на судѣ,
Когда онъ правдой укрѣпится,
Отъ слуха зла не убоится;

Онъ ей противныхъ побѣдитъ,
Безстрашно на враговъ воззритъ

И въ свѣтѣ вознесется славой.
Господь хранитъ всегда путь правой.

А беззаконникъ, въ злобѣ зря,
И въ зависти своей горя,
Что Богъ ему не помогаетъ,
Падетъ, погибнетъ и растаетъ.

=

IV.

О, Боже! наше Ты прибѣжище и сила,
Защита крѣпкая и помощь намъ въ бѣдахъ:
Когда бы насъ Твоя десница не хранила,
Давно бы зрѣли насъ враги въ своихъ сѣтяхъ.

Отъ гласа Вышняго вселенна потрясется,
Смятутся и падутъ противные предъ Нимъ;
Но имя праведныхъ тѣмъ паче вознесется,
И не прикоснется никая злоба имъ.

Величество и власть Творца всѣ твари славятъ,
Хвалу Ему гласятъ земля и небеса;
Когда бъ забыли мы, то горы намъ представятъ
Безчисленны Его преславны чудеса.

Онъ луки и щиты злодѣйски сокрушаетъ,
Свергаетъ въ ярости взнесенной гордыхъ рогъ;

Но праведныхъ всегда щедротой утѣшаетъ.
О, злость! сомкни уста: защита правымъ Богъ.

=

V.

Дактилическими стихами.

Не стремись добродѣтель напрасно
Людей отъ неправды унять:
Въ нихъ пороки плодятся всечасно,
Нельзя ихъ ничѣмъ исправлять.

Справедливость не разъ безъ заплаты,
Являла несчастны слѣды:
Времена, пролетая, крылаты
Влекутъ и встрѣчаютъ бѣды.

Упаси, о, Всевышній Содѣтель,
Покрой въ непорочныхъ сердцахъ
Утѣсненную зломъ добродѣтель,
Всели въ беззаконныхъ Твой страхъ.

=

VI.

Хвалите Господа небесъ,
Хвалите всѣ небесны Силы,
Хвалите всѣ Его свѣтилы,
Исполненны Его чудесъ.

Да хвалятъ свѣтъ Его и день,
Земля и воздухъ, огнь и воды;
Да хвалятъ рыбъ различны роды,
Пучины, бездны, мракъ и тѣнь.

Да хвалятъ холмы и древа,
Да хвалятъ звѣри, гады, птицы,
Цари, владыки, сильныхъ лицы,
И всяка плоть, что̀ Имъ жива.

Да хвалитъ своего Творца,
Да хвалитъ всякое дыханье:
Онъ милуетъ Свое созданье,
И нѣтъ щедротъ Его конца.

VII.

Бѣдами смертными объятъ,
Я въ безднѣ ада утопаю:
Еще взвожу ослабшій взглядъ,
Еще на небо я взираю.
Твой судъ, о, Боже! правъ и святъ,
Тебя я въ помощь призываю:
Воззри, какъ грудь мою тѣснятъ
Бѣды, въ которыхъ я страдаю.
Прости, Творецъ, сію вину,
Что день рожденія кляну,
Когда отъ мукъ ослабѣваю
Ты сердца видишь глубину:
Хоть въ адскихъ пропастяхъ тону,
Но отъ Тебя спасенья чаю.

=

VIII.

О, ты, земли и неба Царь!
Ты смертнымъ тишину приносишь:
Доколѣ злобы не подкосишь,
Отъ коей мучится вся тварь?
Доколѣ стрѣлъ на тѣхъ не бросишь,
Которы Твой скверняtъ алтарь?

Ты молніи въ десницѣ носишь:
Ты въ злыхъ перунами ударь.
Пусть ихъ совѣты сокрушатся
И чаемыхъ утѣхъ лишатся,
Не зря погибели другихъ;
А правые Твой судъ узнаютъ,
Когда злодѣи возстенаютъ,
И вѣтеръ прахъ развѣетъ ихъ.

IX.

ИЗЪ ПСАЛМА 18.

Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Славу Божію вѣщаютъ
Неизмѣрны небеса,
И всемѣстно восхищаютъ
Бренный умъ и очеса.
Тамъ безчисленны планеты,
Въ лучезарный свѣтъ одѣты,
Въ высотѣ небесъ горя,
Образуютъ всѣмъ Царя.

Но спусти, о, смертный! взоры
Отъ небесъ пространныхъ въ долъ:
Тамъ горамъ вѣщаютъ горы,
День и нощь даютъ глаголъ;

Тамо твари удивленны,
Отъ конца въ конецъ вселенны
Произносятъ общій кликъ:
Коль Создатель ихъ Великъ!

О, прекрасное свѣтило,
Коимъ блещетъ естество!
Не въ тебѣ ли начертило
Высшу благость Божество?
Ты, вселенну обтекая,
Отъ краевъ земли до края,
Сыплешь въ хладъ и темноту
Живоносну теплоту.

Бога видѣть не удобно;
Умъ стряется предъ Нимъ;
Но законъ Его подобно
Съ солнцемъ блещетъ ко земнымъ.
Гонитъ мракъ грѣховной ночи,
Просвѣщаетъ умны очи
И живитъ весельемъ духъ,
Кто къ Нему приклонитъ слухъ.

Но всегда ли умъ постигнетъ,
Коль законъ сей правъ и благъ?
Боже! если въ зло подвигнетъ
Мысль мою коварный врагъ:
Ты святымъ Своимъ закономъ
Предъ Твоимъ блестящимъ троном,
Зря смятеніе души,
Путь мой свято соверши.

ОДА

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ.

на новый 1763 годъ.

—

Тебѣ, Монархиня, Твоей плѣненный славой,
Любитель нѣкто Музъ подъ счастливой державой,
Тебѣ, Виновницѣ гремящихъ въ свѣтѣ лиръ,
Творенія свои усердно посвящаетъ;
Онъ то приноситъ въ даръ, что весь приноситъ міръ,
И похвалы тебѣ языкомъ всѣхъ вѣщаетъ.

—

Пресвѣтлый Фебъ открылъ мнѣ гору,
Гдѣ тмы чудесъ прельщенну взору
Являютъ сладкую мечту;
Плѣненъ видѣніемъ и слухомъ,
Къ веселью восхищеннымъ духомъ,
Божественъ хоръ внимая, чту.
О, Муза, возглашая міру
Героевъ славныхъ имена,

Подай свою мнѣ нынѣ лиру
Воспѣть счастливы времена.

Не ново ль солнце возсіяло?
Се новыхъ дней мы зримъ начало,
Дней радостей сугубыхъ намъ.
Внемли, Владычица земная,
Блаженство Музамъ подавая,
Иль паче, всѣмъ Твоимъ странамъ,
Внемли ихъ пѣснь благопріятно:
Для нихъ торжествъ краснѣе нѣтъ,
Какъ пѣсни повторять стократно
Твоей гремящей славѣ въ слѣдъ.

Не въ греческихъ странахъ прекрасныхъ,
Но на мѣстахъ Тебѣ подвластныхъ,
Монархиня, услышишь Музъ.
Взгляни Ты на поля Россійски:
Услышишь пѣсни олимпійски,
Услышишь разныхъ лиръ союзъ;
Но всѣ Тебя поютъ едину,
Поютъ и не престанутъ пѣть
Премудрую Екатерину,
Что вѣкъ златой дала узрѣть.

Здѣсь царствовать желаетъ Флора,
Низпуститъ росу къ намъ Аврора
И токъ прольетъ прохладныхъ водъ;
Здѣсь Нимфы при струяхъ прозрачныхъ,
Въ сихъ рощахъ, въ сихъ долинахъ злачныхъ,
Прославятъ Твой на тронъ восходъ.

На сихъ поляхъ пространныхъ чаетъ
Зефиръ спокойно дуть всегда,
И радости не окончаетъ
Царица въ нивахъ никогда.

Настанетъ жизнь наукамъ перва:
Ты будешь новая Минерва,
Среди потомковъ древнихъ Музъ;
Не паки ль подъ Твоимъ эгидомъ
Божественнымъ крѣпимся видомъ,
Въ свободѣ мы отъ рабскихъ узъ?
Горѣть къ отечеству любовью
И въ гнѣвной онаго судьбѣ,
Вліянною отъ предковъ кровью
Хранить ихъ честь, есть дань Тебѣ.

Тамъ трудъ и подвиги всегдашны
И смертны ужасы не страшны,
Гдѣ къ славѣ Ты покажешь путь:
Средь волнъ, средь бурь, средь грозна пламя,
И гдѣ Твое увидимъ знамя,
На мѣсто стѣнъ поставимъ грудь.
Самъ Богъ на помощь намъ предстанетъ,
Разя оружіемъ Твоимъ;
Съ Твоимъ Онъ громомъ купно грянетъ,
Твой гнѣвъ и Свой покажетъ злымъ.

Свидѣтели тому сосѣды,
Коль славцы чрезъ свои побѣды
Россіяне, смиря враговъ;
Свидѣтели тѣ войски сами,

Которы, побѣжденны нами,
Чтутъ мужество Твоихъ полковъ.
Еще герои росски цѣлы,
Живутъ и будутъ жить въ сынахъ;
Враги увидятъ прежни стрѣлы
И прежни громы въ ихъ поляхъ.

Тѣ громы, кои подъ Полтавой
И всюду предъ Петровой славой,
Стремились дерзостныхъ карать;
Главы ихъ тотъ же мечъ преклонитъ,
И тотъ герой враговъ погонитъ,
Который гналъ за степь ихъ вспять.
Но если грозный рокъ злодѣевъ
Ихъ дерзкій путь давно пресѣкъ:
Безъ бранныхъ дѣйствъ и безъ трофеевъ,
Монархиня, Твой славенъ вѣкъ.

Когда царей мы въ мысль приводимъ,
Повсюду образъ Твой находимъ:
Тотъ жизнь хотѣлъ за всѣхъ терять,
Тотъ жертвовалъ своимъ покоемъ,
Тотъ названъ Кроткимъ, тотъ Героемъ;
Но выше чтемъ мы Россовъ Мать.
Иной во плѣнъ взялъ тмы народа,
И, силой рушивъ крѣпость стѣнъ,
Былъ царь всего земного рода;
А Ты взяла сердца во плѣнъ.

Тобою добродѣтель блещетъ,
Обидимый не вострепещетъ

Отъ сильныхъ рукъ передъ судомъ;
Къ Тебѣ путь Правда отверзаетъ.
И Лихоимство не дерзаетъ,
Объято страхомъ и стыдомъ.
Вдова въ отчаяньи не стонетъ,
Не плачутъ бѣдны сироты:
Коль жалоба ихъ слухъ Твой тронетъ,
Помощница имъ будешь Ты.

Не лестью ихъ языкъ вѣщаетъ;
А то, что̀ сердце ощущаетъ,
Монархиня, гласятъ уста.
Монархи славные дѣлами,
Не мня превознестись хвалами,
Блаженство шлютъ во всѣ мѣста.
Но сколько милость имъ природна,
Столь свойственно намъ пѣть ея;
И если пѣснь Тебѣ угодна,
Тѣмъ паче счастливъ буду я.

Благословенная Держава!
Твоя надежда, счастье, слава
И власть должны цвѣсти вовѣкъ.
Веселый слухъ подвергъ всю землю;
Въ священномъ я восторгѣ внемлю,
Слова, что̀ цѣлый міръ изрекъ:
«Продли Ея, о, Боже! лѣта,
«Продли до самыхъ позднихъ дней:
«Они утѣхой будутъ свѣта,
«И счастьемъ всѣхъ подвластныхъ Ей.»

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

переведенная съ италіянскаго, сочиненія Мишеля-Анжела Жіанетти.

—

О, Ты, которая, счастливою судьбою,
Въ побѣдахъ царствуешь надъ Росскою страною:
Тебѣ вручившее Державу Божество,
На безконечное Россіи торжество,
Судило, чтобъ весь свѣтъ, дивяся, былъ свидѣтель,
Колико можетъ въ немъ со властью добродѣтель.
Пѣтовъ ревностныхъ Тобой плѣненный духъ,
Съ восторгомъ дѣлъ Твоихъ, внимая громкій слухъ,
Достойно пѣть Тебя всѣ силы напрягаетъ,
И всюду о Тебѣ гласить не умолкаетъ.

Въ странѣ, гдѣ солнце въ міръ лiетъ сугубый свѣтъ,
Вселяетъ жаръ къ стихамъ и пѣть Тебя зоветъ
Питомецъ чистыхъ Музъ древнѣйша Геликона,
Плѣняясь славою величественна трона,
Дерзаетъ въ ревности плести вѣнцы для Той,
Которая даетъ Россіи вѣкъ златой.
Прости, Монархиня, коль дерзко предпріемлю:
Тобою ободренъ, я всюду гласъ Твой внемлю,
Божественный сей гласъ, который чтитъ весь міръ
И пѣснь Тебѣ поетъ среди гремящихъ лиръ.

Пространство обозрѣвъ земель подъ небесами,
Гдѣ славились цари, какъ боги чудесами,
Я зрю — слѣдами ихъ наполненъ Океанъ
И Предковъ чту Твоихъ великолѣпный санъ;
Къ защитѣ на земли благотворящей Вѣры,
Ихъ славныя дѣла и славные примѣры.
Но въ морѣ сихъ чудесъ теряется мой взоръ:
Пускай красуется ихъ свѣтлыхъ душъ соборъ,
Въ селеньяхъ вѣчности Твоимъ блистая свѣтомъ
И славы чтя Тебя достойнѣйшимъ предметомъ:
Я имъ послѣдую, оставлю блескъ ихъ дѣлъ,
Коль должно, чтобъ я въ нихъ Тебя едину пѣлъ.
Великаго Петра Преемница Державы
И истинной Его Любительница славы,
Нося Его труды, любя Его законъ,
Его имѣя духъ и царствуя какъ Онъ,
Ты разумъ мой влечешь къ Тебѣ единый нынѣ,
И отъ Петра мой стихъ течетъ къ Екатеринѣ.

Ты тако царствуешь и правишь Твой народъ,
Что долженъ чтить Тебя и поздній смертныхъ
родъ.
Отъ подданныхъ Твоихъ дни, счастьемъ изчтенны,
Не будутъ никогда забвеньемъ помраченны;
Куда ни обратятъ Россіяне свой взглядъ,
Увидятъ образъ Твой, увидятъ тму отрадъ.
Такъ солнце землю всю живитъ и освѣщаетъ,
И каждый, зря его, отраду ощущаетъ;
Но отъ Твоихъ щедротъ тишайшій льется свѣтъ,
Плѣняетъ сердце онъ и умъ къ себѣ влечетъ.

Твое владычество во свѣтѣ надъ царями,
Твое могущество надъ сушей, надъ морями,
Явили на земли Юпитерову власть:
Минерва предъ Тобой и боги должны пасть.
Коль свѣтъ превозносилъ ихъ мнимую державу,
Въ Тебѣ онъ прямо чтитъ божественную славу
Петромъ основанный, преславный нынѣ градъ,
Гдѣ прежде царствовалъ единый только хладъ,
Гдѣ пахатель сперва, трудясь, нуждался въ пищѣ
И отдалялъ свое отъ оныхъ мѣстъ жилище,
Сей градъ, красуяся во области Твоей,
Подобенъ Риму сталъ среди счастливыхъ дней;
Отверзъ убѣжище пріятное народу
И животворную явилъ наукамъ воду.
Художествъ тщатели и быстрые умы
Текутъ подъ Твой покровъ, текутъ народовъ тмы.
Ты къ пользѣ подданныхъ и къ собственной ихъ
славѣ,
Желая просвѣтить людей въ Твоей державѣ,

Простерла щедрую десницу ко брегамъ,
Гдѣ Музы избрали себѣ угодный храмъ.
Екатерининъ гласъ всегда межъ ихъ твердится.
Счастливая Нева предъ Тибромъ здѣсь гордится.
Колико Римъ блисталъ, вселенной давъ законъ,
Толико славенъ Титъ, Траянъ и Сципіонъ *,
Непобѣдимыхъ войскъ достойный предводитель
И африканскихъ силъ прехрабрый побѣдитель:
Всю славу, что явилъ героевъ полный Римъ,
Всю славу сихъ мужей въ Тебѣ единой зримъ.

Среди героевъ сихъ отлично Ты блистаешь,
И въ подданныхъ Твоихъ геройскій духъ питаешь.
Подобно солнечнымъ сіяющимъ лучамъ,
Которы новый вдругъ являютъ блескъ очамъ,
Встрѣчаясь съ твердыми прозрачными тѣлами,
Героевъ Ты творишь геройскими дѣлами.
Трудовъ и подвиговъ и ревности ихъ плодъ
Являетъ образъ всѣхъ монаршескихъ добротъ,
Которыя свои лучи повсюду мещутъ,
И добродѣтелью Твоей народы блещутъ.
Она повсюду тамъ въ Россіянахъ видна,
Гдѣ къ истинѣ любовь предводитъ ихъ одна,
Гдѣ честь, достоинства, исторгнуты изъ тѣни,
Восходятъ на свои имъ должныя степени;
Гдѣ правда тихая смиряетъ гордый нравъ,
И человѣчества внушается уставъ;
Гдѣ Марсъ болѣзнуетъ, явя свирѣпство въ полѣ,
И укрощается, зря Кротость на престолѣ;

---

* Сципіонъ Младшій.

Гдѣ чтится мужество и вѣрность тѣхъ сердецъ,
Которы отъ Нея пріемлютъ свой вѣнецъ.
Счастливая страна! народъ, сто кратъ блаженный!
Ты видишь Божества въ Ней образъ совершенный,
Ты видишь паки въ Ней Астрею на земли.
Внемли, Монархиня, Ты смертныхъ гласъ внемли,
Которые Тобой блаженство ощущаютъ:
Се море и земля хвалу Твою вѣщаютъ.
Премудрые Твои уставы намъ гласятъ,
Коль праведенъ Твой судъ и коль законъ Твой святъ,
И сколь желаешь Ты, о пользѣ всѣхъ радѣя,
Чтобъ сирый не стенялъ отъ сильнаго злодѣя.
Гласятъ любители художествъ и наукъ,
Монархиня, Твоей внимая славы звукъ,
Что подданныхъ Ты вкусъ и разумъ возвышаешь,
И добродѣтельми ихъ нравы украшаешь.
Отъ юныхъ лѣтъ горя усердіемъ къ Тебѣ,
Воспитанны Тобой въ пресчастливой судьбѣ,
Младенцы самые, единодушнымъ кликомъ,
Тебя, какъ Россовъ Мать, чтутъ сердцемъ и языкомъ.
Счастливые торги во области Твоей,
Тебя въ избыткѣ благъ, Минервой чтутъ своей,
И изобиліе неся въ Твою Державу,
Гласятъ, колико Ты умножила ихъ славу.
Различны жители восточныя страны
Единымъ именемъ и слухомъ плѣнены,
Россійской Матери, Богини и Царицы,
Съ надеждою Тебѣ вручаютъ ихъ границы;

И зря къ Монархинѣ любовь Ея сыновъ,
Гласятъ: прими и насъ, прими во Свой покровъ.

Угрюмый богъ морей, покояся донынѣ,
Искалъ глубокаго убѣжища въ пучинѣ;
Трезубцемъ волны онъ морскія усмирялъ
И въ мрачныя себя пещеры затворялъ.
Но тягостью судовъ внезапно удрученный,
Склоняетъ свой хребетъ, и зря на токъ смущенный,
Гдѣ роютъ новый путь летящи Этны въ Понтъ,
Внимаетъ надъ водой шумящій горизонтъ:
Послушны вѣтры имъ, благоспѣшно вѣя,
Казалось, царство водъ отъемлютъ у Нерея,
Сей богъ, изъ бездны волнъ зря смѣлость такову,
Подъемлетъ тиною покрытую главу,
И очи мутныя возведъ на воздухъ влажный,
Вѣщаетъ: «Кто дерзнулъ вступить въ сей путь отважный?»
Но лишь увидѣлъ онъ Екатерининъ флагъ,
Простертъ упалъ предъ Ней, желая Россамъ благъ.

Онъ рекъ, и гласъ его раздался надъ водами:
«Да чтитъ покрытый Понтъ россійскими судами,
«Толь свято власть Ея и купно мой законъ,
«Колико славою Ея возвышенъ тронъ.
«Пространство все моей надъ токами державы
«Не можетъ умѣстить побѣдъ Ея и славы.
«Великій Александръ, царемъ полсвѣта ставъ,
«Когда бы нынѣ жилъ, Ея бы чтилъ уставъ;
«Великъ и славенъ онъ побѣдъ своихъ вѣнцами:
«Но царствуетъ одна щедрота надъ сердцами;

«И свѣтомъ обладать достойна только Та,
«Которая къ счастію отверзла всѣмъ врата.
«Эолъ! Монархини ты нраву подражая,
«Не дуй на флотъ Ея отъ сѣвернаго края.
«Будь тихъ подобно Ей, смири свой бурный вѣтръ,
«Пусть царствуетъ Она въ срединѣ водныхъ нѣдръ,
«Пусть свѣтлы небеса, быв Ей благопріятны,
«Явятъ, колико имъ Ея желанья внятны;
«Пусть тихимъ воздухомъ Ея предводятъ слѣдъ,
«Для счастья общаго и для Ея побѣдъ;
«Пусть Турокъ въ гибели невѣрный родъ познаетъ,
«Что тщетно на свои онъ силы уповаетъ,
«Дерзая колебать вселенныя покой
«И Россовъ раздражать военною рукой.
«Пускай Монархиня, почтенная вѣнцами,
«Блаженствомъ подданныхъ и вѣрными сердцами,
«Великимъ именемъ, божественнымъ умомъ,
«Коль хочетъ, миръ даетъ; коль хочетъ, мещетъ громъ.»

Онъ правдою изрекъ, побѣдъ Твоихъ свидѣтель.
Въ войнѣ благословилъ Тебя небесъ Владѣтель
И руку мощную простеръ изъ облаковъ,
Разящую вездѣ невидимо враговъ.
Не въ долгомъ времени трепещуща ихъ сила
Почувствовала страхъ, который наносила.
Бѣгущихъ Агарянъ смущенные полки
Поверглись въ ихъ крови отъ россійскія руки.
Любитель мирныхъ дней, покоя и отрады,

Отважно шелъ на брань, зря щитъ своей Паллады;
Забывъ оливну вѣтвь счастливыхъ береговъ,
Какъ левъ разгнѣванный, стремился на враговъ.
Тамъ въ подданной любовь къ россійской Героинѣ
Вселяла бодрый духъ на сушѣ и въ пучинѣ.
Дабы явить Тебѣ усердія ихъ плодъ,
Имъ не было препонъ среди огня и водъ.
Надежды лучъ съ Небесъ къ Россіянамъ спустился,
Но мрачный облакъ вдругъ надъ Турками сгустился;
Надъ вѣрными тогда сіялъ побѣды день,
И вражески полки покрыла вѣчна тѣнь.
Я зрю трепещущу Турецкую Державу,
И собственну въ войнѣ піющую отраву;
Луна во облакахъ, зардѣвшись, кроетъ видъ,
Желая навсегда скрыть свой и Турокъ стыдъ.

Къ вамъ нынѣ обращу я мысленные взоры,
Къ вамъ, рѣки и брега, ручьи, поля и горы,
Гдѣ Марсъ во ужасѣ взиралъ на страшный слѣдъ
Россійскихъ храбрыхъ силъ, на дѣйство ихъ побѣдъ,
И гдѣ изъ челюстей орудій раскаленныхъ
Летала съ ревомъ смерть на Турокъ изумленныхъ;
Гдѣ бѣгство препиналъ ручьевъ кровавыхъ токъ,
И дерзостныхъ враговъ постигъ лютѣйшій рокъ;
Преславныя мѣста дѣлами войскъ преславныхъ,
Свидѣтели побѣдъ надъ Турками недавныхъ!
Вы новое открывъ тамъ зрѣлище чудесъ,

Которыя творилъ россійскій Геркулесъ,
Съ коликой радостью вы оной гласъ внимали,
Когда Россіяне побѣду восклицали,
Когда Монархиня у всѣхъ была въ устахъ,
Когда побѣды гласъ раздался въ небесахъ!
Екатерининою мѣста вы были полны,
И грозно Имя то несли къ невѣрнымъ волны;
Иль паче славою взносимое до звѣздъ,
То Имя Туркамъ въ страхъ сіяетъ съ горнихъ
мѣстъ.

Царица Амазонинъ *, презрѣвъ и слабость пола,
Презрѣвъ и свой покой и сладости престола,
Сама дерзнула стать въ геройскіе слѣды
И чрезъ военные прославилась труды.
Но духомъ смѣлая, россійская Паллада,
Не отлучаяся изъ царственнаго града,
И правя областью у тихихъ береговъ,
Спокойно шлетъ оттоль перуны на враговъ
Юпитеръ тако гнѣвъ злодѣямъ возвѣщаетъ,
И громъ и молнію отъ высоты пущаетъ:
Бросай, Монархиня, бросай Свой сильный громъ,
И усмири враговъ, которы дышутъ зломъ.

Тебѣ, о славный вождь, великодушный воинъ!
Она вручаетъ власть, которой ты достоинъ:
Тебѣ природна честь, и свойственъ долгъ, Орловъ **,

* Фермодонта.
** Графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Отважно шелъ на брань, зря щитъ своей Палады;
Забывъ оливну вѣтвь счастливыхъ береговъ,
Какъ левъ разгнѣванный, стремился на враговъ.
Тамъ въ подданной любовь къ россійской Героинѣ
Веселяла бодрый духъ на сушѣ и въ пучинѣ.
Дабы явить Тебѣ усердія ихъ плодъ,
Имъ не было препонъ среди огня и водъ.
Надежды лучъ съ Небесъ къ Россіянамъ спустился,
Но мрачный облакъ вдругъ надъ Турками сгустился;
Надъ вѣрными тогда сіялъ побѣды день,
И вражески полки покрыла вѣчна тѣнь.
Я зрю трепещущу Турецкую Державу,
И собственну въ войнѣ піющую отраву;
Луна во облакахъ, зардѣвшись, кроетъ видъ,
Желая навсегда скрыть свой и Турокъ стыдъ.

Къ вамъ нынѣ обращу я мысленные взоры,
Къ вамъ, рѣки и брега, ручьи, поля и горы,
Гдѣ Марсъ во ужасѣ взиралъ на страшный слѣдъ
Россійскихъ храбрыхъ силъ, на дѣйство ихъ побѣдъ,
И гдѣ изъ челюстей орудій раскаленныхъ
Летала съ ревомъ смерть на Турокъ изумленныхъ;
Гдѣ бѣгство пресѣкалъ ручьевъ кровавыхъ токъ,
И дерзостныхъ враговъ постигъ лютѣйшій рокъ:
Преславныя мѣста дѣлами войскъ преславныхъ,
Свидѣтели побѣдъ надъ Турками недавныхъ!
Вы новое открывъ тамъ зрѣлище чудесъ,

Которыя творилъ россійскій Геркулесъ,
Съ коликой радостью вы оной гласъ внимали,
Когда Россіяне побѣду восклицали,
Когда Монархиня у всѣхъ была въ устахъ,
Когда побѣды гласъ раздался въ небесахъ!
Екатерининою мѣста вы были полны,
И грозно Имя то несли къ невѣрнымъ волны;
Иль паче славою взносимое до звѣздъ,
То Имя Туркамъ въ страхъ сіяетъ съ горнихъ мѣстъ.

Царица Амазонъ *, презрѣвъ и слабость пола,
Презрѣвъ и свой покой и сладости престола,
Сама дерзнула стать въ геройскіе слѣды
И чрезъ военные прославилась труды.
Но духомъ смѣлая, россійская Паллада,
Не отлучаяся изъ царственнаго града,
И правя областью у тихихъ береговъ,
Спокойно шлетъ оттолъ перуны на враговъ
Юпитеръ тако гнѣвъ злодѣямъ возвѣщаетъ,
И громъ и молнію отъ высоты пущаетъ:
Бросай, Монархиня, бросай Свой сильный громъ,
И усмири враговъ, которы дышутъ зломъ.

Тебѣ, о славный вождь, великодушный воинъ!
Она вручаетъ власть, которой ты достоинъ:
Тебѣ природна честь, и свойственъ долгъ, Орловъ **,

---

* Фермодонта.

** Графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Спасать Отечество, карать его враговъ:
Тебѣ покорствуютъ и самыя стихіи,
И вѣтры брань ведутъ въ моряхъ за честь Россіи.
Тамъ ревностный твой братъ * богининъ гнѣвъ несетъ,
Летитъ средь молній, рветъ воздухъ, твердь трясетъ,
И съ равной силою какъ вѣтръ съ Востока гонитъ;
Ветрѣчая хладный вѣтръ, онъ крѣпки мачты клонитъ,
Огромныя суда преобращаетъ въ прахъ;
Отчаянныхъ разитъ уже единый страхъ.
Дерзай, Монархиня, къ Тебѣ любовью полны,
Россіяне попрутъ безстрашно огнь и волны.
Они, Твой тронъ и скиптръ составя изъ сердецъ,
За добродѣтели плетутъ Тебѣ вѣнецъ;
За добродѣтели Твои Ты узришь вскорѣ,
Твою простерту власть на сушѣ и на морѣ;
Ты узришь во стыдѣ невѣрный Турокъ родъ,
И въ новомъ торжествѣ Твой счастливый народъ;
За добродѣтели получишь миръ въ награду,
И сердцу Твоему любезную отраду,
Когда оружія престанетъ въ полѣ шумъ,
И будетъ въ тишинѣ покоиться Твой умъ.
За добродѣтели художества свободны
Явятъ свои плоды, которы имъ природны.

---

* Графъ Ѳедоръ Григорьевичъ.

Гоня невѣжество и злобу отъ сердецъ,
Ихъ общимъ Божествомъ Ты будешь наконецъ.

И се изъ облаковъ я гласъ предвѣчный внемлю!
Божественны Судьбы, дая законъ на землю,
Вѣщаютъ сладкія пророчества слова,
Что вѣрнымъ будешь Ты подсолнечной глава.
Византія къ Тебѣ колѣна преклоняетъ,
И радость тайную въ сердцахъ распространяетъ.
Тебя зоветъ своей Царицею Востокъ,
И Нилъ во срѣтенье къ Тебѣ летъ свой токъ.
Елена * вопіетъ: спаси Екатерина,
Воздвигни Церковь Ты, воздвигни Константина!
Тебѣ вручаю я оружіе и честь,
Дабы за Вѣру Ты простерла общу месть.
Тебѣ я греческій престолъ препоручаю,
Тобою на земли торжествовать я чаю;
Тобою Истина должна взойти на тронъ,
И Твой распространить въ подсолнечной законъ.

О, Муза! въ ревности должна хранить ты мѣру,
Коль въ пѣсняхъ подражать не можешь ты Гомеру.
Преславный сей пѣвецъ престалъ бы пѣть боговъ,
Зря ново божество у невскихъ береговъ.
А ты, имѣя гласъ нехитростной свирѣли,
Оставь, чтобъ боги пѣснь Богинѣ новой пѣли.

---

* Святая Елена, благовѣрная царица греческая, мать святого царя Константина.

Умолкни и проси прощенія предъ Ней,
Дерзнувъ Ее хвалить въ преданности своей.
Довольно славится едиными дѣлами,
Сія, Котору мнишь ты славить похвалами.
Ей Истина плететъ безсмертные вѣнцы,
И слухъ о Ней прошелъ во всѣ земли концы.

О, Муза! прекрати ты пѣснь и будь спокойна.
Умѣренность въ стихахъ есть паче намъ пристойна.
Коль даръ усердію не можетъ отвѣчать,
Пристойно чтить Ее, дивиться и молчать.

ПЕРЕВОДЪ

СТИХОВЪ ВОЛЬТЕРА.

Наперстница боговъ, любящихъ росскій тронъ,
Гдѣ правда высится и разумъ просвѣщенный,
Гдѣ купно царствуютъ Маръ, Ѳемисъ, Аполлонъ,
Оставя въ небесахъ безсмертныхъ ликъ священный:
О, Ты, Которая надъ силами врагонъ
И надъ невѣжествомъ во славѣ торжествуешь,

Въ достойной ревности героевъ и боговъ,
Свободу давъ умамъ, путь опытъ показуешь,
Подай мнѣ лучъ Твоей божественной души
И старость обнови усердьемъ воспаленну;
Что должень я писать, Ты мнѣ сама внуши,
Отъ Сѣвера днесь свѣтъ летеи во вселенну.

Мнѣ мерзокъ таковой, Монархиня, тиранъ,
Который въ гибели народовъ ищетъ славы;
И не могу терпѣть, чтобъ въ варварствѣ султанъ
Надъ человѣчествомъ являлъ бездушны нравы;
Чтобъ дерзкою рукой безсовѣстный паша
Ругался завсегда надъ христіанской кровью;
Иль чтобъ визирь, дѣла неправедно рѣша,
Велѣлъ давить людей, смѣяся плачу вдовью;
Султанъ въ невѣжествѣ давилъ бы визиря,
И въ праздности ихъ смерть считалъ себѣ забавой:
Толь гнусны, варварски и звѣрски нравы зря,
Мой разумъ напоенъ смертельною отравой.

О, вы! которыхъ намъ изобразилъ Платонъ,
То милующихъ насъ, то въ гнѣвѣ на насъ гремящихъ,
Коль смертныхъ жалобы предъ вашъ восходятъ Тронъ,
Властители Судебъ нашъ умъ превосходящихъ,
Проснитесь въ Греціи, возставьте вашу власть
Для чести вашихъ странъ и для Екатерины,
Которa равную имѣетъ съ вами часть,
Наполня славой Понтъ и удивя Аѳины.

Предшествуйте Ея оружію въ моряхъ,
Пусть воины Ея достигнутъ къ Марафону,
У Саламинскихъ стѣнъ разсыпьте новый страхъ,
Платейскихъ крѣпостей разрушьте оборону.
Гомеръ и Геркулесъ взираютъ смутны къ намъ,
Достойнаго плода не зря въ потомкахъ болѣ;
Ихъ отрасль подражать не смѣя праотцамъ,
Трепещетъ предъ агой иль въ рабствѣ иль неволѣ.
Цирцея нѣкогда волшебнымъ мастерствомъ
Подобны чудеса на пагубу творила;
Стихіямъ давъ законъ и правя естествомъ,
Улиссовыхъ пловцовъ въ скотовъ преобратила.
Но въ прежне существо героевъ превратить,
И оныхъ божеству подобиться неложно,
Возставить славу ихъ и разумъ просвѣтить—
Екатеринѣ то̀ единой лишь возможно.
Воскреснетъ Греція, Ея внимая гласъ,
Къ побѣдамъ новыя откроетъ Ей дороги;
Воскреснетъ въ торжествѣ ликующій Парнассъ,
Воскреснутъ слава тамъ, законъ, науки, боги.

Другіе, выгодой земель одарены,
Заимствуютъ свое блаженство отъ климата:
Но въ Сѣверѣ Творецъ пресчастливой страны
Простеръ довольство благъ среди неплодна блата.
И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала героевъ.
Ея великій духъ, какъ нѣкій сильный богъ,
Полезный смыслъ даетъ, предшествуетъ средь боевъ.

Таковъ быть долженъ царь, коль хочетъ дать
примѣръ
Къ пріобрѣтенію правдивой въ жизни славы,
Коль хочетъ, чтобъ народъ сердца и умъ про-
стеръ
Пріять въ надеждѣ благъ законъ и честны нравы.
Монархъ, писатель книгъ *, разумно написалъ:
«Какъ Августъ въ Польшѣ пилъ, народъ всегда
былъ въ пьянствѣ.»
И коль не можетъ царь спискать себѣ похвалъ,
Народъ теряетъ умъ въ безчестнѣйшемъ под-
данствѣ.
Равно когда султанъ, отягощенный сномъ,
Въ роскошной слабости о подданныхъ не мы-
слитъ,
Безъ пользы предстоятъ паши его кругомъ,
Которыхъ онъ совѣтъ въ своихъ подпорахъ чис-
литъ.
Но бодрствуя всегда среди своихъ побѣдъ,
Не тако областью Екатерина правитъ:
Она, оружіемъ предупреждая вредъ,
Блаженство въ торжествахъ Свое и Россовъ сла-
витъ;
Довольство множитъ ихъ прещедрою рукой,
Пріемлетъ на себя стараній должныхъ бремя,
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Въ то время Мустафа, гордясь предъ визиремъ,

---

* Фридерикъ Второй, король прусскій.

Предшествуйте Ея оружію въ моряхъ,
Пусть воины Ея достигнутъ къ Марафону,
У Саламинскихъ стѣнъ разсыпьте новый страхъ,
Платейскихъ крѣпостей разрушьте оборону.
Гомеръ и Геркулесъ взираютъ смутны къ намъ,
Достойнаго плода не зря въ потомкахъ болѣ;
Ихъ отрасль подражать не смѣя праотцамъ,
Трепещетъ предъ агой иль въ рабствѣ иль неволѣ.
Цирцея нѣкогда волшебнымъ мастерствомъ
Подобны чудеса на пагубу творила;
Стихіямъ давъ законъ и правя естествомъ,
Улиссовыхъ пловцовъ въ скотовъ преобратила.
Но въ прежне существо героевъ превратить,
И оныхъ божеству подобиться неложно,
Возставить славу ихъ и разумъ просвѣтить—
Екатеринѣ то̀ единой лишь возможно.
Воскреснетъ Греція, Ея внимая гласъ,
Къ побѣдамъ новыя откроетъ Ей дороги;
Воскреснетъ въ торжествѣ ликующій Парнассъ,
Воскреснутъ слава тамъ, законъ, науки, боги.

Другіе, выгодой земель одарены,
Заимствуютъ свое блаженство отъ климата:
Но въ Сѣверѣ Творецъ пресчастливой страны
Простеръ довольство благъ среди неплодна блата.
И гдѣ Великій Петръ людей содѣлать могъ,
Екатерина тамъ содѣлала героевъ.
Ея великій духъ, какъ нѣкій сильный богъ,
Полезный смыслъ даетъ, предшествуетъ средь боевъ.

Таковъ быть долженъ царь, коль хочетъ дать примѣръ
Къ пріобрѣтенію правдивой въ жизни славы,
Коль хочетъ, чтобъ народъ сердца и умъ простеръ
Пріять въ надеждѣ благъ законъ и честны нравы.
Монархъ, писатель книгъ *, разумно написалъ:
«Какъ Августъ въ Польшѣ пилъ, народъ всегда былъ въ пьянствѣ.»
И коль не можетъ царь списскать себѣ похвалъ,
Народъ теряетъ умъ въ безчестнѣйшемъ подданствѣ.
Равно когда султанъ, отягощенный сномъ,
Въ роскошной слабости о подданныхъ не мыслитъ,
Безъ пользы предстоятъ паши его кругомъ,
Которыхъ онъ совѣтъ въ своихъ подпорахъ числитъ.
Но бодрствуя всегда среди своихъ побѣдъ,
Не тако областью Екатерина правитъ:
Она, оружіемъ предупреждая вредъ,
Блаженство въ торжествахъ Свое и Россовъ славитъ;
Довольство множитъ ихъ прещедрою рукой,
Пріемлетъ на себя стараній должныхъ бремя,
Трудится день и ночь возставить всѣхъ покой
И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время.
Въ то время Мустафа, гордясь предъ визиремъ,

---

* Фридерикъ Второй, король прусскій.

Таланты подъ Твоей возлюбятъ жить державой,
Въ преизобиліи довольства и добра,
И удивленна тѣнь Великаго Петра
Признается, что Ты Его превысишь славой.

ОДА,

сочиненная

ОЧАКОВСКИХЪ ПОЛЕЙ ПАСТУШКОЮ

НА ВЗЯТІЕ ОЧАКОВА.

—

Монархиня обширныхъ странъ,
Которой безпримѣрну славу
Гласитъ земля и Океанъ
И чтитъ ревнительно державу,
Котору щедро Божество
Поставило превыше троновъ,
На безконечно торжество
Своихъ священнѣйшихъ законовъ!

Твой громъ, иль паче громъ Небесъ,
Умножилъ трепетъ водъ эракійскихъ;
Но я, подъ тѣнію древесъ,
У стада на поляхъ ольбійскихъ,

Имѣя въ жизни малу цѣль,
Могу ль, достойно предъ Тобою,
Пастушью тихую свирѣль
Мѣшать съ военною трубою?

Не паки ли чудовищъ ревъ
Блюдетъ въ стѣнахъ руно злачное?
Не паки ли Ахилловъ гнѣвъ
Разсыпалъ ужасъ въ новой Троѣ?
Мутится ль вновь Босфора токъ
Приходомъ Игорева сына?
Или во мрачности Востокъ
Пріемлетъ свѣтъ отъ Константина?

Бѣгу, спѣшу на холмѣ сѣсть,
Дабы узрѣть геройски споры:
О, коль пріятну слышу вѣсть,
Къ Очакову возведши взоры!
Вотще повсюду смерть претитъ
Геройскаго отвагу слѣда,
Уже въ стѣнахъ твой мечъ блеститъ,
Твердится русская побѣда.

Сквозь вопль внимаю кроткій гласъ,
Къ пощадѣ нѣжныхъ лѣтъ и пола:
«Она губить не ищетъ васъ,
«И къ вамъ снисходитъ со престола:
«Она, могущею рукой,
«Караетъ гордость лишь едину:
«Познайте Ею вашъ покой,
«Познайте вы Екатерину.»

Сей гласъ коснуся всѣхъ сердецъ.
И я, остатокъ древнихъ Грековъ,
На пажитяхъ моихъ овецъ,
Любя спокойство человѣковъ,
Дерзнула, въ радости моей,
Воспѣть, что всѣ поютъ народы:
Да продлитъ Богъ до позднихъ дней
Твои безцѣнны міру годы.

ПѢСНЬ

НА ПОБѢДУ, ОДЕРЖАННУЮ РОССІЙСКИМЪ ОРУЖІЕМЪ НАДЪ ШВЕДСКИМЪ ГАЛЕРНЫМЪ ФЛОТОМЪ, АВГУСТА 13 ДНЯ 1789 ГОДА.

Не вновь ли гордый Фараонъ
Возсталъ отъ сѣвернаго края:
Мечтаетъ морю дать законъ,
На многи силы уповая.

О, Богъ Россіянъ, Богъ Петровъ,
О, сильный Богъ Екатерины!
Не паки ли Твоихъ враговъ
Жезломъ низвергнулъ Ты въ пучины?

Разгнѣвавъ грозны Небеса,
Вотяце спасаются при брегѣ,
За рвы, за камни и лѣса,
Ища себѣ отрады въ бѣгѣ.

Повсюду ихъ сражаетъ громъ,
Екатерины порученный:
Се Богъ караетъ ихъ судомъ,
Се Богъ, во гнѣвѣ раздраженный.

Воззрите, буйные умы,
На земли трупами устланны:
Исчислите сраженныхъ тмы,
Исчислите свои вы раны.

Въ ожесточеніи сердецъ,
Не вѣря повсемѣстной славѣ,
Увидѣть дерзости конецъ
Еще ль влечетесь вы къ Полтавѣ?

Россіянъ ново торжество
Вамъ нову жизнь начертаваетъ:
Побѣдоносно Божество,
Едину гордость лишь караетъ.

А вы, отечества сыны,
Которыхъ сродники и други
Изъ вашихъ нѣдръ извлечены
Явить толь славныя услуги!

Когда кому опасный рокъ,
Храня оставшихъ жизнь въ покоѣ,
Судилъ скорѣе жизни токъ
Скончать въ кровопролитномъ боѣ.

Отрите рѣки вашихъ слезъ,
Достойныхъ таковой потери:
Кто жизнь свою на жертву несъ,
Тотъ шелъ безсмертія во двери:

Колико въ жизни есть скорбей,
Снѣдающихъ сильнѣй отравы!
Колико въ свѣтѣ есть смертей
Безъ общей пользы и безъ славы!

Коль должно въ жизни брань имѣть
И пасть противу вѣроломства:
Счастливъ, кто можетъ умереть—
И послѣ жить въ сердцахъ потомства.

ПѢСНЬ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНѢ

ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ,

ИМПЕРАТРИЦѢ И САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ,

МАТЕРИ ОТЕЧЕСТВА.

На миръ со Швеціею 1790 *года.*

—

Не новое ль міровъ свѣтило
Румяное лице открыло
Разсѣять мракъ угрюмыхъ тучъ?
Смиряясь, грозные перуны
Лiютъ на землю тихій лучъ.
Ударилъ Ѳебъ въ златыя струны,
Звучитъ въ пресвѣтлыхъ торжествахъ,
Звучитъ — и къ радостному звону
Зоветъ веселую Помону;
Церера скачетъ на лугахъ.

Холмы парнасски возсiяли,
И Музы купно восплескали,
Узря ея спокойный ликъ.
О, коль любезная превратность

Черты счастливѣйшихъ владыкъ,
Очей тишайшая пріятность,
Влекутъ и восхищаютъ умъ.
Какія радости ліются!
Какія пѣсни раздаются!
Какой веселый слышенъ шумъ!

Полнится, простерши руки
На мирныя въ градахъ науки,
Являетъ поле новыхъ дѣлъ,
Гдѣ зиждущи умы безъ брани
Устроили блаженство селъ,
И всѣхъ стихій сугубятъ дани.
Эрмій во глубинѣ земли
Оставленный металлъ находитъ,
И въ морѣ безмятежно водитъ
Избыткомъ полны корабли.

Всегданній общества питатель
И неизмѣнный другъ, орателъ,
Въ смиреннѣйшихъ своихъ трудахъ,
Безъ страха отъ погодъ суровыхъ,
Въ простыхъ спокойствія вѣнцахъ,
Браздитъ поверхъ полей лавровыхъ;
И гдѣ разила всѣхъ война,
Онъ тамо, въ нѣдрахъ благодатныхъ,
Съ надеждою добычъ тмукратныхъ,
Землѣ ввѣряетъ сѣмена.

Различныя въ талантахъ Музы,
Сугубя между собой союзы,

Вершатъ блаженство тихихъ дней.
Одна искусными чертами,
Одушевляетъ видъ вещей;
Другая флейтой, иль струнами,
Иль пляской радость въ чувства льетъ;
Одна, любя ума забаву,
Поетъ въ стихахъ героевъ славу,
Другая мирну пѣснь поетъ.

О, коль блаженна ты, Россія!
Подай, божественная Клія,
Подай ты мнѣ свои черты,
Укрась мою простую ревность,
Открой мнѣ слога красоты,
Представь дѣяній славныхъ древность.
Но ты правдивою рукой
Премноги вѣки заглаждаешь,
И паче славить научаешь
Екатерининъ вѣкъ златой.

Не страшны бури въ нѣдрахъ нѣги;
И если грозныхъ тучъ набѣги
Мрачатъ часами ясный день,
Мы чувствуемъ живѣе радость,
При солнцѣ вспомнивъ прежню тѣнь.
По горестяхъ пріятнѣй сладость:
Подобно милость къ намъ Небесъ,
Чтобы счастье лучше мы вкушали,
Разсыпавъ скорби и печали,
Даетъ отрадамъ полный вѣсъ.

Превѣчной Истины законы,
Которы утверждаютъ троны
И силой мужества стрегутъ,
Даруя честь побѣдъ и славу,
Героевъ наконецъ ведутъ
Ко общему людей уставу.
Войны сурово ремесло
Союзныхъ правъ не измѣняетъ,
И ратника равно вчиняетъ
Въ счастливое гражданъ число.

Уже въ величествѣ Россія
Остатковъ гордаго Батыя
Не числитъ межъ своихъ враговъ;
Пространной ризою одѣта,
Уже объемлетъ въ свой покровъ
Далекія границы свѣта;
Подъ сѣнію своихъ раменъ,
Отъ Тихихъ водъ до волнъ Балтійскихъ,
Отъ Сѣвера до горъ Каспійскихъ,
Вмѣщаетъ разныхъ тмы племенъ.

Въ толико вожделѣнной долѣ,
Чего желать осталось болѣ,
Россіи вѣрные сыны?
Блюсти спокойствія уставы
И въ нѣдрахъ сладкой тишины
Достичь до новой мирной славы.
Блаженны царства и цари,
Когда, свое блаженство строя,

Во злакахъ тихаго покоя
Союзны зиждутъ алтари.

ПѢСНЬ

НА МИРЪ МЕЖДУ РОССІЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ 1792 ГОДА.

Вѣнецъ геройственныхъ трудовъ
И край желаній смертныхъ рода,
Сладчайшій миръ! тобой природа,
Въ пресвѣтломъ торжествѣ вѣковъ,
Небесному подобясь чину,
Безбѣдный дарствуетъ покой,
Чтобъ тѣмъ почтить Екатерину
И предписать Ея рукой,
За подвиги Ея въ награду,
Блаженство селъ и царствъ отраду.

О, ангелъ тихихъ нашихъ дней,
Торжествъ лучами озаренныхъ!
О, Матерь милостью призрѣнныхъ
Племенъ во области Твоей!
Когда воззришь на разны лики,
На славный дѣлъ Твоихъ вѣнецъ,

Когда услышишь общи клики,
Летящи изъ среды сердецъ,
Позволь усердію чертами
Изобразить Тебя предъ нами.

Шумящій хоръ, со звукомъ лиръ,
Предходитъ въ пѣсняхъ предъ Тобою,
И громогласною трубою
Звучитъ Твои побѣды въ міръ.
Но Музы тихо помаваютъ,
Являя ново торжество,
И Аполлона воззываютъ
Возставить мирно Божество.
Безсмертныхъ сонмъ, склонясь къ Парнассу,
Приникъ внимательно ко гласу.

Вселенныя по всѣмъ краямъ
Веселы звуки пронеслися,
Священны пѣсни раздалися,
И воскурился ѳиміамъ.
Богиня браней и раздоровъ,
Узря пріятность тишины,
Смягчаетъ видъ угрюмыхъ взоровъ,
Обыкшихъ къ ужасамъ войны,
Свой грозный факелъ погашаетъ
И сладкій миръ провозглашаетъ.

Облегшаясь на [illegible] рукой,
На тронѣ, листвіемъ устланномъ,
Въ покровѣ, изо льна истканномъ,
Подобномъ снѣгу бѣлизной,

Чуждаяся вражды и гнѣва,
Кротчайшей радости полна,
Подъ сѣнію густого древа
Сидитъ любезна Тишина,
И въ областяхъ Екатерины
Готовитъ сѣять новы крины.

Вокругъ ея, изъ самыхъ блатъ,
Спокойствіемъ пронзращенны,
Желтѣютъ классы позлащенны
Между лазурныхъ ароматъ.
Куда она ни вскинетъ взоры
Живительныхъ своихъ очесъ,—
Поющихъ всюду слышитъ хоры,
Въ поляхъ, въ оградахъ, межъ древесъ,
И гдѣ рука ея коснется,
Тамъ вся природа разсмѣется.

Упорной силой раздраженъ
Ревнитель росскаго геройства,
Еще ль чуждается спокойства,
Еще ли Марсъ вооруженъ?
Покрытъ златыми чешуями,
Мечемъ противникамъ грозитъ,
Сверкаетъ ярыми очами
И пасмуритъ свой смутный видъ.
Прервались вдругъ торжестиъ союзы,
Утихли хоры, смолкли Музы.

«Дерзни на Россовъ кто возстать,»
Во гнѣвѣ громко Марсъ глашаетъ,

И, мечъ изсунувъ, поспѣшаетъ
Воздвигнуть кроволитну рать,
Готовъ сожечь противныхъ флоты,
Разсѣять ужасъ на моряхъ,
Готовъ крѣпчайшихъ стѣнъ оплоты
Разсыпать и развѣять въ прахъ,
И новыя создать Аѳины
Къ подножію Екатерины.

Постой, кровавый богъ, постой!
Щедротъ и милостей Царицѣ,
Носящей громъ въ своей десницѣ,
Любезенъ подданныхъ покой;
Славянъ увѣнчанны потомки
Давно насытились побѣдъ,
Давно уже войною громки,
И славой удивили Свѣтъ.
Екатерина побѣждаетъ,
Но лаврамъ миръ предпочитаетъ.

Любезно міру Божество
Межъ царствъ постановляетъ горы,
И отъ царей гоня раздоры,
Преображаетъ естество.
Днѣстровыя струи катятся
Межъ новыхъ радостныхъ луговъ,
И въ счастливой судьбѣ чудятся
Окружныхъ диву береговъ,
Гдѣ Понтъ, шумя, среди отрады,
Несетъ въ Лиманъ богатствъ громады.

Татарскихъ ордъ унылый край,
Гдѣ степь не орошали воды,
И въ грубой дикости народы
Скитались межъ звѣриныхъ стай,
Уже, простря свои границы
Во внутрь ѳракійскихъ дальнихъ волнъ,
Подъ скиптромъ росскія Царицы
Является устройствомъ полнъ;
И гдѣ скрывался волкъ въ пустынѣ,
Тамъ храмъ воздвигнутъ Музъ богинѣ.

Краса и честь земныхъ владыкъ!
Создательница новой Трои!
Тобой возставленны герои
Уже святятъ Твой тамо ликъ,
Противнымъ въ страхъ, своимъ въ отрады,
Въ надежду, силу, торжество.
Во образъ древнія Паллады
Ты будешь Россовъ Божество;
И есля Музъ умолкнутъ хоры,
Хвалу Твою воскликнутъ горы.

СТАНСЫ.

Кто царства новыя, порабощаетъ троны,
Изъ титла рабскаго кто подданныхъ извлекъ,
Кто зиждетъ новые въ Россіи Геликоны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто далъ отечеству премудрые законы,
Блаженство общее кто собственнымъ нарекъ,
Кто новый кажетъ блескъ вседневно отъ короны—
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто грозныя извлекъ изъ бурныхъ водъ препоны,
Кѣмъ радостнѣе Мста, плавнѣе Днѣпръ потекъ,
Для блага подданныхъ кто создалъ милліоны —
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Кто, страшные врагамъ устроивъ легіоны,
Какъ твердою стѣной отечество облекъ,
На сушѣ и моряхъ поставилъ обороны,—
Та царствуй и живи Маѳусаиловъ вѣкъ!

Придите въ Сѣверъ къ намъ Гомеры и Мароны!
Здѣсь Музамъ храмъ отверзтъ, здѣсь счастливъ человѣкъ,
Здѣсь Милость царствуетъ, здѣсь кроткіе законы—
Придите! пойте вы Екатерининъ вѣкъ!

СТИХИ

ВЕЛИКОЙ МОНАРХИНѢ.

—

1.

Кто блаженство наше строитъ,
И въ сердца намъ радость льетъ?
Кто насъ выситъ и покоитъ,
Удивляя цѣлый свѣтъ?
Титловъ Ей придать не знаютъ,
Но согласно восклицаютъ,
Оставляя имена,
Восклицаютъ всѣ: Она!

2.

На моря ль простретъ десницу,
Гдѣ лишь вѣтры могутъ дуть,
Иль побѣды колесницу
Во иной направитъ путь.
Титловъ Ей, и проч.

3.

Съ именемъ своей Паллады
Россъ на сушѣ, на волнахъ.
Рушитъ ли стихій преграды
И враговъ приводитъ въ страхъ.
Титловъ Ей, и проч.

4.

На Кавказъ ли, иль къ Полночи,
На брега ль дунайскихъ водъ
Обратимъ мы наши очи,
Чтобъ побѣдъ увидѣть плодъ.
Титловъ Ей, и проч.

5.

Вы, которыхъ лѣтъ превратны
Измѣнили древню кровь,
Однородны намъ Сарматы,
Кто васъ днесь счастливитъ вновь?
Титловъ Ей, и проч.

6.

Кто являетъ намъ щедроту
Благотворнѣйшихъ царей,
И къ трудамъ бодритъ охоту
Подчиненныхъ и властей?
Титловъ Ей, и проч.

7.

Снисходя къ усердной волѣ,
Краситъ наши торжества
Божество ли на престолѣ,
Или образъ Божества?
Титловъ Ей, и проч.

СТИХИ

КЪ МУЗАМЪ НА ЦАРСКОЕ СЕЛО.

—

Въ пріятныхъ сихъ мѣстахъ,
Оставивъ нѣкогда суетъ житейскихъ бремя,
Я съ лирой проводилъ отъ дѣлъ оставше время,
И мысль моя текла свободно во стихахъ *.
О, Муза! если ты своимъ небеснымъ даромъ
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобнымъ нынѣ жаромъ,
Чтобъ Сарскаго Села представить красоты;
Великолѣпіе чертоговъ позлащенныхъ,
Которыхъ гордый верхъ скрывается межъ тучъ;
Различный видъ гульбищъ, садовъ и рощъ сгущенныхъ,
Гдѣ лѣтомъ проницать не смѣетъ солнца лучъ.
Екатеринѣ тамъ послушны элементы,
Порядокъ естества стремятся превзойти:
Тамъ новые водамъ открылися пути,
И славныхъ россіихъ дѣлъ явились монументы.
Въ нихъ славу Древность тамъ
Себѣ воздвигла храмъ

---

* Сочинитель, живъ въ Сарскомъ Селѣ, въ 1765 году, сочинилъ тамъ поэму, извѣстную подъ титуломъ: *Блаженство Народовъ.*

И пишетъ бытія временъ неисчислимыхъ,
Какія видѣлъ свѣтъ
Въ теченье нашихъ лѣтъ.
При множествѣ чудесъ, уму непостижимыхъ,
Представивъ, Муза, мнѣ пріятности садовъ,
Гульбищи, рощи, крины,
Забыла наконецъ намѣренье стиховъ
И всюду хочетъ пѣть дѣла Екатерины.

СТИХИ

КЪ СОЧИНИТЕЛЮ РАЗНЫХЪ НОВЫХЪ РУССКИХЪ КОМЕДІЙ.

Отечество любя,
Являть ему пути спокойства, счастья, славы;
Смягчая грозные и грубые уставы,
Пріятность съ пользою мѣшать въ свои забавы;
Забавами желать людскіе править нравы,
Другимъ желаніемъ людей не оскорбя,
Не суть ли то дѣла, достойныя Тебя?

НАДПИСИ.

—

I.

Коронъ и скипетровъ блестящая суета
Покроется временъ пучиной;
Но вѣчность будетъ чтить въ потомкахъ лѣта,
Прославленны Екатериной.

II.

Россія! се твое прямое торжество:
Вмѣщая ты въ себѣ Россіянъ Божество,
Иль, паче, отъ него пріемля всѣ законы,
Являешь храмы намъ Минервы и Беллоны.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ БРАЧНАГО ТОРЖЕСТВА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

НАТАЛІИ АЛЕКСѢЕВНЫ

ВЪ 1773 ГОДУ.

—

Уже ль Россійскою Палладой
Поверженъ вновь ея злодѣй?
Весь міръ питается отрадой
Торжественныхъ въ Россіи дней.
Я слышу, пѣсни вкругъ поются,
Веселья восхищаютъ умъ;
Народны плески раздаются,
И разныхъ восклицаній шумъ.
Но что̀ за богъ предсталъ видѣнью,
И сладки чувства льетъ во кровь!
Онъ нову жизнь даетъ творенью,
Даетъ въ природѣ зрѣть любовь.

Онъ, легкими тряхнувъ крылами,
На городъ сей направилъ путь,
И вѣтры бурными устами
Вокругъ его не смѣютъ дуть.
Колчанъ его мнѣ сталъ опасенъ
И страшенъ напряженный лукъ;
Какъ ангелъ, съ виду онъ прекрасенъ,
Но стрѣлъ за плечьми кроетъ пукъ.
Онъ двѣ стрѣлы пустилъ златыя,
Я страхъ откинулъ, видя ихъ;
На сихъ стрѣлахъ слова святыя
Явились вдругъ въ очахъ моихъ:
«Любовь два сердца зажигаетъ
«Огнемъ, пріятнымъ Небесамъ:
«Наталью съ Павломъ сопрягаетъ,
«Въ залогъ блаженства симъ странамъ.

СТИХИ

НА БРАКОСОЧЕТАНІЕ

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЫСОЧЕСТВЪ,

ГОСУДАРЯ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

И БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

ПРОИСШЕДШЕЕ ВЪ 26 ДЕНЬ СЕНТЯБРЯ 1776 ГОДА.

—

О, Муза, любящая славу
Екатерининыхъ побѣдъ,
Теки, Ея подобно нраву,
Тишайшей радости во слѣдъ.
Оставь прешедши звуки бранны,
Повсюду лавромъ увѣнчанны,
Пой новый счастія залогъ.
Она, сугубя счастье наше,
Днесь тѣмъ, что̀ есть въ природѣ краше,
Величитъ царственный чертогъ.

Она престолъ Свой утверждаетъ
Союзомъ истинныхъ добротъ,
Да вѣчной славою блистаетъ
Ея любезный Россамъ плодъ.
Въ дому Ея надежда, радость,
Краса, пріятность, разумъ, младость
И нѣжность тающихъ сердецъ,
Во Павлѣ нынѣ и въ Маріи
Являютъ радостной Россіи
Ея желанія вѣнецъ.

Но, кое божество сиисходитъ
И пѣснь остановляетъ вдругъ?
Какое зрѣніе приводитъ
Въ восторгъ къ нему влекомый духъ?
Любовь и съ нею купно смѣхи,
Пріятства, игры и утѣхи,
Составя радостный соборъ,
Отъ мѣстъ унылость отгоняютъ,
Сердца весельемъ наполняютъ,
Гдѣ только Ихъ прострется взоръ.

Ихъ красный сонмъ поспѣшно вьется,
Гордясь богинею своей;
Ихъ гласъ веселый раздается
По всѣмъ мѣстамъ, подвластнымъ Ей.
Сей гласъ изъ всей вселенной внятенъ,
Но паче Россамъ онъ пріятенъ:
Да повторяютъ оный гласъ
Поля, лѣса, брега и воды,
И Нимфъ сплетенны хороводы
Да движутъ къ пѣнію Парнассъ.

Богиня радостно срѣтаетъ
Супруговъ нѣжную чету:
Въ обоихъ зритъ и почитаетъ
Души и тѣла красоту;
Крѣпитъ Ихъ вѣрность увѣнчанну
И клятву Ихъ, предъ трономъ данну,
Залогомъ чтитъ пріятныхъ дней;
Россіянъ радостные лики
И ихъ торжественные клики
Чтитъ жертвой, приносимой Ей.

Обѣтъ супружней сей любови
Народовъ счастье соплететъ,
О, отрасли высокой крови!
Внемлите сей святой обѣтъ:
Онъ свойственъ паче и приличенъ
Тому, кто въ свѣтѣ возвеличенъ
Отмѣнной духа высотой.
Любить взаимственно другъ друга,
Есть счастіе земного круга,
Для подданныхъ примѣръ святой.

Се тако Павелъ къ намъ вѣщаетъ,
Союзомъ симъ связуя насъ;
Подобнымъ чувствомъ наполняетъ
Супругу сей священный гласъ:
«Возлюбимъ купно добродѣтель,
«Да будетъ оной свѣтъ свидѣтель,» —
Передъ престоломъ Павелъ рекъ:
«Да будетъ тѣмъ, рекла Марія,
«Да будетъ счастлива Россія!»
Сей гласъ въ концы земли протекъ.

О, день для насъ благословенный!
Источникъ истинныхъ утѣхъ!
О, верхъ блаженства вожделѣнный,
Вводящій въ свѣтлу радость всѣхъ!
И се богатая Помона
Съ зеленаго нисходитъ трона,
Плоды свои повергнувъ къ намъ.
Природа вся соединенно,
Зря наше счастіе безцѣнно,
Довольство сыплетъ по странамъ.

Не се ль умовъ высокихъ свойство,
Чтобы искать подобныхъ Имъ?
О, Павелъ! Ты души спокойство
Нашелъ исканіемъ такимъ;
Любовь, Тебѣ вручая стрѣлы,
Тебя въ далекіе предѣлы
Изъ нѣдръ отечества влекла,
И Твоему представя взору
Тебя срѣтающую Флору,
Твою побѣду изрекла.

Любовь межъ Вашими сердцами
Прекрасно зрится божество,
И счастія Вашего вѣнцами
Днесь выситъ наше торжество.
Въ семъ радости обширномъ полѣ,
Минерва Росска на престолѣ,
Подастъ Вамъ благости примѣръ.
Мы просимъ, чтобы Царь вселенной,
На Васъ и плодъ Вашъ, намъ безцѣнной,
Десницу щедрую простеръ.

СТИХИ

НА СЛУЧАЙ, КОГДА

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА,

ГОСУДАРЬ ЦЕСАРЕВИЧЪ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

И ГОСУДАРЫНЯ, ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА

УДОСТОИЛИ ПОСѢТИТЬ ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМІЮ НАУКЪ, ВЪ ОКТЯБРѢ 1776 ГОДА.

—

Живится храмъ Наукъ, ликуетъ Музъ соборъ,
Сопраздныющихъ имъ зря Павла и Марію.
Великаго Петра благотворящій взоръ
Едва ознаменилъ ученіемъ Россію,
Минерва въ Сѣверѣ являетъ днесь Востокъ,
Распространяя честь намѣреній Петровыхъ;
И гордая Нева, шумя въ брегахъ лавровыхъ,
Стремится помрачить ключей Кастальскихъ токъ.

ОДА

НА СЛУЧАЙ КОРОНОВАНІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА

И ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ,

СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ 1801 ГОДА.

Взведи, Россія, окрестъ очи
На сонмъ твоихъ веселыхъ чадъ,
На новый свѣтъ въ странахъ Полночи,
На новый вѣкъ среди отрадъ.
Вездѣ торжествъ срѣтая лики
И радостные внемля клики,
Вѣщай во всѣ земли края,
Вѣщай, съ восторгомъ вдохновеннымъ,
Подъ скипетромъ благословеннымъ
Твоихъ видѣній бытія.

Подъ кровомъ легкимъ и прозрачнымъ,
Въ лучахъ свѣтяща божества,
Не духъ ли зрю надъ доломъ злачнымъ,
Отъ временного существа
Спѣшащій въ свѣтъ неугасимый?
Иль вѣстникъ, облакомъ носимый,
Летитъ съ превыспренныхъ круговъ
По земноводному эѳиру,
Провозвѣстить отрады міру
Отъ власти Бога всѣхъ боговъ?

Какъ солнце, теплоту пріятну
Приноситъ онъ въ полночный край,
Простря десницу благодатну,
Повсюду простираетъ рай;
Лице къ Россіи осклабляетъ,
Надъ нею путь остановляетъ!
О, ангелъ! что явилъ ты намъ?
Се тѣнь, се духъ Екатерины
Небесныхъ радостей съ вершины
Низходитъ къ Росскимъ торжествамъ!

О! если горнихъ совершенство
Съ земными можно сравнять,
Какое сладкое блаженство
Предстало духъ Ея плѣнять!
Ея Питомецъ благотворный
Пріемлетъ скипетръ ратоборный,
И царствамъ тишину даритъ!
Пріемлетъ полну власть державы,

И, для правдивой въ жизни славы,
Права свободными творитъ!

Взлагаетъ на себя порфиру
Царя могущаго въ царяхъ,
И вкупѣ обѣщаетъ міру
Простерть свободу на моряхъ!
Пріемлетъ праотцевъ корону,
И, сердца слѣдуя закону,
Совмѣстно пріобщаетъ къ ней,
Что краше создалъ всѣхъ Содѣтель,
Боготворимую добродѣтель,
Во образѣ четы Своей!

Внемли во области, зефирной
Веселыхъ Музъ сословный гласъ:
Елисаветъ кроткой, мирной
Вѣнцы давно судилъ Парнассъ.
И есть ли что любезнѣй свѣту,
Когда течетъ въ едину мету
Ума и сердца доброта?
Когда престолы возвышаетъ,
И ихъ собою украшаетъ
Къ вѣнцамъ рожденная чета?

Красуйся въ горнихъ, тѣнь священна,
Безсмертнымъ бытіемъ межъ насъ!
Красуйся, много кратъ блаженна!
Твой духъ въ Потомкахъ не угасъ;
Твои черты, Твои законы,
Крѣпящіе права и троны

Даются Россамъ въ вѣчный даръ
И чтутся во святыню храмовъ,
Гдѣ, паче жертвъ и ѳиміамовъ,
Признанія пылаетъ жаръ.

Да умолчитъ чудесна древность,
Подъ прахомъ золъ, терзавшихъ свѣтъ!
Счастливаго народа ревность
Лобзаетъ памятники лѣтъ,
Межъ многими вѣковъ кругами,
Блестящихъ вѣчными хвалами,
Исчезла гордость пирамидъ,
Гдѣ славы честь была забыта;
Но вѣчно добродѣтель Тита
Вездѣ въ подсолнечной гремитъ.

Въ кругахъ всевѣчныхъ стройной сферы,
Въ законахъ мудрыхъ естества
Преходятъ, падаютъ химеры,
Призраки чужды существа.
Могуществъ коловратныхъ страхи
Не суть ли тѣни, или прахи,
Ничтожные въ пространствѣ лѣтъ?
Едина добродѣтель въ мірѣ,
Въ простой одеждѣ иль въ порфирѣ,
Ручаетъ намъ правдивый слѣдъ.

Изъятъ отъ многія печали,
Съ какимъ величіемъ Сіонъ
Вписуетъ въ новыя скрижали

Щедротъ и кротости законъ! *
Церковну исправляя требу,
Священство днесь, въ моленьяхъ къ Небу,
Съ Давидомъ радостно поетъ:
«Да вкупѣ Царь возвеселится,
И въ вѣки царствій да продлится
Его храненія завѣтъ.»

И се народовъ миріады,
Ликующихъ среди отрадъ,
Къ Питомцу Росскія Паллады
Спѣшатъ отъ странъ въ престольный градъ;
И если бъ то возможно было,
Къ чему желанье всѣхъ стремило,
Текли бы всѣ вмѣститься тамъ,
Ко сладостямъ очей плѣненныхъ,
Отъ поприщъ самыхъ отдаленныхъ,
Въ единый домъ, въ единый храмъ.

Воззри на сонмъ сыновъ избранныхъ,
Гдѣ должная къ Царямъ любовь,
Въ союзахъ чести постоянныхъ,
Питаетъ ревностную кровь;
Питаетъ духъ, чрезъ многи лѣта,
Потомковъ древняго Аѳета,
И ставя въ главный свой удѣлъ
Безцѣнну совѣсти свободу,
Печется дать отличность роду
Достоинствомъ отличныхъ дѣлъ.

---

* Манифестъ о священнослужителяхъ.

Подобно древу лѣтъ глубокихъ,
Когда его густая тѣнь
Вѣнчаетъ всходы мѣстъ высокихъ
И прохлаждаетъ знойный день;
Своимъ покровомъ пребогатымъ
Даетъ убѣжище пернатымъ
Отъ грозныхъ бурь и хищныхъ тратъ;
Иль земледѣлецъ утомленный
И путникъ, сна въ ночи лишенный,
Когда подъ нимъ покоясь спятъ.

Въ его покровѣ, рощъ окружныхъ
Пріемлютъ возрастъ древеса,
Подъ тѣнями кустовъ содружныхъ
Точится плодная роса.
Весна свою зелену ризу,
По влажному простерши низу,
Пестритъ различіемъ цвѣтовъ;
Плодами многихъ жизнь питаетъ,
И въ полномъ блескѣ представляетъ
Прекрасну матерь всѣхъ вѣковъ.

Не тако ль власть богоземная,
Въ пространствѣ отраслей своихъ,
Уставу Неба подражая,
Въ едино составляетъ ихъ?
Порода и даровъ богатство
Не тако ли блюдутъ собратство
Среди превратностей временъ?
Не тако ли законовъ узы

Крѣпятъ полезные союзы
И вкупѣ счастіе племенъ?

О, вы, счастливые потомки
Отличныхъ въ древности мужей,
Которыхъ памятники громки
Проникли въ роды позднихъ дней!
Стяжая ихъ заслугъ ограду,
Не мните стяжаете награду,
Достигнувъ ихъ плоды вкушать?
Не вамъ ли предлежитъ отнынѣ,
Въ дарованномъ свободномъ чинѣ
Ихъ дѣлъ начатки довершать?

Се Истина законы пишетъ,
Щедрота съ нею предсѣдитъ;
Достоинство въ свободѣ дышетъ,
Пороки исправляетъ стыдъ.
Жестокихъ ужасъ истязаній
И срамъ позорныхъ наказаній,
Отверженныхъ отъ алтаря,
Пріемлютъ кротости примѣры,
Подъ сѣнью благотворной Вѣры
И скиптромъ кротчаго Царя.

Еще ль, въ войнѣ съ разсудкомъ здравымъ,
Мутитъ Европу буйный умъ?
Еще ли Марсъ мечемъ кровавымъ
Въ народахъ множитъ браней шумъ,

* Манифестъ о Дворянахъ.

Гдѣ жертвами земля устлана,
И гдѣ пучина Океана
Вооружаетъ бездну водъ?
Туда ли обратитъ набѣги,
Гдѣ землю вѣчно кроютъ снѣги
И гдѣ весны невѣдомъ плодъ?

Но кто съ верховъ небесъ гремящихъ
Въ спокойный сходитъ смертныхъ долъ,
И въ кровахъ, правдою блестящихъ,
Надежно ставитъ свой престолъ?
Ѳемида снова здѣсь раждаетъ,
Иль паче, вѣки утверждаетъ
Довольствъ и радостей часы *;
Уже могущею рукою
Склоняетъ къ общему покою
Свои правдивые вѣсы.

Простри вокругъ, богиня, взоры
Ко храму свѣтла торжества,
Гдѣ царствъ смиряются раздоры
Предъ кроткимъ ликомъ Божества:
Гдѣ вольность ей приноситъ дани,
И факелъ кроволитной брани
Гаситъ на вѣчны времена;
Гдѣ честность правоту лобзаетъ,
И мирны пользы разсыпаетъ
На всѣ грядущи времена.

---

* Часы породились отъ Юпитера и Ѳемиды, по баснословной Исторіи.

Источникъ общаго богатства,
Торговый промыслъ разныхъ странъ,
Уже безъ страха и препятства
Преходитъ дальній Океанъ;
Уже суда, сокровищъ полны,
Балтійски разсѣкаютъ волны,
Средь радостной броговъ молвы.
Нерей являетъ нову славу,
Воздвигнувъ новую державу,
Въ струяхъ спокойныя Невы.

О, если ревности сердечной
Возмогутъ силы отвѣчать,
Минуты жизни скоротечной
Потщимся славою вѣнчать.
Въ Россіи новые Невтоны
Покажутъ естества законы
И новыхъ откровеній плодъ.
Питомцы Эйлера примыслятъ,
И точнымъ правиломъ исчислятъ
Свѣтилъ союзъ и оборотъ.

Бюфоны, Геснеры, Линнеи
Натуры нѣдра обнажатъ,
И скрытыя богатства Реи
Петровъ украсятъ древній садъ.
Колумбы, Куки, Магелланы
Пройдутъ въ далеки Океаны,
Гдѣ новый скрытъ Архипелагъ;
И ревность Россовъ надъ водами,

Гдѣ холодъ угрожаетъ льдами,
Возвѣетъ Александровъ флагъ.

Но днесь счастливыя науки
И съ ними купно Геликонъ,
Святятъ, и имъ соплещутъ руки,
Святятъ Екатерины тронъ.
Гдѣ ввѣки правда воцарится,
И ввѣки мудрость водворится
И оградитъ покровомъ насъ.
«Да сбудется» гласятъ народы,
«Да сбудется отъ рода въ роды
Желаній нашихъ общій гласъ!»

ПОРТРЕТЪ

РОССІЙСКАГО ПОЛКОВОДЦА.

—

Когда твой блещетъ мечъ въ полкахъ,
Ты сыплешь сопротивнымъ страхъ;
И гдѣ героевъ ободряешь,
Вездѣ побѣды ускоряешь.

Во славѣ почестей, въ вѣнцахъ,
Ты ищешь мзды твоей въ сердцахъ;

Высокость титловъ забываешь
И ихъ собою украшаешь.

Размѣривъ вѣки на вѣсахъ,
Въ твоихъ покойнѣйшихъ часахъ,
Ты осчастливить всѣхъ желаешь
И всѣмъ довольство раздѣляешь.

Въ бесѣдахъ, въ дружескихъ пирахъ,
Въ забавахъ, въ праздничныхъ играхъ,
Ты цѣну жизни ощущаешь
И скуки въ смѣхи превращаешь.

Когда пінтъ въ простыхъ стихахъ,
Забывъ твореній многихъ прахъ,
Плететъ хвалы тебѣ, прощаешь
И ихъ дѣлами возвышаешь.

СТАНСЪ

КЪ МИХАЙЛУ МАТВѢЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ.

Творецъ прехвальной Россіады,
Любитель и любимецъ Музъ,
Твой гласъ, подъ скипетромъ Паллады,
Удобенъ множить ихъ союзъ.

На лирѣ ли когда бряцаешь
Екатеринины дѣла:
Сердца ты сладко проницаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы:
Перо твое являетъ намъ
Священны Нумины уставы,
За даръ счастливымъ временамъ.

Пиѳпаи, Федры, Лафонтены
Тебѣ могли бы подражать;
Во храмъ ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смѣхи,
Иль сельску славишь простоту:
Являешь новы въ ней утѣхи,
Поя природы красоту.

Гнушаяся ль когда пороковъ,
Желаешь добродѣтель пѣть:
Твой умъ, въ теченіи широковъ,
Нигдѣ не можетъ укоснѣть.

Твоимъ плѣняясь стихотворствомъ,
И пѣть тобою ободренъ,
Къ совѣту твоему упорствомъ
Мой разумъ не былъ отягченъ.

Приверженъ къ Музѣ справедливой,
Я чувствовалъ во времена,
Что стыдно быть безплодной нивой,
Гдѣ пали добры сѣмена.

Но лишь къ Парнассу приближаюсь,
Страшусь щитовъ я суда;
И въ пѣсняхъ скоро утомляюсь
И тщетнаго бѣгу труда.

Коль судишь ты меня не строго,
Воспримешь ревность вмѣсто дѣлъ;
Хоть пѣть тебя не могъ я много,
Но чувствовалъ, когда я пѣлъ.

СТАНСЪ

КЪ Л. Ѳ. М.

Соборъ парнасскихъ сестръ мнѣ кажетъ прежнюю лиру:
Пріятно вспоминать во осень лѣтъ весну;
Я вновь хочу воспѣть иль Хлою, иль Темиру,
Не смѣю лиру взять,—въ свирѣль играть начну.

Пускай мое перо ихъ прелести представитъ,
Меня воспламенитъ ихъ пѣть сама Любовь...
Темира ль, Хлоя ли стихи мои составитъ,
Я чувствую, увы! что въ жилахъ стынетъ кровь.

Не примутъ дани сей ни Хлоя, ни Темира,
Одна и та равно прелестна, хороша;
Въ побѣдахъ красоты, во всѣхъ забавахъ міра:
Скучна живетъ любовь, гдѣ страстна лишь душа.

Но сей ли только путь піитамъ узаконенъ?
Пиши сатиры ты, мнѣ Муза говоритъ:
Ко оскорбленію людей мой умъ не склоненъ,
И нравы исправлять не мнѣ принадлежитъ.

За слово невзначай разсердятся другіе,
И острые умы припишутъ слову толкъ:
Загадки Сфинксовы возникнутъ въ дни златые,
Гдѣ гласъ лжемудрости давно уже умолкъ.

Не дѣлавъ людямъ зла и имъ желая блага,
Словами острыми невинно досаждать,
Прилична можетъ быть во младости отвага,
А въ зрѣломъ возрастѣ прилично разсуждать.

Но внемля гласу Музъ, не буду я безгласенъ:
Что пѣть, у множества народовъ вопрошу:
Отъ бытности вещей мой будетъ стихъ прекрасенъ,
Екатерину я на лирѣ возглашу.

Иной вѣщаетъ мнѣ: Она, прервавъ препоны,
Изъ дикихъ прихотей умъ общества творитъ,
И благонравія и кротости законы,
Къ незыблемому всѣмъ спокойствію, даритъ.

Другой, красясь мечемъ, побѣдой увѣнчанымъ,
Сторично за Нее желаетъ кровь пролить,
И всюду съ мужествомъ и сердцемъ постоянным,
Ревнуя, ищетъ самъ враговъ Ея разить.

Взводя усердный взоръ на Павла и Марію,
И въ отрасляхъ отъ нихъ породу чтя боговъ,
Иной поетъ сто кратъ счастливую Россію,
Блаженство странъ ея счисляетъ въ кругъ вѣковъ.

Другой обремененъ несчастною судьбою:
«Прибѣгну я подъ кровъ Минервы,» говоритъ,
Речетъ: «прейдутъ бѣды» — онъ видитъ предъ собою
Минервы росскія божественный эгидъ.

Но въ ревности, Ея щедротой воспаленный,
Кто хочетъ болѣ знать, коль гласъ парнасскій малъ,
Пускай пространнѣе вопроситъ у вселенной:
Она дополнитъ то, что кратко я сказалъ.

СТАНСЪ

КЪ ДИМИТРІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ.

Левицкій! начертавъ Россійско Божество,
Которымъ седмь морей покоятся въ отрадѣ,
Твоею кистью ты явилъ въ Петровомъ градѣ
Безсмертныхъ красоту и смертныхъ торжество.
Желая подражать парнасскихъ сестръ союзу,
Воззвалъ бы я, какъ ты, себѣ на помощь Музу
Россійско божество перомъ изобразить;
Но Аполлонъ его ревнуетъ самъ хвалить.

СТИХИ

НА ДАЧУ, НАЗЫВАЕМУЮ «КРАСНАЯ МЫЗА,» 1775 ГОДА.

Болота превратить въ прекрасные луга,
Извлечь изъ нѣдръ земли ключи потоковъ чистыхъ,
Повсюду взоръ привлечь на тропки, на брега,

Явить во всей красѣ пріятность рощъ тѣнистыхъ,
Гуляющимъ дарить веселье и покой:
Такихъ блаженныхъ мѣстъ чудесное начало
Въ старинны времена богамъ принадлежало,
Но нынѣ строится Нарышкиныхъ рукой.

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ МЫСЛИ

НѢКОТОРАГО ФРАНЦУЗСКАГО ПИСАТЕЛЯ.

Неблагодарны человѣки!
Вотще Судьбу вините вы,
Что тако кратки ваши вѣки,
Что вы родились таковы.
Въ своихъ стремленьяхъ безразсудны,
Вы въ свѣтѣ только жизнью скудны;
Стараясь ону сократить,
И расточая всюду время,
Сугубите свое лишь бремя,
Въ желаньяхъ смерть предупредить.

ПИСЬМО

ПОСЕЛЯНИНА КЪ ВОЕНАЧАЛЬНИКУ.

—

Мой другъ! не удивись, что въ пахатной работѣ
Безъ свѣтскихъ пышностей, безъ славы, безъ чиновъ,
Питая свой животъ въ смиреніи и въ потѣ,
И нѣсколько минутъ покоясь отъ трудовъ,
По нѣкимъ чувствіямъ и нѣкакой охотѣ,
Отважился писать я нѣсколько стиховъ.
Не удивись, когда, въ усталости надъ плугомъ,
Не зная, какъ себя назвать и отличать,
Въ мужицкой простотѣ, зову тебя я другомъ,
Чтобъ труднымъ вымысломъ тебя не величать.
Мой другъ! я вѣдаю, хоть носишь платье цвѣтно,
Хоть золотомъ обшитъ отъ головы до ногъ,
Хоть счастіе твое другимъ всегда примѣтно,—
Ты рѣдко съ лаврами покоиться возмогъ.
И, можетъ быть, что я, въ миру съ моимъ сосѣдомъ,
Большею частію трудяся для себя,
Спокоенъ спать ложась, доволенъ за обѣдомъ,
Почасту нахожусь счастливѣе тебя;
Въ сей участи меня никто не обижаетъ:
И зависть самая молчитъ, узря мой трудъ;

Никто меня, мой другъ, никто не унижаетъ,
По волѣ ль дань плачу, или съ меня берутъ;
Всегда моя рука другого снабдѣваетъ,
И люди обо мнѣ напраснаго не врутъ.
Я далъ оброкъ и все, и подать Государю,
Я далъ и рекрута и рекруту коня;
И въ домѣ я теперь покойно рѣпу парю:
Хоть знаю, что еще попросятъ отъ меня.
Ты знаешь, что мой сынъ въ войнѣ два года служитъ
И ходитъ, говорятъ, съ прострѣленной ногой;
Однако съ Турками воюетъ и не тужитъ,
Пока безногаго не пошлютъ на покой.
Солдатски хлопоты, оброкъ и подать вдвое
Не разоряютъ насъ при добрыхъ головахъ;
Кони и рекруты, то дѣло нажитое,
Удалые у насъ ребята есть въ домахъ.
Готовы мы служить за правду и за Вѣру,
И, буде нужно, то готовы умереть.
Ты, другъ мой, служишь самъ по нашему примѣру,
Случается и всѣмъ грудьми рожонъ нереть,
Инымъ пришло въ животъ, инымъ досталось въ руку,
И Марки сватьина отшибли ногу прочь,
Гараскинымъ зятьямъ, племяннику и внуку
Стесали головы, зашедши сзади въ ночь:
И самъ ты близко былъ, какъ шли на насъ Татары,
И самъ ты жаръ терпѣлъ отъ ядеръ и отъ пуль:
И если бъ не имѣлъ фузей запасной пары,
Подчасъ отвѣдалъ бы и самъ свинцовыхъ дуль.

Солдатамъ страха нѣтъ и нѣтъ о томъ печали,
Что Турковъ къ нимъ идетъ великое число,
Отъ смерти не бѣжимъ, отъ драки не устали:
Такое, братъ, у всѣхъ военно ремесло.
Да только я скажу одно тебѣ по дружбѣ,
Коли смышлять о томъ тебѣ досуга нѣтъ:
Мой умъ не помраченъ заботами на службѣ;
Я, сидя на печи, спокойнѣй вижу свѣтъ,
Смышляю иногда, что много ты потѣешь;
Но нѣтъ тебѣ, мой другъ, покоя никогда:
Ты грамотѣ горазд и дѣло разумѣешь,
Почто жъ о мирѣ ты не пишешь никуда?
Не все-то дракою, не все творится боемъ:
Имѣешь разумъ ты, и слово и языкъ, —
Не все-то города берутся крѣпкимъ строемъ,
Не все-то межъ людьми по силѣ ты великъ.
Почто не пишешь ты къ турецкому султану
Примѣрно такъ, мой другъ, какъ я къ тебѣ пишу?
Подмогою тебѣ впередъ служить я стану,
И здравія тебѣ у Господа прошу.

ОТВѢТЪ

А. А. ПАЛИЦЫНУ.

—

Усердный чтитель твой взываетъ Аполлона,
Взываетъ Музъ отъ Геликона,
Сказать тебѣ въ отвѣтъ, сколь я тебя люблю.
Но если риѳмою то́ слабо изъявлю,
Пусть чувствія мои замѣнятъ недостатокъ,
Гдѣ слогъ мой будетъ слабъ и кратокъ;
И только тѣмъ не погрѣшу,
Что стихъ твой у себя я въ сердцѣ напишу.

ПѢСНЬ

ХРАБРАГО ШВЕДСКАГО РЫЦАРЯ

ГАРАЛЬДА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

—

1.

По синимъ по морямъ на славныхъ корабляхъ
Я вкругъ Сицилію объѣхалъ въ малыхъ дняхъ,
Безстрашно всюду я, куда хотѣлъ, пускался;
Я билъ и побѣждалъ, кто противъ мнѣ встрѣчался.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка русская велитъ мнѣ брести домой.

2.

Я въ самой юности, имѣя храбрый духъ,
Дронтгеймскихъ жителей гонялъ, какъ-будто мухъ:
Хоть было мало насъ, а ихъ гораздо болѣ,
Король и силы ихъ легли на ратномъ полѣ.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка русская велитъ мнѣ брести домой.

3.

Въ несчастномъ плаваньи, въ несчастный самый часъ,
Когда на кораблѣ шестнадцать было насъ,
Когда разилъ насъ громъ, въ корабль лилося море,
Мы воду вылили, забывъ и грусть и горе.
Не я ли молодецъ, и проч.

4.

Во всемъ искусенъ я, могу съ гребцами сресться,
На лыжахъ выслужилъ себѣ отмѣнну честь;
Скакать на лошади и править я умѣю,
Копье бросаю въ цѣль, на битвахъ не робѣю.
Не я ли молодецъ, и проч.

5.

Неужели она забыла то себѣ,
Каковъ бываю я въ бою или въ борьбѣ?
Забыла ли она, какъ, стоя на пекетѣ,
Моею храбростью у всѣхъ бывалъ въ примѣтѣ?
Не я ли молодецъ, и проч.

6.

Я знаю на землѣ военно ремесло;
Но воду возлюбя и возлюбя весло,
За славою лечу я мокрыми путями;
Норвежски храбрецы меня боятся сами.
Не я ли молодецъ, не я ли удалой?
А дѣвка Русская велитъ мнѣ бресть домой.

СТИХИ

КЪ КЛИМЕНѢ.

Тотъ счастливъ, кто богатъ и кто имѣетъ честь,
Тотъ счастливъ, у кого притомъ здоровье есть
Я все то безъ тебя, Климена ненавижу;
А счастливъ въ тѣ часы, когда тебя я вижу:

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Всечасно страсть моя, Климена, возрастаетъ;
Одна ты царствуешь въ желаніяхъ моихъ;
Но, ахъ! въ твоей душѣ любовь не обитаетъ,
А только-лишь она видна въ глазахъ твоихъ.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Младенецъ нѣжный богъ не ищетъ громкой славы:
Онъ ищетъ тишины, свободы и забавы,
И любитъ онъ летать по счастливымъ мѣстамъ.

Его жилище тамъ,
Гдѣ царствуютъ веселья, смѣхи,
Гдѣ игры и утѣхи;
И гдѣ присутствуешь, Климена, только ты,
Тамъ всѣ находитъ онъ въ природѣ красоты.
Твой милый взглядъ — ему пріятнѣйшая пища,
Твое желаніе — законъ.
Здѣсь храмъ его и тронъ:
Въ побѣдахъ веселится онъ,
Вздыхаю только я среди его жилища.
Климена, научись чувствительною быть.
Никто не избѣжалъ любовной страсти,
И всѣ подвержены любовна бога власти.
Климена, научись любить.
Напрасно ты любовь, не зная, охуждаешь:
Узнала бы своей ты цѣну красоты,
Когда бы въ сердцѣ то почувствовала ты,
Что въ прочихъ возбуждаешь.

=

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Пріятна молодость тебя, Климена, учитъ,
Что долженъ нѣжности умъ гордый уступить.
Противяся любви, онъ только сердце мучитъ:
Прекрасныя на то родятся, чтобъ любить.
Подвергнуться любви нимало не безславно,
Безъ оной были бы безплодны красоты;

Подвергнуться тебѣ, я вижу, что неправно,
Но бывъ побѣждена, найдешь побѣду ты.

КЪ ТОЙ ЖЕ.

Чтобъ счастливымъ намъ быть,
Я буду жить затѣмъ, чтобъ мнѣ тебя любить;
А ты люби меня затѣмъ, чтобъ могъ я жить,

ИДИЛЛІЯ.

БѢЛЫМИ СТИХАМИ.

На что въ поляхъ ни взглянешь,
Со мною ты въ разлукѣ,
Ты всемъ меня вспомянешь,
Любезная пастушка.
Тебѣ покажетъ утро
Тоски моей начало;
И днемъ, когда свѣтило
Лучъ огненный низпуститъ,
Ты, чувствуя жаръ въ полдни,

Представь, что жаръ подобный
Я чувствую, влюбися.
Не солнцемъ я сгараю —
Любовь раждаетъ пламень
Въ моемъ плѣненномъ сердцѣ;
Любовью я сгараю,
Любя Кларису страстно.

Тебѣ представитъ вечеръ,
Какъ, послѣ паствы, стадо
Пойдетъ назадъ къ покою,
Что въ самое то жъ время,
Отъ грусти утомившись,
Я въ снѣ ищу покоя.
Ищу его я тщетно;
Печальнымъ воображеньемъ
Я также въ снѣ терзаюсь.
Я тѣ слѣды цалую,
Гдѣ шествовали ноги
Драгой моей пастушки.

Роса тебѣ представитъ
Мои въ разлукѣ слезы.
Когда услышишь хоры
Поющихъ сладко птичекъ,
Представь себѣ, Клариса,
Что тѣ поющи птички
Оттуда прилетѣли,
Гдѣ я, съ тобой въ разлукѣ,
Грущу и воздыхаю.
Онѣ моихъ мученій

Свидѣтелями были,
И жалобы несчастны
Онѣ мои внимали.
Теперь во оныхъ пѣсняхъ
Мой голосъ повторяютъ,
Мои слова вѣщаютъ,
Что я люблю Кларису,
И вмѣстѣ ощущаютъ
Онѣ со мною горесть,
Оплакивая вмѣстѣ
Мою несчастну долю.

Когда Зефиръ повѣетъ,
Его дыханье слыша,
Клариса, ты воспомни,
Что я, какъ онъ, вздыхаю.
Но онъ безмѣрно счастливъ:
Онъ, дуя, прохлаждаетъ
Твои красы прелестны,
И легкостью своею,
Всѣмъ прелестямъ касаясь,
Тебя цалуетъ нѣжно —
Всегда благополученъ;
А я его несчастнѣй:
Вздыхаю отдаленно,
Вѣрнѣй его и страстнѣй.
Другую онъ цалуетъ
И на другую дуетъ;
Какъ скоро отлучится —
И сердце всеминутно
Имѣетъ онъ невѣрно.

Но я не премѣняюсь
Съ тобою и въ разлукѣ,
Люблю тебя безмѣрно.

СТИХИ.

ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛІЯНСКИМЪ.

О, грозная минута!
Прости, драгая Ниса!
Я буду жить въ разлукѣ;
Но какъ я буду жить!
Всегда въ тоскѣ я буду:
Прошли мои забавы,
Прошли... И кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Съ тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Во слѣдъ тебѣ, драгая,
И тѣмъ питаю духъ.
Вездѣ умомъ съ тобою,
Вездѣ тебя я вижу,
Вездѣ... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Въ поляхъ, въ лугахъ и въ рощахъ
Кричу, зову я Нису;
Но лѣсъ не отвѣчаетъ,
Гдѣ скрылась Ниса, гдѣ.
Съ зари до темной ночи,
Зову тебя повсюду,
Зову... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

Безъ пользы обращаюсь
Я къ тѣмъ мѣстамъ пріятнымъ,
Гдѣ былъ благополученъ,
Когда съ тобою былъ.
На что̀ я взоръ ни вскину,
Я рвусь, тебя лишь вспомня,
Я рвусь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

На сихъ брегахъ зеленыхъ,
За малую досаду,
Ты прежде разсердилась,
Но сжалилась потомъ.
Мы вмѣстѣ здѣсь ходили,
А здѣсь лежали вмѣстѣ,
Ахъ! здѣсь... Но кто увѣритъ,
Что помнишь ты меня?

А если и узнаю,
Гдѣ кроешься ты нынѣ,
И если вновь представлю
Тебѣ мою любовь:

За всю любовь и вѣрность,
Могу ль я быть увѣренъ,
Могу ль... И кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

Жалѣй о мнѣ, коль знаешь
Мои сердечны муки;
Жалѣй о мнѣ, коль можешь
Ты чувствовать любовь.
Хоть я съ тобой разстался, —
Люблю тебя въ разлукѣ,
Люблю... Но кто увѣритъ,
Что любишь ты меня?

ЭКЛОГА.

Уже осенніе морозы гонятъ лѣто,
И поле, зеленью пріятною одѣто,
Теряетъ прежній видъ, теряетъ всѣ красы;
Проходятъ радости, проходятъ тѣ часы,
Въ которой пастухи средь рощей обитали.
Уже стада ходить на паству перестали,
И миновалася пріятность прежнихъ дней,
Когда предвозвѣщалъ Аврору соловей,
На зыблющихся пѣлъ сучкахъ и утѣшался,

И голосъ одного по рощамъ раздавался.
Не лѣтній дождь идетъ, и не изъ прежнихъ тучъ;
Свѣтило съ высоты пускаетъ слабый лучъ, —
Холодный дуетъ вѣтръ, зефиръ уже не вѣетъ;
Летитъ съ деревьевъ листъ, и вянетъ и желтѣетъ.
Вчера овецъ погнавъ, уже въ послѣдній разъ
Кларису я узрѣлъ, о, часъ! пріятный часъ!
Но лѣто кончилось и паству пресѣкаетъ,
И вмѣстѣ съ нимъ моя свобода утекаетъ.
Клариса день одинъ со мной овецъ пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую въ себѣ; но что? и самъ не знаю;
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что̀ думать ни начну, я думаю объ ней;
Нейдетъ Клариса вонъ изъ памяти моей.
Люблю, и видѣть я хочу ее всечасно:
Разстаться съ нею мнѣ... и мыслить то̀ ужасно.
Нельзя изобразить, что̀ я безъ ней терплю,
Какъ только что ее сердечно я люблю.
Пріятно чувствовать и мыслить то пріятно:
Ахъ! еслибъ ей любви желанье было внятно!
Пріятнѣй и того мнѣ съ нею говорить.
Увидя разъ ее, не можно позабыть.
Пойду за нею въ слѣдъ: она живетъ у рѣчки,
Скажу, что наши тамъ смѣшалися овечки;
Что въ стадѣ двухъ иль трехъ своихъ не нахожу,
А между тѣмъ я ей и болѣе скажу;
И, можетъ быть, найдемъ другія мы причины,
Чтобъ видѣться всегда съ Кларисой безъ скотины.

ЭЛЕГІЯ

НА СМЕРТЬ ГАЛАТЕИ.

—

О, смерть! не ужасай меня, внемли мой гласъ,
И будь чувствительна къ прошенію въ сей часъ;
Мнѣ помощь отъ тебя единой остается:
Ничѣмъ моя напасть другимъ не пресѣчется.
О, боги щедрые! льзя ль жизнью то назвать,
Когда ни малой въ ней утѣхи не видать, —
Терзаться, воздыхать въ любови безполезной,
И быть погребену чрезъ смерть своей любезной?
О, Галатея! всѣхъ была прекраснѣй ты...
Когда я зрѣлъ твои цвѣтущи красоты,
Я всѣхъ счастливѣй былъ, покамѣстъ рокъ презлобной
Не покаралъ меня утратой безподобной.
Увы, дражайшая! ужъ клятва тщетна та,
Которую твои пріятныя уста
О бракѣ будущемъ твердили мнѣ всечасно:
Ихъ смерть разрушила, мы льстилися напрасно.
Надежда сладкая! пріятнѣйшій предметъ,
Любезная краса! тебя на свѣтѣ нѣтъ:
И брачныя свѣщи любящихся сердечно
Богъ брака погасилъ для насъ съ тобою вѣчно.
Утѣхи, коими мой прежде льстился духъ,
Съ тобой, любезная, разрушилися вдругъ.

Прошли забавы всѣ, забавы невиновны,
Объятія, слова, вздыханія любовны;
Послѣдующи дни ужъ ихъ не возвратятъ.
Гдѣ прелести твои? гдѣ твой пріятный взглядъ? —
Пучина водъ навѣкъ красы твои сокрыла,
Которыми тебя природа одарила.
Жестокій богъ морей твой вѣкъ не пощадилъ,
Какъ-будто я богамъ любовью досадилъ.
Толь лютую бѣду предчувствовалъ я прежде:
Какъ ты отъѣхала, я въ робкой былъ надеждѣ
И трепеталъ, предзря напасти таковы.
Ты мнѣ пришла сказать: «прости, прости», увы!
Простился я навѣкъ, тебя лишившись вскорѣ:
Тебя отъ гласъ моихъ свирѣпо кроетъ море.
Почто ты отплыла отъ оныхъ береговъ?
Нептунъ! за что ко мнѣ толико ты суровъ?
Драгое бытіе водами поглощенно:
Все стало для меня печально и смущенно.
Восплачьте вы со мной, лѣса, ручьи, поля,
Восплачь и ты, восплачь возлюбленна земля,
Которая была во дни счастливы нами
Предъ Іерусалійскими предпочтена лугами:
Когда прекрасная ходила каждый день
Со мною отдыхать сихъ частыхъ рощъ подъ тѣнь.
Нѣжнѣйшія слова, что съ нею мы вѣщали,
Чрезъ эхо, рощи, вы за нами повторяли:
Мы всякой часъ его производили вновь,
И всякой часъ тогда гласилась тамъ любовь.
Но Галатеи нѣтъ уже на свѣтѣ нынѣ:
Тѣ самыя мѣста подобятся пустынѣ,
Гдѣ прежде безъ забавъ не проходило дня,

Гдѣ все весельями дышало для меня.
Уже въ сіи луга она не придетъ вѣчно
Взаимно изъявлять мнѣ чувствіе сердечно;
Не будетъ ужъ Зефиръ, наполненъ сладкихъ думъ,
Съ дыханіемъ ея соединять свой шумъ.
Онъ съ жалобой журчитъ, что жизнь прошла драгая,
Воспомня, какъ игралъ, вокругъ ея летая,
То къ верху подымалъ онъ волосы, то вилъ,
То, въ ревности, покрыть прелестну грудь спѣшилъ.
Онъ, сѣтуя, теперь въ пустомъ летаетъ полѣ,
И воздухъ оныхъ мѣстъ не прохлаждаетъ болѣ.
Унывный слышенъ шумъ тамъ вмѣсто нѣжныхъ словъ,
Которы къ зависти привесть могли боговъ.
Смутитеся ключи, біющи быстро воду,
И премѣнитесь дни прохладны въ непогоду,
Увяньте муравы и на древахъ листы,
Изсохните вокругъ развѣсисты кусты!
Погибнетъ пусть въ землѣ цвѣтовъ прекрасныхъ сѣмя;
И ты, рѣка, оплачь свое счастливо время,
То время, какъ мы съ ней, гуляя въ сихъ лугахъ,
Лежали на твоихъ зеленыхъ берегахъ,
Любовнымъ пламеиемъ и нѣжностію полны,
И нашимъ радостямъ завидовали волны.
Наяды не могли проплыть тогда сей брегъ:
Удерживали здѣсь стремительный свой бѣгъ.
Казалось имъ, гдѣ ты — пріятнѣй тамо воды;
Онѣ тамъ видѣли красу всея природы,

И уступая волнъ текущихъ быстринѣ,
Неволею отсель неслись ко глубинѣ.
Оплакивайте вы драгую, очи, вѣчно;
Любовь, нѣжнѣйшій жаръ, пыланіе сердечно,
Займите навсегда мои оставши дни:
Льстить горести моей вы будете одни.
Въ отчаяньи сію утѣху я имѣю,
Что буду въ мысляхъ звать всечасно Галатею.
Жилищемъ будутъ мнѣ пусть темные лѣса;
Благоуханныхъ мѣстъ исчезнетъ пусть краса,
Ни въ пестрыхъ сихъ лугахъ, ни въ рощахъ ароматныхъ
Не будетъ для меня предметовъ ужъ пріятныхъ.
Свидѣтельствуйте всѣ мѣста мою печаль;
Неси мою тоску по рощамъ, эхо, вдаль,
Стени и повторяй мой гласъ по всякомъ словѣ,
Чтобъ слышался мой стонъ и вопль по всей дубровѣ;
Ко облегченію тоски моей презлой,
Вѣщай, вѣщай моей ты имя дорогой.

Третьей Казанской Гимназіи.

ВЪ ЧЕСТЬ КРАСОТЫ.

Краса насъ счастія на самый верхъ возноситъ,
И сами боги чтятъ въ созданьи красоту.
О, жизнь! когда ты сонъ, продли сію мечту,
Продлись, о, сладкій сонъ! пока насъ смерть не скоситъ,
И насладиться дай пріятностьми ее,
Пока не обратитъ ихъ смерть въ небытіе.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны Небеса насъ въ свѣтъ произвели?
И утѣшенья нѣтъ для смертныхъ на земли.
Престанемъ размышлять о томъ, что̀ намъ ужасно,
Изыщемъ способы ко облегченью бѣдъ,
Оставимъ по себѣ мы сладкій жизни слѣдъ.

Когда мы цѣлый вѣкъ не можемъ наслаждаться,
Потщимся хоть продлить пріятность сихъ минутъ,
Безъ возвращенія которы протекутъ;
И чтобъ раскаяньемъ впослѣдокъ не терзаться,
Пусть нашихъ радостей кратчайшіе часы
Составятъ сладку жизнь, пока цвѣтутъ красы.

ДРУГАЯ ОДА,

СЪ ТѢМИ ЖЕ РИѲМАМИ,

ПРОТИВЪ КРАСОТЫ.

—

Тщетно свѣтъ всегда . . . . возноситъ,
Тщетно славитъ . . . . . красоту:
Въ ней мы видимъ лишь . . . . . мечту;
Смерть иль старость ону. . . . . скоситъ,
Время прелести . . . . . ее
Обратитъ . . . . . въ небытіе.

Если мы разсмотримъ. . . . . ясно,
Что̀ красы . . . . . произвели:
Узримъ брани . . . . . на земли
И отмщеніе . . . . . ужасно;
Узримъ тысячи тамъ . . . . . бѣдъ,
Гдѣ мы ихъ увидимъ . . . . . слѣдъ.

Тщетно чаемъ. . . . . наслаждаться
Лестнымъ ядомъ сихъ . . . . . минутъ
Кои скоро . . . . . протекутъ
И принудятъ насъ . . . . . терзаться
Въ долгіе потомъ . . . . . часы
Исчезающей . . . . . красы.

СТИХИ,

ТРОЯКО СОЧИНЕННЫЯ НА ОДНѢ ЗАДАННЫЯ РИѲМЫ.

—

I.

Что есть всему Творецъ, сомнѣнья
не . . . имѣю:
Мнѣ сердце говоритъ . . . . о Немъ;
Но инако любить я Бога не . . . . умѣю,
Какъ только въ ближнемъ лишь . . моемъ.

II.

Не мучусь, если я богатства не . . имѣю,
Хоть долженъ я пещись . . о немъ;
Коль милою любимъ: спокойнымъ быть . .
умѣю
Въ посреднемъ житіи. . . . моемъ.

III.

Влюбяся я въ тебя, спокойства не . имѣю,
И потерявъ покой, хотя грущу . . о немъ;
Но возвратить его, Клариса, не . . умѣю,
Пріятность находя въ мученіи . . моемъ.

ПѢСНИ.

—

I.

Пятнадцать мнѣ минуло лѣтъ,
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ:
Въ деревнѣ всѣ мои подружки
Разумны стали другъ отъ дружки;
Пора теперь мнѣ видѣть свѣтъ. 2.

Пригожей всѣ меня зовутъ:
Мнѣ надобно подумать тутъ,
Какъ должно въ полѣ обходиться,
Когда пастухъ придетъ любиться;
Мнѣ надобно подумать тутъ. 2.

Онъ скажетъ: «я тебя люблю,»
Любовь и я ему явлю,
И тѣжъ ему скажу три слова,
Въ томъ нѣтъ урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2.

Мнѣ случай этотъ вовсе новъ,
Не знаю я любовныхъ словъ;
Попроситъ онъ любви задатокъ:
Что̀ дать? не знаю я ухватокъ;
Не знаю я любовныхъ словъ. 2.

Дала бъ ему я посохъ свой:
Мнѣ посохъ надобенъ самой;
И, чтобъ звѣрей остерегаться,
Съ собачкой мнѣ нельзя разстаться;
Мнѣ посохъ надобенъ самой. 2.

Въ пустой и скучной сторонѣ
Свирѣлки также нужны мнѣ;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирѣлки также нужны мнѣ. 2.

Я помню, какъ была мала,
Пастушка поцалуй дала:
Неужли пастуху въ награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцалуй дала? 2.

Какая прибыль отъ того,
Я въ томъ не вижу ничего:
Не станетъ вѣрить онъ обману,
Когда любить его не стану;
Я въ томъ не вижу ничего. 2.

Любовь, владычица сердецъ,
Какъ быть — научитъ наконецъ;
Любовь своей наградой платитъ
И даромъ стрѣлъ своихъ не тратитъ;
Какъ быть — научитъ наконецъ. 2.

Пастушка говоритъ тогда:
Пускай пастухъ придетъ сюда;
Чтобъ не былю убытка стаду,
Я сердце дамъ ему въ награду;
Пускай пастухъ придетъ сюда. 2.

=

II.

Много розъ красивыхъ въ лѣтѣ,
Много бѣленькихъ лилей,
Много есть красавицъ въ свѣтѣ,
Только нѣтъ мнѣ, нѣтъ милѣй,
Только нѣтъ милѣй въ примѣтѣ
Милой дорогой моей.

Еслибъ самъ Амуръ былъ съ нею,
Онъ ее бы полюбилъ:
Позабылъ бы онъ Психею
И себя бы позабылъ;
Счастливъ участью своею,
Вѣкъ остался бы безъ крылъ.

Въ ней пріятны разговоры,
Въ ней любезна поступь, видъ;
Хоть привлечь не чтится взоры,
Взоры всѣхъ она плѣнитъ;
Хоть нейдетъ съ другими въ споры,
Но вездѣ любовь живитъ.

=

III.

У рѣчки птичье стадо
Я съ утра стерегла;
Ой Ладо, Ладо, Ладо!
У стада я легла.
А утки-то кра, кра, кра;
А гуси-то га, га, га, га.
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

Подъ кустикомъ лежала
Однёшенька млада;
Устала я, вздремала,
Вздремала отъ труда.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Подъ кустикомъ уснула,
Глядя по берегамъ;
За кустикъ не взглянула,
Не видѣла, кто тамъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

За кустикомъ таяся,
Иванушка сидѣлъ,
И тамо, мнѣ дивяся,
Сквозь вѣточки глядѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Онъ вѣточки и травки
Тихохонько склонилъ;

Прокрался сквозь муравки,
Какъ-будто тутъ онъ былъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Почасту вѣтерочекъ
Дулъ платьице на мнѣ;
Почасту тамъ кусточекъ
Кололъ меня во снѣ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Мнѣ снилося въ то время,
Что ястребъ налетѣлъ
И птенчика отъ племя
Въ глазахъ унесть хотѣлъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Отъ ястреба поймала
Я птенчика сквозь сонъ:
Я птенчика прижала,
Прижался также онъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра; и проч.

Сонъ грозный не собылся:
То былъ лишь сонный страхъ;
А въявѣ очутился
Иванушка въ рукахъ.
А утки-то кра, кра, кра, кра,
А гуси-то га, га, га, га,
Га, га, га, га, га, га, га, га, га, га.

СТАРИНА,

НЕ НАПЕЧАТАННАЯ.

—

Темира нѣкогда велѣла
На голосъ пѣсенку сложить;
Темира съ жалобою пѣла,
Что скучно безъ любови жить.

Тебя ль бѣжитъ любовь, Темира?
Амуръ, услышавши, сказалъ.
Тебѣ ль скучать печальми міра?
Тебѣ я лукъ и стрѣлы далъ.

Я скукамъ запретилъ касаться
Тобой украшеннымъ мѣстамъ.
Гдѣ ты желаешь утѣшаться,
Вездѣ присутствую я самъ.

Твоей улыбкой ободренна,
Природа вся смѣется вкругъ:
Твоимъ весельемъ восхищенна,
Сама печаль запляшетъ вдругъ.

ПРІЯТНОСТЬ
ПРОСТОЙ ЖИЗНИ.

—

Трудящійся судья!
Уставъ отъ должностей заботливаго чина,
Приди покоиться въ гостяхъ у селянина,
Гдѣ мирны дни ведетъ счастливая семья;
А чтобъ такое диво
Не возмогло тебѣ представиться за лживо,
Спроси у всей семьи спокойныхъ дней секретъ,
И вотъ тебѣ въ отвѣтъ:
«Во время нашего досуга,
«Не затрудняемъ мы другъ друга
«Дѣлами свыше насъ;
«Хоть дѣлъ другихъ не охуждаемъ,
«А только разсуждаемъ,
«Какъ лучше сдѣлать намъ на круглый годъ запасъ
«Къ простому вся дни пиру.
«Кто хочетъ ссориться, того склоняемъ къ миру,
«Дая разсудку полну мочь;
«Отъ споровъ мы отходимъ прочь,
«Коварныхъ насъ оставить просимъ,
«И жалобъ въ люди не приносимъ,
«Себя не ставимъ во святыхъ:
«Имѣемъ слабости, имѣемъ недостатки;
«Объ нихъ болтаемъ безъ украдки,
«Не трогая чужихъ.

«Своихъ, межъ шутокъ, мы безъ желчи критикуемъ;
«Не мысля зла другимъ, какъ лучше жить, толкуемъ.
«Бѣжимъ ловящихъ насъ похвалъ;
«И если иногда, подъ часъ, изъ доброй воли,
«Придетъ Фортуна къ намъ откушать хлѣба-соли,
«Мы ради тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ.»

СТИХИ
НА ДРУЖБУ.

Безъ дружбы человѣкъ себя особо зритъ.
Пустыннику подобенъ,
Который жизнь влачитъ,
Къ утѣхамъ не способенъ;
Но дружбою свое
Мы множимъ бытіе.
О, дружба, даръ небесный!
Тобою счастливы на свѣтѣ мы,
Тобою кроткіе умы
Чувствительныхъ сердецъ союзъ узнали тѣсный.
Тишайшее пристанище души,
О, дружба! наконецъ, ты стихъ мой доверши,
И будь толико въ немъ любезна,
Колико ты полезна.

КЪ МОЕМУ ДРУГУ.

—

Мой другъ! не вѣдаю, какому чуду вѣришь,
Коль съ Музами меня желаешь сочетать.
Ты слабый мой талантъ по чувству дружбы мѣришь,
Иль власть твою во мнѣ желаешь испытать.
Не буду говорить, что въ жизни всяко время
Свое имѣетъ бремя,
Что Музамъ я себя не ставлю въ женихи.
Тебѣ въ угодность я хочу писать стихи.

СТИХИ

НА ПОСЛОВИЦУ:

НЕ ВСЯКАЯ ЛЮБОВЬ СВЕРШАЕТСЯ БѢДОЙ.

—

Хорошу женщину, въ ряду съ людьми честными,
Полюбитъ молодой,
Полюбитъ и старикъ, хотя бъ онъ былъ сѣдой.
Оттоль пословица родилась межъ простыми:
«Не всякая любовь свершается бѣдой.»

СТРАХЪ ЛЮБВИ.

—

О, сильный богъ любви!
Желалъ бы я, чтобъ ты сказалъ моей прекрасной,
Какой безмѣрный жаръ я чувствую въ крови,
И чтобъ ты мнѣ помогъ въ моей любви несчастной;
Но трепещу, ея представя красоты,
Чтобъ мой повѣренный, мнѣ къ горшему несчастью,
Не воспылалъ, какъ я, подобною къ ней страстью:
Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ.

—

Купидо нѣкогда, въ присутствіи прекрасной,
Къ своимъ побѣдамъ пукъ ковалъ любовныхъ стрѣлъ;
Въ тотъ часъ ужасной
Работу бога я сего вблизи смотрѣлъ.
Онъ искрами меня со всѣхъ сторонъ осыпалъ;
Жаръ въ кузницѣ его вдругъ воздухъ такъ разжогъ,

Что въ страхѣ былъ и самъ сей богъ.
Уже изъ рукъ его разженный молотъ выпалъ;
Хотѣлъ отъ жару наконецъ
Летѣть къ красавицѣ любовныхъ стрѣлъ кузнецъ;
Но мимо онъ огня летѣлъ неосторожно:
Сгорѣли крылья тамъ его,
И далѣ ужъ летѣть ему не стало можно,
Какъ лишь до сердца моего.

ЗАКОНЪ.

Кто бъ ни былъ ты таковъ, гдѣ хочешь, ты живи,
Не убѣжишь любви:
Уставу общему ты долженъ быть причастенъ.
Для всѣхъ такой законъ уставилъ богъ сердецъ:
Ты былъ, иль есть теперь, иль будешь наконецъ
Ему подвластенъ.

РЕЦЕПТЪ БОЛЬНОМУ.

Когда любовный богъ пріемлетъ въ сердцѣ царство,
Разсудокъ слабое противъ него лекарство:
Имѣетъ оный богъ и силу и коварство.
Когда своей стрѣлой поранитъ онъ кого,
Ничто не исцѣлитъ, кромѣ лекарствъ его.

ВКУСЪ ВОЗРАСТА.

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ,
И свойственно любить, когда любить прилично;
А умными тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставитъ насъ и мы оставимъ свѣтъ.

УМѢРЕННОСТЬ.

—

Доволенъ жизнью я моею;
А утверждаетъ въ ней мое блаженство то:
Когда чего я не имѣю,
Я то̀ считаю за ничто.

ПОНЕЖЕ.

—

Понеже говорятъ подъячіе въ приказѣ:
Понеже безъ него не можно имъ прожить,
Понеже слово то̀ показано въ указѣ,
Понеже въ выпискѣ оно имѣлось быть,
Понеже секретарь имъ сдѣлался въ заразѣ,
Понеже слѣдуетъ вездѣ его гласить,
Понеже состоитъ вся сила въ ихъ понеже,
Затѣмъ и не живетъ у нихъ *понеже* рѣже.

ДЕНЬГИ.

—

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; но что̀ за сила тянетъ
Къ богатству всѣхъ людей? Безъ денегъ счастье вянетъ,
И жизнь безъ нихъ скучна, живи хотя сто лѣтъ:
Пока твой вѣкъ минетъ, бѣда! коль денегъ нѣтъ.

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; вездѣ сіи законы,
Что деньгамъ воздаютъ и ласки и поклоны.
О, деньги, деньги! васъ и чтитъ и любитъ свѣтъ,
И каждый вопіетъ: «бѣда, коль денегъ нѣтъ!»

Бѣда, коль денегъ нѣтъ; имѣя жизнь толь кратку,
Приписывать должны мы счастіе къ достатку;
Хоть деньги множество намъ дѣлаютъ суетъ,
Однако безъ суетъ бѣда, коль денегъ нѣтъ.

ЭПИГРАММЫ.

—

I.

Премудрость тщетная не можетъ насъ избавить
Отъ смерти лютыя, ни сохранить отъ бѣдъ,
И не предскажетъ намъ, что будетъ съ нами впредъ;
Не лучше ли сей трудъ, о, смертные! оставить,
Въ которомъ пользы нѣтъ?

=

II.

НА САМОХВАЛЬСТВО.

Разумныя дѣла себѣ ты ставишь въ смѣхъ,
И говоришь, что ты умнѣе въ свѣтѣ многихъ.
Не спорю я съ тобой: умнѣе ты и всѣхъ,
Да только не людей, а всѣхъ четвероногихъ.

=

III.

НА ЗЛОРѢЧІЕ.

Хоть я браненъ вездѣ тобою, —
А ты хваленъ повсюду мною,
Имѣемъ оба мы несчастьемъ общимъ то:
Ни въ первомъ, ни въ другомъ не вѣритъ намъ никто.

IV.

БЕЗЧЕСТНАГО ПРИМѢТА.

Когда твой другъ
Радѣетъ для твоихъ услугъ,
И ты скрываешь то отъ свѣта —
Безчестнаго примѣта.
Но въ счастливой любви не эта,
Другая платится монета;
Кто оной не таитъ отъ свѣта: —
Безчестнаго примѣта.

ЗАГАДКИ.

—

I.

Я матерью имѣю землю,
Но бытность прежде я имѣлъ;
Происходя потомъ, былъ зеленъ, сѣръ и бѣлъ;
Впослѣдокъ темный цвѣтъ пріемлю,
Затѣмъ, чтобъ могъ давать я свѣтъ,
И безъ труда меня никто не назоветъ.
Живу въ простыхъ избахъ, коль тамо могъ примѣтить,
Читатель, ты меня теперь не могъ не встрѣтить.

=

II.

Чтобъ могъ, читатель, ты меня именовать,
То долженъ девять буквъ различныхъ ты собрать,
Изъ коихъ если ты по нѣскольку убавишь,
Премножество другихъ различныхъ словъ составишь.
И можешь ты во мнѣ симъ образомъ найти,
Ту конску часть волосъ, что̀ любимъ мы плести,

Монету, элементъ и нѣкоторо бремя,
Холодный свѣта край, горячесть нѣку, время;
Найдешь во мнѣ людей ты храбрыхъ ремесло;
Два раза ты найдешь число;
То слово, что̀ въ простой мы рѣчи произносимъ,
Когда чего мы просимъ;
И слово, кое мы въ то время произносимъ,
Какъ мы, сердясь, кого толкаемъ иль выносимъ;
И ту животную, что̀ мы на тѣлѣ носимъ.
Найдешь ты въ буквахъ сихъ
Высокость, внутренность и низость мѣстъ зем-
ныхъ,
Безчисленность однихъ летающихъ твореній,
Колясочную часть и часть стихотвореній.
Найдешь ты имена: того, кто крадетъ насъ,
Того, кто къ кражѣ покушаетъ,
И мѣсто страшное, куда въ послѣдній часъ
По Вѣрѣ осужденъ, кто въ свѣтѣ согрѣшаетъ;
То слово, какъ зовемъ мы ползающу тварь;
То качество, какимъ особо былъ пороченъ,
Когда въ Израилѣ являлся полномоченъ,
Египетскій, въ волнахъ утопшій древлѣ, царь,
И состояніе въ рожденьи человѣка,
Каковъ выходитъ онъ на свѣтъ,
И свойство, коимъ мы, въ срединѣ нашихъ лѣтъ,
Пріобрѣтаемъ честь, или хулу для вѣка.
То имя ты найдешь, что̀ мы даемъ вещамъ,
За кои ничего, ихъ взявъ, себѣ не тратимъ;
То мѣсто, кое мы городимъ, суемъ, платимъ,
Колотимъ и клеимъ, чтобъ то̀ поправить намъ.
Найдешь природное оружіе скотовъ,

Растуще дерево, и нѣкотору птицу,
И нареченіе рожденныхъ отроковъ,
И мѣсто, гдѣ сушимъ мы рожь или пшеницу,
Погоду пагубную ей.
Найдешь селеніе людей,
И мѣсто праведныхъ, и то, что̀ лѣтомъ въ полѣ
Крестьянинъ бережетъ и навѣщаетъ болѣ;
И ту роскошную пріятность наконецъ,
Которой я отецъ:
Но чтобъ родить ее, меня и жмутъ, и давятъ,
И послѣ за ничто оставятъ;
Когда же ко всему прибавишь ты одно,
Я значу сорокъ словъ и, если хочешь, болѣ,
Въ твоей, читатель, волѣ:
На риему прибирай, поставя въ первыхъ дно.

=

III.

На свѣтѣ межъ людьми живу
Я молча, во уединеньѣ,
И никакое размышленье
Не тяготитъ мою главу.

Въ покрытомъ мѣстѣ я сижу
И никогда не вижу свѣту;
На мнѣ одежды тамо нѣту;
Оттуда вонъ не выхожу.

Готовое я пью и ѣмъ;
Нѣтъ нужды собирать богатства,
И дружбы не ищу, ни братства,
Во всю мою тамъ жизнь ни съ кѣмъ.

=

IV.

Весь вѣкъ мой въ юности цвѣтетъ,
И никогда не умираю;
Но развѣ кто меня убьетъ,
То жизнь мою оканчаваю.

ЭПИТАФІИ.

—

I.

ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ РУБАНУ.

Плѣняся образомъ Отечества Отца,
Достойно онъ достигъ парнасскаго вѣнца; *
И болѣ бы еще отъ славы увѣнчался,
Когда бы завсегда подобнымъ обольщался.

=

II.

Подъ камнемъ симъ лежатъ, покоясь вѣчнымъ сномъ,
Тѣла любовниковъ, что̀ другъ для друга жили,
И другъ для друга смерть равно они вкусили:
Законы то винятъ, а Вѣра чтитъ грѣхомъ;
Но чувство насъ влечетъ ихъ вѣрностью плѣняться
И строгій разумъ въ томъ не смѣетъ изъясняться.

* Имѣвъ талантъ стихотворенія, онъ особо славенъ извѣстною надписью къ конной статуѣ, воздвинутой на берегу Невы Матерію Отечества Отцу Отечества.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЯ БАСНИ.

I.

ТЩЕСЛАВІЯ.

Всѣ люди изстари не чтутъ за правду сказки,
А ложь употреблять привыкли для прикраски.
Что слышалъ отъ людей, я сказываю то жъ:
Коварные, сплетая ложь,
Другихъ обманомъ ужвляютъ;
А добрые въ добро ее употребляютъ.
Кто хочетъ, вѣрь тому; кто хочетъ, хоть не вѣрь,
Я сказочку начну теперь.
Коза съ рожденія Медвѣдя не видала
И не слыхала,
Что есть такой на свѣтѣ звѣрь;
Но храброю себя повсюду называла;
Хотѣла показать геройскія дѣла
И, слѣдственно, была
Смѣла;
Однако на словахъ, а не на дѣлѣ.
Геройскихъ дѣлъ ея не зналъ никто досель.
И, по ея словамъ, Самсонъ и Геркулесъ
Немного передъ ней подѣлали чудесъ.
«Пріятель ли, говоритъ, увидѣться съ Медвѣдемъ?
Тотчасъ туда поѣдемъ»,

И въ доказательство пошла, не медля, въ лѣсъ,
Пошла Коза на драку.
Такъ бодро Телемакъ не оставлялъ Итаку,
Такъ храбро Ахиллесъ не шелъ противъ Троянъ,
Великій Александръ, съ побѣдой Персіянъ,
Въ толикой пышности не возвращался въ станъ.
Идетъ и говоритъ, чтобъ дали ей дорогу.
Идетъ Коза къ мерлогу,
И приближается смотрѣть:
Незнаемъ ей Медвѣдь.
Увидѣла, что съ нимъ лежитъ ея подружка,
И думала, у нихъ великіе лады.
Пошла туда Коза, не знаючи бѣды.
Худая съ нимъ игрушка:
Неугомонецъ сталъ сосѣдъ,
Для гостьи кинулъ онъ обѣдъ;
А гостья въ шутку то не ставитъ,
Что жестоко ее Медвѣдь за горло давитъ.
Не хочетъ ужъ Коза гостить
И просится, чтобъ быть, по прежнему, на волѣ;
Клянется, что къ нему ходить не станетъ болѣ,
Когда онъ отъ себя изволитъ отпустить.
Коза Медвѣдя не обманетъ,
Онъ сдѣлалъ, что она ходить къ нему не станетъ,
Затѣмъ, что съ мѣста ужъ не встанетъ.
Не лучше ль было бы, когда бъ моя Коза,
Не пяля въ лѣсъ глаза,
Жила безъ храбрости въ покоѣ?
А смѣлость только быть должна въ правахъ героѣ.

=

II.

НЕУМѢРЕННОСТЬ.

Всякъ ищетъ лучшаго, на томъ основанъ свѣтъ;
А нужонъ иногда къ терпѣнью намъ совѣтъ.
Въ Сибири холодно, въ Китаѣ больше прѣютъ,
И люди то сносить умѣютъ.
Но, Муза, далеко меня ты занесла:
Въ Китаѣ побывать, и побывать въ Сибирѣ,
Подалѣ, нежели отсюдова въ Каширѣ,
И надобно туда дорогамъ быть пошире.
Поближе я найду въ примѣръ такой Осла.

Мужикъ, пастушья ремесла,
Гонялъ на кормъ сію скотину,
И выбралъ лучшую долину.
Долина у рѣки, трава была густа,
И близки отъ двора хозяйскаго мѣста:
На что же далеко носить ему дубину?
А на другомъ краю рѣки,
Паслись быки
У пастуха Луки;
Казалося туда пути не далеки.
Ихъ кормомъ мой Оселъ прельстился:
Прискучило ему давно
Ѣсть каждый день одно,
И переправиться однажды покусился,
Къ быкамъ пустился:
Да та бѣда,
Что не было туда

Сухой дороги.
А надлежало плыть; въ болотѣ вязнутъ ноги.
Рѣка
Была топка.
Кричитъ пастухъ и стонетъ;
Увидя, что Оселъ въ болотѣ тонетъ.
Онъ мнилъ, что глупую скотину вопленъ тронетъ;
Однако мой Оселъ
На крикъ пастушій не смотрѣлъ,
И на срединѣ
Увязъ по горло въ тинѣ.
Оселъ
Въ болотѣ сѣлъ,
Раздумалъ ѣхать въ гости,
И былъ бы радъ
Отправиться назадъ;
Но порывался онъ хотя сто крать,
Хотя пастухъ въ него металъ каменья въ злости,
Отчаянъ былъ его возврат.

Къ чему представленъ здѣсь Оселъ, увязшій въ тинѣ?
Легко поймемъ, читатель, силу словъ:
Великій стада найдемъ такимъ Ословъ,
Которые, своей противяся судьбинѣ,
Пускаются въ опасный путь,
Дабы сыскать тамъ что-нибудь,
И часто на пути принуждены тонуть.

ПРЕВРАЩЕНІЕ ПАСТУХА ВЪ РѢКУ И ПРОИСХОЖДЕНІЕ БОЛОТА.

—

Кларису зря съ высокихъ горъ,
Алципъ, близъ чистыхъ водъ, въ долинѣ,
И зря ея несклонный взоръ,
Пѣнялъ за то своей судьбинѣ,
Что каждый день Кларису зритъ
И каждый день въ тоскѣ страдаетъ;
Что плѣнный духъ она томитъ,
Пріятныхъ дней его лишаетъ.
Клариса каждый день въ водахъ
Приходитъ мыться, обычайно;
И каждый день Алципъ въ кустахъ
Прельщается Кларисой тайно.
Не смѣетъ къ строгой подступить,
Не смѣетъ ей въ любви открыться,
Чтобъ гнѣвъ любовью не купить,
И всей надежды не лишиться.
Любовью робкою смущенъ,
Боговъ онъ проситъ неотступно,
Чтобъ былъ онъ въ рѣку превращенъ,
Надѣясь быть съ любезной купно:
Когда Клариса къ тѣмъ водамъ
Придетъ нагая обмываться,
Ко всѣмъ онъ будетъ красотамъ
Своей любезной прикасаться.
Боговъ онъ втунѣ упросилъ.

Его надежда обманула:
Когда Алцинъ рѣкою былъ,
Клариса въ оной утонула.
Алцинъ сто разъ судьбину клялъ,
Что ею такъ наказанъ грозно,
И втунѣ смерти онъ желалъ.
Сіе желанье было поздно:
Водамъ не можно умирать;
Лишь только, безъ своей любимой,
Въ тоскѣ осталось изсыхать
И въ горести неутомимой,
Гдѣ прежде лилъ прозрачный токъ,
На мѣстѣ томъ болото нынѣ;
Мутится тамъ всегда песокъ,
И шумъ ключей умолкъ въ пустынѣ.
Но если въ берегъ бьетъ волной,
То, кажется, что бьетъ со вздохомъ;
Брега, какъ-будто сѣдиной,
Покрылись тамо бѣлымъ мохомъ.
Уединяясь отъ людей,
Мѣста тамъ стали непроходны;
И кажутъ будто слезъ ручей,
Гдѣ видятся теченья водны.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КУПИДОНА ВЪ БАБОЧКУ.

—

Досадой нѣкогда Юпитеръ раздраженный,
Какъ дерзкій богъ любви ему стрѣлой грозилъ
Во гнѣвѣ яростномъ, за скипетръ пренебреженный,
Въ видъ бабочкинъ божка сего преобразилъ.
Вдругъ крылышки изъ рукъ явились голубыя,
Взлетѣлъ, и въ бабочку преобразился богъ:
Онъ рожки получилъ и ножки золотыя;
Онъ плакать начиналъ, но плакать ужъ не могъ.
Нѣтъ лука у него, нѣтъ стрѣлъ и нѣтъ колчана:
Побѣды всѣ его пресѣкъ ужасный рокъ.
Садится онъ наверхъ иль розы, иль тюльпана,
Перелетаючи съ цвѣточка на цвѣтокъ.
Но жалость наконецъ Юпитеръ ощущаетъ,
Видъ прежній на себя велитъ ему принять:
Не вѣчно онъ казнитъ, не вовсе онъ прощаетъ,
Чтобъ дерзкіе его страшились прогнѣвлять.
Явился паки лукъ, пріемлютъ силу стрѣлы,
И въ прежнемъ видѣ сталъ прощенный наконецъ,
Лишь бабочкины съ нимъ остались крылья цѣлы,
Во знакъ, что гнѣвенъ былъ къ нему боговъ отецъ.

Не стало съ той поры въ любови постоянства,
Какъ сдѣлался крылатъ продерзкій Купидонъ;
Ища иныхъ побѣдъ и новаго подданства,
Летаетъ съ той поры изъ сердца въ сердце онъ.
Но вѣчно будешь жить, о, богъ любви! со мною,
И навсегда мое ты сердце взялъ во плѣнъ:
Конечно, я тогда пронзенъ твоей стрѣлою,
Какъ въ бабочку еще ты не былъ превращенъ.

ПРИТЧА.

СКУПОЙ.

Какую пользу тотъ въ сокровищахъ имѣетъ,
Кто въ землю прячетъ ихъ и ими не владѣетъ?
Живетъ въ провинціи спуникъ,
И хочетъ вѣчно жить, дуракъ,
Затѣмъ что предки жили такъ.
По дѣдовскому онъ примѣру
И по старинному манеру,
Имѣетъ къ деньгамъ вѣру;
Не бреетъ никогда усовъ;
Не курчитъ волосовъ.
У прадѣда его они бывали прямы,
Который притыкалъ всегда богатства въ имя.
Таковъ былъ дѣдушка, отецъ и сынъ таковъ.
Когда онъ при концѣ, впослѣдки, ротъ разинулъ,
Едва успѣлъ сказать женѣ;
Что деньги онъ въ землѣ покинулъ,
Въ саду, въ такой-то сторонѣ;
Но чтобъ не трогать ихъ, — онъ умеръ съ тѣмъ
завѣтомъ.
Жена, не тронувъ ихъ, простилась поскорѣ съ
свѣтомъ.
Вступилъ въ наслѣдство внукъ,
Но деньги тѣ еще людскихъ не знаютъ рукъ, —
По завѣщанью, онъ зарылъ ихъ въ землю глубже,
Какъ будто для того, чтобъ были къ чорту
ближе.

БАСНИ.

I.

ПЧЕЛЫ И ШМЕЛЬ.

Пчелино общество, съ тѣхъ поръ, какъ создант свѣтъ,
Житейскихъ должностей всегда примѣромъ было,
Всегда союзъ любило,
Всегда носило медъ.
Вблизи какихъ-то Пчелъ, пчелиный подражатель,
Знакомецъ, иль пріятель,
Устроивши въ землѣ конурку и постель,
Работалъ также Шмель.
Куда летитъ Пчела, туда и Шмель летаетъ,
И также медъ таскаетъ.
Хорошъ такой сосѣдъ,
Который носитъ медъ;
И Пчелы, чтобъ завесть съ сосѣдомъ хлѣбосольство,
Судили нарядить нарочное посольство,
Шмеля просить,
Чтобъ вмѣстѣ жить
И вмѣстѣ медъ носить.
Къ Шмелю отъ матки Пчелъ явились депутаты.
«Послушай», говорятъ, «поди ты къ намъ въ дупло,
У насъ просторно и тепло.

Мы будемъ завсегда друзья твои и браты,
И возьмемъ всѣхъ Шмелей къ себѣ изъ-подъ земель.»
— Я родъ пчелиный почитаю,
И вашу добродѣтель знаю,
Отвѣтствовалъ имъ Шмель:
Но въ вашемъ обществѣ живутъ нерѣдко Трутни,
Которые творятъ и шалости и плутни.
Ихъ плутни разбирать,
Такъ время потерять.
Я знаю цѣну службы
И всей пчелиной дружбы.
Хотя же у себя тружуся я одинъ,
Но въ домѣ я моемъ свободный господинъ.

=

II.

СЛУХЪ И ВИДѢНІЕ.

Сатиръ, въ своей пещерѣ,
Желая вещи знать по вѣрѣ,
У всѣхъ летучихъ вопросилъ:
Зачѣмъ Пчела вездѣ летаетъ?
Кузнечикъ доносилъ,
Что онъ не въ дальности отъ улья обитаетъ,
И что къ Кузнечику Пчела гудѣть летаетъ.
Спросилъ у Саранчи: въ отвѣтъ изъ-за плеча,
Шепча,
Сказала Саранча,

Что такъ, какъ и она, Пчела гулять летаетъ.
Спросилъ у Бабочки: летаетъ на цвѣты
И машетъ тамъ крылами.
Спросилъ у Воробья: летаетъ на кусты,—
Порхать между вѣтвями.
И каждый, наконецъ, какъ чувствовалъ, или зналъ,
По своему сказалъ.
Сатиръ, подумавши, ко улью самъ явился.
Изъ устъ самой Пчелы вопросъ тогда рѣшился:
Ты видишь улій самъ; отвѣтъ найдешь внутри,—
Приди да посмотри.

III.

ЛЕВЪ И РЕБЯТА.

Ребята на лугу играли,
Шары себѣ катали
Пришелъ къ игрушкамъ Левъ,
Пришелъ, и тутъ же сѣвъ:
Здорова имъ, какъ братамъ,
Онъ, лапу приподнявъ,
Вѣщаетъ такъ Ребятамъ:
«Давай катать шары; кто выиграетъ, тотъ правъ.»
Ребята Льву въ отвѣтъ:—Мы свой храним уставъ.
Мы лапу львиную высоко почитаемъ,
Но родомъ, изъ вѣковъ, со Львами не играемъ.—

IV.

ЖУРАВЛИ И КОМАРЪ.

Въ пути подъ облаками
Летѣли Журавли;
Внизу, вблизи земли,
Своимъ путемъ летитъ Комаръ надъ муравами.
«Комаръ, Комаръ летитъ,
Комаръ, Комаръ жужжитъ
Какъ-будто равенъ съ нами!»
Вскричали Журавли.
Но что Комаръ въ отвѣтъ жужжитъ надъ муравами?
— Мой путь вблизи земли,
Вашъ путь подъ небесами;
Летаю и жужжу не для досады вамъ.
Не трогайте меня своими вы носами,
А мой комарій носъ не вреденъ Журавлямъ.

V.

БАСНЯ

НА ПОСЛОВИЦУ:

«ВОЛЯ СО МНОЮ ТВОЯ, А ПО ПРАВДѢ УСАДЬБА МОЯ».

Какой-то добрый садъ,
Не вѣдаю какимъ случаемъ нажилъ славу,
Что есть въ саду подъ грушей кладъ,
И многіе твердятъ
То, въ правду или въ забаву.
Другіе требуютъ доводовъ и примѣтъ,
Безъ коихъ вѣрной правды нѣтъ.
Родился споръ въ народѣ,
И каждый, въ мысленной свободѣ,
За споромъ бился объ закладъ,
Что есть иль нѣтъ подъ грушей кладъ.
Чтобъ въ спорѣ успокоить души,
Въ саду искоренить потребно было груши
Безъ дѣла не въ попадъ.
Но садъ хозяину и груши нужны были;
Хозяинъ вспомнилъ то, что спорщики забыли:
«Я съ вами, имъ сказалъ, не бился объ закладъ,
«Представлю только вамъ, что мнѣ мой нуженъ
садъ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Излишне, кажется, доказывать пользу народныхъ пословицъ. Извѣстно, что многія изъ нихъ, до введенія письменъ, служили изустнымъ законовъ преданіемъ. Народный разумъ, въ послѣдствіи, распространилъ ихъ на всѣ части благонравія и благоповеденія. Иныя сочинены по образу наставленій, другія по образу сказаній; иныя же къ осмѣянію порочнаго и къ отвращенію отъ гнуснаго. Въ первобытномъ ихъ реченіи, какъ можно видѣть, всѣ онѣ составлены были правильными стихами: ямбомъ, хореемъ или дактилемъ, то есть: двусложною или трисложною стопою, хотя не вездѣ снабжены богатыми рѣчами. Не удивительно, что добрые нравы наши соблюдали болѣе смыслъ,

нежели богатыя рѣчи, какія, впрочемъ, трудно или не возможно было находить всегда въ простонародномъ ограниченномъ словѣ. Всякъ можетъ легко уразумѣть, что въ послѣдствіи сіи пословицы, переходя изъ устъ въ уста, чрезъ долгое теченіе временъ долженствовали естественнымъ образомъ претерпѣть много измѣненій и поврежденій. Послѣ отца моего мнѣ досталась весьма старинная книга съ русскими пословицами, таковыми, какъ онѣ могли быть въ ихъ первобытномъ состояніи. Нѣкоторыя только требовали, для стихотворной мѣры, малаго дополненія, безъ перемѣны ихъ содержанія и силы; иныя же требовали только заглавнаго означенія, въ какомъ смыслѣ онѣ употребляются. Я раздѣлилъ ихъ, по разности содержаній, приличнымъ образомъ на разныя главы и отдѣленія, помѣщая какъ самыя простѣйшія, для простонароднаго употребленія, такъ и новыхъ временъ пословицы, какія чрезъ десять лѣтъ могъ я собрать отъ моихъ единоземцовъ. Ласкаюсь, что нація увидитъ съ благоволеніемъ изданное въ печать собственное свое сочиненіе.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что благовѣріе производитъ наилучшее нравовъ согласіе; что имъ утверждается общественное благосостояніе и спокойствіе, и что благовѣріе, единому разумному созданію свойственное, есть конечно то, безъ чего мы не могли бы къ совершенному благу приблизиться и безъ чего самая ничтожность была бы концемъ всѣхъ нашихъ дарованій и добродѣтелей, каковыми мы наиболѣе отличаемся.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОВѢРІЕ.

1.

Божественное чти-скать честно,
Чтобъ было видимо и вѣстно.

2.

За правду писанному вѣрь,
Но съ Вѣрою не суевѣрь.

3.

Богъ-де любитъ насъ по мѣрѣ,
Какъ мы чтимъ Его по Вѣрѣ.

4.

Безъ Вѣры и безъ дѣлъ молитвы Богъ не приметъ:
Какъ худо станешь жить, послѣднее отыметъ.

5.

Безъ Вѣры Господь не избавитъ,
Безъ правды Господь не исправитъ.

6.

Человѣкъ предполагаетъ,
А Господъ располагаетъ.

7.

Не по всякому хотѣнью,
А по Божью изволенью,
Въ мірѣ есть добро и лихо,
Чтобъ мы жили въ мірѣ тихо.

8.

Въ бѣдѣ не унывай,
На Бога уповай.

9.

Добръ отецъ до дѣтей,
Добръ и Богъ до людей.

10.

Какъ Богъ не дастъ,
Свинья не съестъ.

11.

На помощь Богъ пристанетъ,
И пастыря приставитъ.

12.

Не страхъ, что врагъ затрубитъ въ рогъ:
На зачинающаго Богъ.

13.

Куда иного конь везетъ,
Туда бѣдняжку Богъ несетъ.

14.

За бѣднымъ въ мірѣ сиротою
Самъ Богъ ходатай съ колитою.

15.

Голенькой, — охъ!
А за голенькимъ Богъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ХАНЖЕСТВО.

1.

Святого старца риза
Не скроетъ людогрыза;
И добровидна маска
Кусакѣ не прикраска.

2.

Во имя Божье Титъ
Иконы золотитъ
Изъ граблennаго злата,
Что̀ силой взялъ у брата.

3.

Поставя ближнему ловитву:
Да, Господи! услышь молитву.

4.

Устинья завсегда постится, молится,
А мучитъ такъ людей, какъ ей изволится.

5.

Ѳомка свалился—такъ Богу молился;
А не́чего ѣсть, такъ за посѣвъ ухватился.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что служба государю исправляется не инымъ образомъ, какъ когда подданный, въ обязанностяхъ своихъ, сохраняетъ вѣрность, твердость и истинное любочестіе.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СЛУЖБА ГОСУДАРЮ.

1.

По пряму съ Богомъ жить, такъ въ мірѣ не
ханжить,
А службу Вѣрою и правдою служить.

2.

Что царю надлежитъ,
На огнѣ не сгоритъ,
На водѣ не потонетъ, —
Отдай, кто потронетъ.

3.

За доброе имя и честь
Приготовься и голову снесть.

4.

Въ согласномъ стадѣ волкъ не страшенъ,
И храбрость крѣпче стѣнъ и башень.

5.

Смерть-скать ребячья, да бабья гроза,
А бойцамъ-молодцамъ не воротитъ глаза.

6.

Чести дворянинъ не кинетъ,
Хоть головушка погинетъ.

7.

Много скорбей,
Да не много смертей:
И какъ нѣту стыда,
Умереть не бѣда.

8.

Смерть не мила человѣку,
А лучше позорнаго вѣку.

9.

Сѣвши на пиру, на ряду,
Не калякай: плясать не могу.

10.

Нарекшись груздемъ,
Полѣзешь въ кузовъ.

11.

Чести утрата большая бѣда,
И честное убожество легче стыда.

12.

Лучше бѣдность, да честная,
Нежель прибыль, да стыдная.

13.

Воинъ враговъ побиваетъ,
А трусъ лишь корысть подбираетъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПОЧТЕНІЕ КЪ ВЫШНИМЪ.

1.

Чинъ-скать чина почитай,
И меньшой садись на край.

2.

Много людей собираютъ на рать,
Да не многіе могутъ совѣты давать.

3.

Большому кораблю и плаванье большое,
А барамъ барска честь и мѣсто столповое.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ ТЕРПѢЛИВОСТЬ.

1.

Въ нуждѣ барской сынъ не баричъ,
И отецъ въ бѣдѣ товарищъ.

2.

Служивой, что муха, была бы гдѣ щель;
Гдѣ заборъ, тамъ и дворъ, и гдѣ щель, тамъ постель.

3.

Служиваго и шило брѣетъ;
А шубы нѣтъ, такъ солнце грѣетъ.

4.

Хорошъ и лунный свѣтъ,
Какъ солнца въ небѣ нѣтъ.

5.

Въ полѣ кто служитъ,
Объ домѣ не тужитъ:
Гдѣ сталъ,
Тутъ и станъ.

6.

Лѣзной, удалой дѣтина не тужитъ,
При нуждѣ и пѣшій, безъ конника, служитъ.

7.

Не ради красоты,
А ради теплоты
Овчинну шубу носимъ,
И лучшей-скать не просимъ.

8.

Терпи-скать, казакъ, не осудишь,
Пока атаманомъ не будешь.

9.

Нашъ доскать край,
Да не всякому рай.

10.

Что-скать купишь,
То и лупишь.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что благосердіе составляетъ связь и цѣлость всѣхъ общественныхъ пользъ и выгодъ; и что, безъ его душевнаго качества, наилучшія знанія и дарованія обращаются во вредъ самому и ближнему.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОСЕРДІЕ.

1.

Добродѣтель, безъ битвы, безъ крови, безъ брани,
Владѣетъ въ народѣхъ и платятъ ей дани.

2.

Къ услугамъ милости, къ достоинствамъ пріязнь,
Въ народѣ упредятъ и строгости и казни.

3.

Тотъ казнь не заслужилъ, кто въ мыслѣхъ заблуждаетъ,
И многіе на свѣтъ родятся заблуждать,

Кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправляетъ:
Но казнію людей не можно исправлять.

4.

Добрая власть не противна свободѣ,
И ею хранится выгода въ народѣ.

5.

Тотъ не мало согрѣшаетъ,
Кто къ добру не поспѣшаетъ;
Тотъ же болѣ согрѣшаетъ,
Кто въ добрѣ другимъ мѣшаетъ.

6.

Не утѣха, а боязнь,
Гдѣ лишь только гнѣвъ и казнь.

7.

Жестокая власть не корыстна,
И людямъ всегда ненавистна.

8.

Тому даютъ хвалы и чести,
О комъ несутся добры вѣсти;
А кто неправдою живетъ,
Тотъ чортомъ межъ людей слыветъ.

9.

Кинь ты хлѣбъ-соль назади,
Будетъ послѣ впереди.

10.

У добраго дядьки,
Добры и дитятки.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

БЛАГОРАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Добродѣтель тамъ велика,
Гдѣ умѣренъ самъ владыка,
Гдѣ богатый не скупится,
Гдѣ вельможа не гордится;
И великъ-скать воинъ въ полѣ,
Буде воинъ храбръ по волѣ.

2.

Дѣло во время
Не тяжкое бремя;
А дѣло безъ время, —
Несносное бремя.

3.

Общая рѣчь,
Чтобы деньги беречь;
А не общая рѣчь,
Чтобы праваго сѣчь.

4.

Съ одного дескать вола
По двѣ кожи не деруть;
Съ одного дескать тягла
По двѣ дани не берутъ.

5.

Добраго пастыря доброе дѣло,
Кто шерстку съ овечекъ стрижетъ себѣ смѣло:
Но волку тотъ пастырь подобенъ бываетъ,
Кто съ шерсткой и кожу съ овечекъ сбриваетъ.

6.

Не все бичомъ, да хлыстомъ,
Иное можно свистомъ.

7.

Не устать понукать и, кобенившись, пукать;
Да нукавши, коника въ лужицу втукать.

8.

Не устать поспѣшить,
Да людей насмѣшить.

9.

Ученаго учить,
Лишь дѣло волочить.

10.

Не все-то скорится равно,
Какъ у бабы въ обѣдъ толокно:
Разболтай, замѣси,
Да и въ ротъ понеси.

11.

Иной стрѣляетъ рѣдко,
Да попадаетъ мѣтко.

12.

Хоть не скоро,
Только бъ споро;
Не ворово,
Да здорово.

13

Въ кольца и безъ конца,
Въ дѣлѣ не живетъ конца.

14.

Живой живое размышляетъ,
И вѣкъ, какъ лучше, пробавляетъ.

15.

Затѣмъ мужикъ весь вѣкъ хлопочетъ,
Что самъ себѣ добра онъ хочетъ.

16.

Вѣстно-скать въ дѣлѣ,
Что семь дней въ недѣлѣ;
Такъ хлѣбецъ купилъ,
Кто не ѣлъ и не пилъ.

17.

Въ полону живой прокрикнетъ,
Кто къ нѣволѣ не привыкнетъ.

18.

Всякой внукъ, и сынъ, и дѣдъ,
Хочетъ, чтобы былъ обѣдъ.

19.

Безъ хлѣба животъ
Никогда не живётъ.

20.

Всякъ себѣ добра желаетъ
И, гдѣ жестко, подстилаетъ.

21.

Рыба ищетъ гдѣ бы глубже,
Человѣкъ же — гдѣ бы лучше.

22.

Всякой Демидъ
Для себя норовитъ.

23.

Коли приходитъ часть на брата,
И наша деньга не щербата.

24.

Тому дескать рано,
Кому что̀ не дано;
А что́ кому дано,
Тому-скать не рано.

25.

Грѣшный Іона
Беретъ изъ поклона;

А правый придетъ,
Безъ поклона беретъ.

26.

Ѣздокъ коня нуздаетъ
И гадки не гадаетъ.

27.

Вольно-скать чорту крещеныхъ манить,
Да и вольно крещенымъ за чортомъ нейтить.

28.

Хоть вольно требесить, болтать болтунамъ,
Да и вольно требесовъ не слушать-скать намъ.

29.

Ѳомѣ утѣшно, да смѣшно,
А Титу до сердца дошло.

30.

Малыя дѣтки овчурки,
Смышляютъ-сѣ жмурки, да чурки;
А рослы бородки
Смышляютъ находки.

31.

Хозяйкѣ дорого дитя,
А кошкѣ дорого котя.

32.

Фролу не тяжело
Тянуть свое тягло;
Да скоро Фролъ устанетъ,
Какъ два тягла потянетъ.

33.

Гдѣ-скать счастье видишь,
Тамъ смѣлѣе идешь;
А по шишь въ дорогу,
Не подымешь ногу.

34.

Никому не мило,
Что какъ въ дѣлѣ хило.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

1.

Милость прилична для барства,
И милость хранитъ государства.

2.

Милость хвалится вездѣ,
Хвалится и на судѣ.

3.

Повинную голову мечъ не сѣчетъ.
Чтобъ впредь не грѣшилъ, то прощаютъ въ зачетъ.

4.

Убогаго убить,
Добычи не добыть.

5.

Строгій законъ виноватыхъ творитъ,
И разумный тогда по неволѣ дуритъ.

6.

И самъ тому Ѳома не радъ.
Когда родился плоховатъ.

7.

Не всякой милостивъ отецъ;
Однако злой не образецъ.

8.

Мужичокъ, не грибокъ,
Не ростетъ подъ дождёкъ.

9.

Просящему тебя не затворяй дверей:
При голодѣ и самъ попросишь сухарей,
У добренькихъ людей.

10.

Голодъ идетъ къ калачу,
А невзгода идетъ ко врачу.

11.

Не царь, не богатый
Даетъ, тороватый.

12.

Небогатый Филатъ,
Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

13.

Съ міру по ветошкѣ,
Бѣдному одежка.

14.

Не о праздникахъ мыслитъ бѣдняжка, горюха:
Была бъ у горюхи стряпуха для брюха.

15.

Нищій дастъ кусокъ, не ахнетъ,
А возьмешь, сумою пахнетъ.

16.

То не пропало,
Что̀ въ руки попало.

17.

Въ грозѣ, безъ милости,
Живутъ въ унылости.

18.

Кто каковъ ни есть,
Хочетъ также ѣсть.

19.

Богатому жаль корабля,
А убогому жаль кошеля.

20.

То не бѣда, что живетъ иногда,
А бѣда-скать тому, кто бѣдуетъ всегда.

21.

Горе тому,
Кто-скать плачетъ въ дому;
А и болѣ такому,
Кто плачетъ безъ дому.

22.

Бѣдняжка какъ ни бьется,
Гдѣ тонко, тутъ и рвется.

23.

Какъ на Ѳому напасти нахлынутъ,
Такъ Ѳомку и люди покинутъ.

24.

При горести, терпѣнье —
Невольное спасенье.

=

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

НЕСЧАСТІЕ НЕ ЕСТЬ ПОРОКЪ.

1.

Не безчести, въ загонихъ, добра молодца:
Загоняютъ и волка, такъ будетъ овца.

2.

Хоть обидно,
Да не стыдно,
Какъ въ бѣдѣ грѣха не видно.

3.

Старый Макаръ,
Что худой-скать товаръ,

Не годится въ анбаръ:
Да не смѣйся надъ старымъ, и самъ будешь старъ.

4.

И толстая подпора хрясне́тъ,
Какъ сила на подпору хляснетъ.

5.

Неволею волосы вянутъ,
Какъ больно ихъ тянутъ.

6.

Терпя да треснетъ-скать и камень,
Какъ камень бросить въ жаръ, да въ пламень.

7.

Какъ себя ни поведешь,
Отъ напраслинъ не уйдешь.

8.

И отъ напраслинъ люди гинутъ,
Когда къ нимъ грѣхъ чужой прикинутъ.

9.

Людское сердце не лукошко,
И не прорѣжешь въ немъ окошка.

10.

Быть-скать дѣлу такъ,
Какъ помѣтилъ дьякъ.

11.

Воинъ когда изнеможетъ,
То всякой его переможетъ.

12.

Добродѣтель безкорыстна,
И на свѣтѣ не завистна:
Вслѣдъ за нею рѣдкій ходитъ,
Хоть она за всѣми бродитъ.

13.

Правъ мышенокъ передъ волкомъ,
Да не скажетъ дѣла толкомъ;
Какъ ни споритъ за мышенка
Надворная собаченка.

14.

Кто въ несчастьи не бывалъ,
Тотъ немного-скать спозналъ.

15.

Спознаетъ мужикъ рамаду,
Какъ свалится бѣда на бѣду.

16.

Пройдетъ Кузьма сквозь огнь и воду,
Спознаетъ всяку непогоду.

17.

У богатаго грузъ въ кораблѣ,
А у бѣднаго хлѣбъ на умѣ.

18.

Сытый голоднаго не разумѣетъ,
Когда, какъ безъ хлѣба, голодный коѣетъ.

19.

Богатый мыслитъ о телятахъ,
А бѣдный мыслитъ о ребятахъ.

20.

Холодно, на комъ одно,
А и вдвое,
Да худое,
Также равно холодно.

21.

Сова о совѣ,
А иной о себѣ,
Чтобы было въ гумнѣ.

22.

Не одно-де пузище
Смышляетъ о пищѣ:
И тонкій животъ,
Безъ ѣды не живётъ.

23.

Сытый зуёкъ
Съ позаранку поётъ;
А голодный не свищетъ,
Какъ въ ротъ себѣ ищетъ.

24.

Не всякій стрижется для Ійсуса,
Иной и ради хлѣба куса.

25.

Безъ хлѣба самъ судья судить людей не сядетъ;
Голодный, хоть и святъ, безъ дачи хлѣбъ при-
грабитъ.

26.

Кто сытъ, считаетъ звѣзды въ небѣ,
А голодъ думаетъ о хлѣбѣ.

27.

Живется съ Ѳомою,
Не ради повою,
А ради покою.

28.

Какъ нужда голодомъ проймет,
Такъ станешь ѣсть, что̀ Богъ дастъ.

29.

У ѣдущаго брюха
Нѣтъ ни глазъ, ни уха.

30.

Голодъ живота не пучитъ,
И легко ходить научитъ.

31.

Нужда и голодъ
Погонятъ на холодъ.

32.

Голодному Ѳедоту
И рѣпа за охоту.

33.

Свѣтъ тому не надокучитъ,
Кто, живя, животъ свой тучитъ;
А другому надокучитъ,
Кто, живя, животъ свой мучитъ.

34.

Никто того не вѣдаетъ,
Какъ бѣдненькой обѣдаетъ.

35.

Счастливый-скать ходитъ: на кладъ набредетъ;
А несчастный пойдетъ: и гриба не найдетъ.

36.

Гладитъ головку не гребень,
А гладитъ хорошее время.

37.

Какъ счастье везетъ, и дуракъ де-скать ѣдетъ,
И смѣло покажетъ, что умной-де бредетъ.

38.

Фортуна-скать баба, кому посылаетъ,
Такъ пришлетъ чего-де душа пожелаетъ.

39.

Счастье бредетъ на клюкахъ,
А несчастье летитъ на крылахъ.

40.

Счастье ѣдетъ на конѣ
По холмамъ и по горамъ,

А несчастье въ сторонѣ
Бродитъ только по горямъ.

41.

Лихое горе, съ худомъ,
Приходитъ цѣлымъ пудомъ;
А вонъ, съ большимъ трудомъ,
Идетъ золотникомъ.

42.

Всяко лихо споро:
Не минуетъ скоро.

43.

Что грызетъ и поядаетъ,
То не скоро пропадаетъ.

44.

Доброе съ нами минуется скоро,
Худое же тянется длинно и споро.

45.

Лихое въ дѣлѣ споро,
А выведешь не скоро.

46.

Какъ придетъ на Фрола несчастье,
Дойдетъ и Фролиха до лиха.

47.

Бѣды всегда стремятся къ горю,
Какъ рѣки и потоки къ морю.

48.

Чортъ изъ Мордвы,
Хотя и шелъ не туды,
Да пришелъ на бѣды.

49.

Про горькаго Егорку
Поютъ и пѣсню горьку.

50.

Сила и слава хоть звучны,
А нуждѣ бываютъ послушны.

51.

Сенька городитъ, мститъ и хоромитъ,
А время и Сенькины сѣни подломитъ.

52.

Избытокъ уста отверзаетъ,
И честь де-скать разумъ рождаетъ;
А горе на горе нуждаетъ,
И весь де-скать умъ погубляетъ.

53.

Кто безсиленъ, тотъ трусъ, и кто бѣденъ, тотъ скупъ,
И какъ нѣтъ въ комъ ума, поневолѣ-скатъ глупъ.

54.

Чуръ меня, чуръ! да чурай, не чурай,
Коли чортъ поселится, такъ мѣсто давай.

55.

Желѣзо не блеститъ, какъ ржа его съѣдаетъ,
И меркнетъ умъ тогда, какъ сердце упадаетъ.

56.

Нужда не ложь,
Да поставитъ на тожъ.

57.

Нужда научитъ Ѳому говорить,
И горшки узнавать, и водицу варить.

58.

Не душа,
Лжетъ мошна.

59.

Не все-то добрыхъ величаютъ,
Не все-то правду примѣчаютъ,

А и недобрыхъ величаютъ,
Когда исправу въ нихъ почаютъ.

60.

Подпоясавъ горе лыкомъ,
Мелешь нехотя языкомъ.

61.

Нужда научитъ жевать калачи,
И научитъ лежать на холодной печи.

62.

Выторятъ въ Питерѣ, вытрутъ Аоньку,
И будетъ ходить, какъ по ниткѣ, тихонько.

63.

Закричитъ что лебедь,
Какъ кого теребятъ.

64.

Какъ горе да нужда потрѣбитъ,
Бѣднякъ-скать и себя теребитъ.

65.

И нѣмой покажетъ голосъ,
Какъ придетъ къ нѣмому голодъ.

66.

Живетъ на вѣку,
Что и курка поетъ себѣ какореку.

67.

Просилъ Святова:
Пришло до слова
Просить клятова.

68.

Вшами о землю челомъ, да челомъ,
Да скорѣе съ Фроломъ развязаться добромъ.

69.

Захочешь булавокъ,
Такъ будешь у лавокъ.

70.

Пришло-скать со псомъ огрызаться,
Какъ нельзя добромъ отвязаться.

71.

Какъ придетъ де-скать причина,
Мужичокъ и мужичина
Гнется такъ, какъ лутовина.

72.

И дюжая лошадь, обрютившись, крякнетъ,
Какъ въ ямину бякнетъ.

73.

Къ небесамъ высокò,
А въ рѣку глубокò:
И приходитъ вертѣться,
Какъ некуда дѣться.

74.

Не прихоть де мóлодца, нуждица иоситъ,
Куда-скать и вòронъ костей не заноситъ.

75.

Потащетъ таскатню тоска,
Какъ нѣту хлѣба ни куска.

76.

У страха велики глаза:
И коза-скать, какъ бякнетъ туза,
Такъ покажется съ чорта коза.

77.

Овцѣ не до ягнятъ,
Какъ овцу стричь велятъ.

78.

Живетъ, что ротъ болитъ,
Да брюхо ѣсть велитъ.

79.

Не брани овецъ бирюкъ,
Что хватаютъ кормъ изъ рукъ:
Бабѣ въ мірѣ кто не внукъ?

80.

За неволю-скать овцы брыкаютъ,
Какъ волки овецъ торыкаютъ.

81.

Невольный грѣхъ
Живетъ на всѣхъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ВРЕМЕННЫХЪ ПРЕГРѢШЕНІЙ.

1.

Не можетъ человѣкъ
Безгрѣшенъ быть въ свой вѣкъ.

2.

Середь міра монахъ,
Въ попыхахъ, да въ пыхахъ,
Не болитъ о грѣхахъ.

3.

И въ куркѣ сердце есть,
А въ сердцѣ гнѣвъ и месть.

4.

Не гнѣвайся Ѳомка, что женка плоха,
Да и всѣ люди грѣшны, лишь Богъ безъ грѣха.

5.

Во всякомъ чернецѣ
Довольно суеты;
Во всякомъ мудрецѣ
Довольно простоты.

6.

Во всякомъ хлѣбѣ есть мякина,
Бываетъ добръ и худъ дѣтина.

7.

Отъ рыцарскаго рода,
Въ роднѣ не безъ урода.

8.

И сверчокъ и муха
Набиваютъ брюхо.

9.

На свѣтѣ всяко-скать бываетъ:
И праведникъ въ порокъ впадаетъ,

И грѣшникъ часто кается,
И, каявшись, исправится.

10.

Грѣхъ бываетъ сладокъ,
Человѣкъ же падокъ.

11.

Бываетъ грѣхъ и на старуху;
Впадаетъ-скать и дѣдъ въ проруху.

12.

Медъ де-скать сладокъ, да киснетъ и медъ;
И бѣда-скать и грѣхъ на кого не живетъ?

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПОРОКОВЪ ЮНОСТИ.

1.

Не рѣзвится старость, не бѣгаетъ хворость,
А дѣткамъ въ охотку и рѣзвость и скорость.

2.

Юность время золотое,
Ѣстъ и пьетъ, и спитъ въ покоѣ.

3.

Незрѣлъ виноградъ-скать не вкусенъ:
И младъ человѣкъ не искусенъ.

4.

Недозрѣлый умокъ,
Что весенній ледокъ.

5.

Молодой неженатый дѣтина, что бѣшеной,
Скачетъ, подчасъ, не путемъ на прорѣшину.

6.

Мука де-скать не тѣсто,
Пока не перемѣсится;
И дѣвка не невѣста,
Пока не перебѣсится,

7.

Юность глупа,
А любовь-скать слѣпа,
И не спросятъ попа.

8.

Что въ дѣтствѣ просимъ,
Подъ старость бросимъ.

9.

Въ чемъ молодецъ похваляется,
Въ томъ де подъ старость раскается.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ НРАВОВЪ И РАЗСУЖДЕНІЙ.

1.

Какъ кто дѣло знаетъ,
Такъ и разсуждаетъ.

2.

Не всякій, кто читаетъ,
Во чтеньи силу знаетъ.

3.

Своимъ аршиномъ всякій мѣритъ,
Богатый крѣпко деньгамъ вѣритъ;
А воинъ, силой городъ взявъ,
Богатому даетъ уставъ;
Бояринъ милость разглашаетъ,
Слуга услугу возвышаетъ,
Хорошъ и песъ, что̀ въ дверяхъ лаетъ:
Не всѣ равны, а всякій правъ.

4.

Игрушки свойственны во время первыхъ лѣтъ:
Настанутъ дни любви, тогда любить прилично;
Но строгими тогда бываемъ мы обычно,
Какъ свѣтъ оставитъ насъ и мы оставимъ свѣтъ.

5.

Что городъ,
То норовъ;

Что дворъ,
То го́воръ.

6.

Сколько въ свѣтѣ есть головъ,
Столько разныхъ есть умовъ,
И не всякій мыслитъ такъ,
Какъ Исакъ, или Ермакъ.

7.

У сотни безумныхъ
Найдешь и разумныхъ.

8.

Человѣкъ не плохъ родится,
Только есть за нимъ грѣшокъ,
Что онъ въ дѣлѣ не горшокъ,
И на все не пригодится.

9.

Не всякъ орётъ и жнетъ, и сѣетъ,
А всякій хлѣбъ себѣ имѣетъ.

10.

Всякъ молодецъ
На иной образецъ.

11.

Всякая птица по-свойски поетъ,
И кто чѣмъ де-скать можетъ, тѣмъ хлѣбъ достаетъ.

12.

Подъ всяку пѣсню не подпляшешь,
Подъ всяки нравы не подладишь.

13.

Не всегда возможно знать,
Гдѣ найти и гдѣ терять.

14.

Узналъ бы коня на уздѣ, безъ ѣзды,
Да на лбу у коня нѣтъ знаточной звѣзды.

15.

Собственный разумъ-скать царь въ головѣ:
Распознаетъ, что̀ въ худо, что̀ въ пользу себѣ.

16

Почасту маляры, дьяки и стихотворцы,
Чертятъ, что̀ придетъ въ умъ, подобно чудотворцы,
Хотятъ, не вѣдь кого посадятъ на слонѣ,
А послѣ назовутъ: Егорій на конѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ПРОСТОРѢЧІЯ.

1.

Не все всегда творится,
Что̀ просто говорится

2.

Много всего говорится,
Да въ дѣло не все угодится.

3.

Ошибка на словѣ не споръ.
А живетъ и на всѣхъ проговоръ.

4.

Не Татаринъ напалъ, и не голову снялъ,
Кто де вольное слово, не знавши, сказалъ.

5.

Не возстанутъ въ морѣ волны,
Что бѣднякъ словцо промолвитъ.

6.

Вѣдаютъ бабы себѣ притамашно,
Что вольное слово бываетъ небранно.

7.

Запросто въ дому Малашку
Богъ проститъ за всяку бражку.

8.

Стоя вмѣстѣ у колодца,
И ведро съ ведромъ столкнется.

9.

Вмѣстѣ стоючи, дойдется,
Что горшокъ съ горшкомъ столкнется.

10.

Безъ шума брага не закиснетъ,
И брань на вороту не виснетъ.

11.

Вспыльчивый нравъ
Не бываетъ лукавъ,
И, не помнивши словъ,
Помириться готовъ.

12.

Что забывается,
То не сбывается.

13.

На умъ находитъ всякій стихъ;
Не всякъ злодѣй, кто часомъ лихъ.

14.

Хорошъ у сосѣда-скать пиръ,
Коли гости пируютъ на міръ.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ ОБЫЧАЕВЪ.

1.

Въ городѣ жить,
Такъ по городу слыть.

2.

Въ мірѣ-скать жить,
Такъ мірское творить.

3.

Что̀ любитъ молодой, то любитъ и сѣдой:
Не всякая любовь свершается бѣдой.

4.

Что̀ было на свѣтѣ, по старому будетъ,
И вновь ничего не придетъ, не прибудетъ.

5.

Много къ правдивости званныхъ,
Да мало бываетъ избранныхъ.

6.

Правду въ свѣтѣ всякій трубитъ,
А творитъ ее кто любитъ.

7.

Хоть наше бывало,
Да долго гуляло,
А къ намъ не попало:
Пиши-скать пропало.

8.

Иное было такъ давно,
Да нынѣ стало не равно.

9.

Неравны бываютъ вѣки,
Неравны и человѣки.

10.

Не зови ты боярскихъ сѣней болдырёмъ,
А поклонъ болдырю, да челомъ, да добромъ,
Такъ и съ милостью барской воротишься въ домъ.

11.

Орелъ границъ себѣ не знаетъ,
И выше облакъ возлетаетъ.

12.

Рцы, хотя не рцы,
На кого игуменъ, на того черницы.

13.

Гдѣ счастіе плодится,
И зависть тамъ родится.

14.

Чего иной не выслужитъ,
Другой то шуткой вышутитъ.

15.

Хоть шуткой, хоть смѣхомъ,
Да было бы бабино дѣло съ успѣхомъ.

16.

Попалъ скворецъ въ бесѣду съ клушей,
Хоть не люби ее, да слушай.

17.

Не выкинуть будетъ для пасмурной дѣвки,
Изъ басни прибаски, изъ пѣсни припѣвки.

18.

Попалъ къ волкамъ — съ волками вой,
И вмѣстѣ волчьи пѣсни пой.

19.

Чистое къ поганому не липнетъ,
И къ худому добрый не приникнетъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ТЕРПѢЛИВОСТЬ СЛАБОСТЕЙ.

1.

Безъ притчи вѣкъ не изживешь,
И тѣмъ худымъ не прослывешь.

2.

На свѣтѣ вѣкъ изжить,
Не поле перейтить.

3.

Не все то въ печку стелютъ,
Что̀ бабы трутъ, да мелютъ;
Не все то судъ,
Что̀ въ мірѣ врутъ.

4.

Не будетъ мельникъ
За то бездѣльникъ,
Что рожь онъ мелетъ
И рожу бѣлитъ.

5.

Солнце тѣмъ не будетъ хуже,
Что лучи пускаетъ къ лужѣ.

6.

Не поганы тѣмъ рѣки, что псы въ нихъ лакали,
Лишь только бы добрыхъ людей пропитали.

7.

Не погано море стало,
Что собака въ немъ лакала.

8.

Мірская молва,
Что̀ морская волна.

9.

Не поганъ тѣмъ чистый голубь,
Что леталъ на всяку пролубь.

10.

Сказка не огласка, пѣсенка не быль;
Не маретъ неба придорожна пыль.

11.

Въ морѣ ведутся и рыбы, и раки,
А буки да баки, пустыя-скать враки.

12.

Бываютъ на всѣхъ небылыя слова,
А опослѣ стекаютъ, какъ съ гуся вода.

13.

На свѣтѣ не диво, не чудо,
Что въ добромъ бываетъ и худо.

14.

Не сбыточное въ мірѣ дѣло,
Чтобъ все у бабы было цѣло.

15.

Вѣсти по свѣту несутся съ прибавкой,
И правду нерѣдко услышишь съ приправкой;
А лживый и цѣлую басню составитъ,
И басню за быль и за правду прославитъ.

16.

Живутъ наносны рѣчи
И отъ хорошей встрѣчи.

17.

Конь о четырехъ ногахъ,
Да и тотъ спотыкается въ махъ.

18.

Догадка не толкъ,
Былъ медвѣдь или волкъ:
Коли нѣту гдѣ снѣга,
Тамъ нѣту и слѣда.

19.

Долбилъ, не вкось, а впрямь Данило,
Да не туда пошло долбило.

20.

Ошибкою и сатана
Покажется за сокола.

21.

Издавна у дѣда Мирона
Мотается матка Матрёна,
Какъ муха въ печи заморёна,
А бросить не хочетъ Мирона.

22.

Добрый конецъ
Всему дѣлу вѣнецъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СКЛОННОСТЬ ЛЮДЕЙ КЪ ПРІЯТНОЙ ЖИЗНИ.

1.

Не столько счастливъ, кто богатъ,
Какъ тотъ, кто добръ и тороватъ.

2.

У скупого-скать много богатства въ счету,
А у насъ хоть немного, да сладко во рту.

3.

Какъ кусъ, да свѣжъ,
Такъ рѣжь, да ѣшь;
Не блюсть на сѣмя,
Что портитъ время.

4.

Красота на цвѣту
Хороша на свѣту,
А не въ темномъ куту.

5.

Бабій вѣкъ не сорокъ лѣтъ,
И живетъ-скать съ бабой дѣдъ,
Хоть и много минетъ лѣтъ.

6.

Какъ что де-скать рѣдко, чего де-скать мало,
Такъ то и у всѣхъ за диковинку стало.

7.

На хорошій цвѣточикъ и пчелка летитъ.
Гдѣ-скать миръ за добромъ,
То туда жъ и Пахомъ,
Не бѣгомъ, а летóмъ
На колесахъ катитъ.

8.

Худо ль, не худо ль, добро ль, не добро ли,
Охота бываетъ сильнѣе неволи.

9.

Жить въ добрѣ и въ краснѣ,
Хорошо и во снѣ.

10.

Чарочка-скать вина не море Соловецкое,
И пьется-де до дна про здоровье молодецкое.

11.

Знаетъ кума и сама,
Что бываетъ съ порокомъ Ѳома.

12.

Отъ радости и отъ веселья,
И старцева краснѣе келья.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СИЛА ЛЮБВИ.

1.

Пріятны утѣхи во младость,
А старость придетъ не на радость.

2.

Думай, не думай, гадай, не гадай;
А какъ выростетъ дѣвка, такъ замужъ отдай.

3

Въ теремѣ дѣвица,
Какъ во клѣткѣ птица:
Любитъ волю,
Смотритъ къ полю.

4.

Дѣвка нѣма,
И безъ бабки сама;
Говорить не умѣетъ,
А все разумѣетъ.

5.

Знаетъ дѣвка пригожайка,
Что сама-скать ворожайка.

6.

Выхваляетъ Марина лощину,
Увидя въ лощинѣ мужчину:
И будто бы любитъ лощину.

7.

Молодцу себя не спрятать,
Буде пошлютъ дѣвку сватать;
А полюбитъ дѣвка свата,
Никому не виновата.

8.

Хоть дѣвка колечко утратила съ пальца,
Колечко найдется, какъ выйдетъ за мальца.

9.

Присосѣдится въ домъ молодой молодчина,
Полюбитъ молодчика дворска дѣвчина.

10.

Хоть парень дѣвкѣ не чета,
Да дѣвка не всегда крута:
Придетъ по та, что дай попа.

11.

Гдѣ сердце лежитъ,
Тутъ и око бѣжитъ

12.

Что̀ кто любитъ,
То и трубитъ;
Что̀ смышляетъ,
То и баетъ.

13.

Что̀ у кого-скать на сердцѣ лежитъ,
Хоть не та де-скать рѣчь, да про то говоритъ.

14.

Что̀ на умѣ де-скать мнится,
Такъ то и во снѣ де-скать снится.

15.

Сердце больненько болитъ,
Какъ кручинушка сердце дробитъ.

16.

Милый дружокъ
Не постылый вражокъ.
Хоть простился, пошелъ,
Да на сердцѣ тяжелъ.

17.

Тошно быть постылому,
А тошнѣе милому,
Какъ его любимую
Отнимаютъ силою.

18.

Отъ того, кто не милъ,
И подарокъ постылъ.

19.

Не всякому нравно, что хвалитъ-скать дѣдъ,
Хоть и много хорошихъ, да милаго нѣтъ.

20.

Не милъ и вѣкъ, не милъ и свѣтъ,
Какъ милаго на свѣтѣ нѣтъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

ЖЕСТОКОСЕРДІЕ.

1.

Хоть хочетъ сладко спать безсовѣстный богачъ,
Но совѣсть мучитъ злыхъ больнѣе, чѣмъ палачъ.

2.

Къ порожнему дѣлу не кличутъ-скать кличи,
Гдѣ много труда, да немного добычи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что каждый человѣкъ, входя въ какое-либо сообщество, даетъ необходимо нѣкотораго рода обязательство, гласящее: «Я буду благонравенъ»; и что безъ сего расположенія не возможно обрѣсти ни счастія, ни спокойствія между человѣками, любящими, по естеству своему, взаимное другъ друга уваженіе.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

БЛАГОНРАВІЕ.

1.

Человѣкъ умираетъ, а имя живетъ:
Какъ де слылъ онъ при жизни, такъ послѣ слыветъ.

2.

Худъ ли, добренекъ ли Савва,
То Саввѣ такая и слава.

3.

Человѣку сердитъси природно,
Да сердцу смиренье пригодно.

4.

Презрѣнье къ бѣдности, зависть къ богатству,
Противятся дружбѣ и доброму братству.

5.

Не тѣмъ забавенъ пиръ, что люди трубятъ въ трубы,
А тѣмъ забавенъ пиръ, что люди людямъ любы.

6.

Злые нравы
Портятъ правы.

7.

Гдѣ добры въ народѣ нравы,
Тамъ хранятся и уставы.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ДОЛГЪ.

1.

Долгъ — великая вина.
Кто чужое даромъ гложетъ;
И ни судъ, ни старшина
Грѣхъ такой простить не можетъ.

2.

Благовоспитанному сыну
Отцовъ приказъ не ломитъ спину.

3.

Пускай де-скать лаетъ собака чужая,
Да больно, какъ лаетъ своя, домовая.

4.

И скотина знаетъ,
Кто ее питаетъ.

5.

Дай Богъ тому добро и всяку добру честь,
Кто знаетъ жить, да быть и честь на свѣтѣ весть.

6.

Спасибо тому, кто насъ поитъ, да кормитъ,
А вдвое тому, кто-скать хлѣбъ да соль помнитъ.

7.

Всякіе займы
Платою красны.

8.

Хоть тамъ, хоть сямъ перехвати,
А кто-скать долженъ, заплати.

9.

Сорочи, не сорочи,
На расплату идучи,
Да какъ сорокъ безъ одной:
Такъ ступай назадъ домой.

10.

Ѣшь хоть рѣпу вмѣсто ржи,
А чужого не держи.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ВЗАИМНОЕ ВНИМАНІЕ, УГОЖДЕНІЕ.

1.

Гдѣ семеро соборъ,
Тамъ не надо заборъ.

2.

Гдѣ любовь да совѣтъ,
Тамъ и рай, тамъ и свѣтъ;
А гдѣ ссоры, да споры,
Тамъ только лишь вздоры.

3.

Пиво,
Не диво,
И медъ
Не зовётъ;
А привѣтъ и любовь
Лучше всякихъ пировъ.

4.

Согласіе родитъ лады,
А разногласіе — вражды.

5.

Другъ для дружка вечеринку сидитъ,
А какъ нужда придетъ, такъ и ночь не поспитъ.

6.

Пріятельское слово
Не должно быть сурово.

7.

Не будь себѣ запасенъ,
Да будь ты другу радъ;

И малый столъ прекрасенъ,
Какъ рѣчи идутъ въ ладъ.

8.

Согласіе въ любовь приводитъ,
А споръ противниковъ находитъ.

9.

Кто другъ прямой,
Тотъ братъ родной.

10.

Дружбу водить,
Такъ себя не щадить.

11.

Легко друзей найтить,
Да трудно сохранить.

12.

Для пріязни-скать и дружбы,
Не жалѣй своей ты службы,
И для милаго дружка,
Вынь сережку изъ ушка.

13.

Если любишь ты дружочка,
То дружочкова люби и котенка и щеночка.

14.

Не добру, не пригожу-скать шутку спутнать,
Коли только-что добрыхъ людей помутить.

15.

Въ смѣхъ да въ шутку
Сняли шубку.

16.

Жена подвластная притворно лишь повинна:
Гдѣ сила царствуетъ, тамъ вѣрность исчезаетъ.

17.

Надломленный лукъ
И обиженный другъ
Хоть пойдутъ-де на службу,
Да скажутъ-скать нужду.

18.

Отрѣзаной ломоть отстанетъ,
И послѣ къ хлѣбу не пристанетъ.

19.

Съ милымъ разлука творитъ нелюбье.
Далекъ отъ очей, такъ далекъ и отъ сердца.

20.

Доброе братство
Милѣе богатства.

21.

Гдѣ любовь, тамъ угожденье;
Гдѣ же страхъ, тамъ принужденье.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ИСКРЕННОСТЬ.

1.

На льстивы рѣчи не мечись,
На грубу правду не сердись.

2.

Во обществѣ честныхъ людей,
Окромѣ нужды не имѣй,
Ни тайныхъ мыслей, ни рѣчей;
Но ради скромности двѣ тайны въ свѣтѣ есть:
Скрывай отъ глупыхъ умъ и отъ безчестныхъ
честь.

3.

Закрытую рану лечить не удобно,
И тайну муку легчить не способно.

4.

Отъ нужды лжетъ и льститъ, кто самъ не господинъ,
Невольникъ, иль холопъ, или холопскій сынъ.

5.

Не годится въ неправдѣ языкъ исковеркать,
Чтобы въ очи хвалить, а за очи хулить.

6.

Въ случаѣ, измѣну купить,
А измѣнника не любятъ.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЗЛОНРАВІЕ.

1.

Въ лихости и въ зависти
Проку нѣтъ, ни радости.

2.

Ненавистный человѣкъ,
Не живя, свой мучитъ вѣкъ.

3.

Завистливымъ сучецъ въ чужомъ добрѣ великъ,
А въ собственномъ—бревно имъ видится тростникъ.

4.

Хоть себѣ бы досадить,
Да другому повредить.

=

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Въ ней означается, что разумъ человѣческій имѣетъ предѣлы въ самомъ своемъ распространеніи; что первыя наши сердечныя движенія и первыя понятія часто подвержены ошибкамъ и заблужденіямъ, и что, потому, скромность поставляется нужнѣйшею въ обществѣ добродѣтелью.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

СКРОМНОСТЬ.

1.

Будь себѣ примѣтливъ,
Да не будь извѣтливъ.

2.

Гдѣ люди свободный даютъ тебѣ путь,
Тамо будь себѣ воленъ, но дорожитъ не будь.

3.

Кричать, да спорить, да браниться,
Во всякомъ мѣстѣ не годится;
А гдѣ какъ честь хранится строго,
Не должно и болтать-де много.

4.

Говори,
Да не ври.

5.

Слово безного, не бродитъ,
А часто до дѣла доводитъ.

6.

Пѣнь-скать въ жильѣ не околица:
Глупая рѣчь не пословица.

7.

Та же рѣчь не поговорка,
Что была гора, да горка,
Подъ горою у пригорка.

8.

Та же рѣчь, да та же снова,
Не пословица для слова.

9.

Старая шутка
Весь день не погудка.

10.

Про старыя-скать дрожжи,
Не говорятъ по трожды.

11.

Хорошо де-скать трижды языкъ повернуть
Передъ тѣмъ, какъ закочешь словечко болтнуть.

12.

Много по рѣкѣ плыветъ,
Да всего не перенять;
Много въ мірѣ всякой вретъ,
Да всего не переврать.

13.

Мололъ-де за шутку пустыя слова,
А опослѣ за правду болитъ голова.

14.

Гдѣ двое тайно говорятъ,
Тутъ третій говорунъ не братъ.

15.

Похвала добротъ твоихъ
Быть должна въ устахъ другихъ.

16.

Никто себѣ не судія,
А судятъ насъ всегда другіе;
И собственна хвала своя
Отъемлетъ права въ томъ чужія.

17.

Забавляй и шути,
Да людей не мути.

18.

Говори, да не спорь,
А хоть спори, да не задорь.

19.

На мирѣ споръ,
Не разговоръ.

20.

Въ рѣчахъ не любъ:
Иль пьянъ, иль глупъ.

21.

Какъ шутливъ да уменъ,
Такъ угодье-скать въ немъ;
А какъ въ шуткахъ-де грубъ,
Такъ конечно-скать — глупъ.

22.

Не все-скать, что вѣдать, повсюду кричать,
А что въ доброй часъ молвить, въ худой помолчать.

23.

Не всякое слово за дѣло считай,
А иное-скать мимо ушей пропускай.

24.

Ау, мой свѣтъ!
Каковъ привѣтъ,
Таковъ отвѣтъ.

25.

Каково гдѣ кликнется,
Таково откликнется.

26.

Не всегда суди клятыхъ:
Знаетъ Богъ одинъ святыхъ.

27.

Шутку любишь надъ Ѳомой:
Такъ люби и надъ собой.

28.

Шутку веди, чтобъ было смѣшно,
Но надъ тѣмъ, кто безгласенъ, смѣяться грѣшно.

29.

Шути-скать, поколѣ-де шутка идетъ,
И поколѣ-де краска въ лице не войдетъ.

30.

Шутка ведется не ради вреда,
И не ради стыда.

31.

Забавника, шута, потѣшника ищутъ,
А худо пошутитъ, за шутку просвищутъ.

32.

Всегдашни скалозубы
Бываютъ всѣмъ не любы.

33.

Добрые люди бранятся на миръ
И, бранившись, сойдутся на добренькій пиръ.

34.

Свой съ своимъ бранится,
Послѣ помирится,
А чужой пристанетъ,
Вѣкъ постылымъ станетъ.

35.

Кто тайны должно не скрываетъ,
Тотъ къ дѣлу годенъ не бываетъ.

36.

Не носи изъ домашней избы де-скать сору
Къ чужому забору;
Въ сору де-скать много находится вздору.

37.

Для разума немного чести,
Чтобъ знать и сказывать лишь вѣсти.

38

Вѣстовщикъ и переносчикъ,
Какъ у рѣчки перевощикъ:
Нуженъ, надобенъ на часъ,
А потомъ не жалуй насъ.

39.

Много знать посидѣешь,
Скоро устарѣешь.

40.

Что̀ въ обычай вошло, не смѣшно,
И что̀ пишетъ законъ, не грѣшно.

41.

Что̀ кому нужды и что̀ кому дѣла,
Что съ кумомъ кума, покумившись, сидѣла?

42.

Непрошеный Ѳедосъ,
И къ спросу, и не къ спросу
Втыкаетъ всюду носъ:
Ѳедосу быть безъ носу.

43.

Лучше молчать,
Чѣмъ вранье повирать.

44.

Худая старина не диво,
Хотя поютъ объ ней хвастливо.

45.

Птичку за крылья хвалить —
Изъ пустого въ порожнее лить.

46.

Не будетъ славенъ тѣмъ пророкъ,
Что въ дождикъ онъ грибы прорѣкъ.

47.

Выстрѣливъ пулю, не схватишь,
И слово сказавъ, не поймаешь.

48.

Ляпнувъ слово не впопадъ,
Не воротишь-скать назадъ.

49.

Съ глупымъ, безъ хлопотъ,
Затвори свой ротъ.

50.

Съ безумными людьми,
Забудь, что ты съ ушьми.

51.

Въ камень стрѣлять,
Только стрѣлы терять.

52.

У мертвыхъ пчелъ, въ колодахъ,
Искать не лазятъ меду.

53.

Въ полѣ за вѣтрами не угоняешься,
Въ словѣ съ безумными не совѣщаешься.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕСКРОМНОСТЬ, СЛАВОЯЗЫЧІЕ.

1.

Фока, какъ сорока Якова,
Затвердитъ одно про всякова.

2.

Кому до чего,
А Фролу до всего.

3.

Точитъ Фролъ балы
Семигодовалы.

4.

Послушай, дядя, рѣчи,
Что были у Луки
Палати возлѣ печи,
И мостъ не вдоль рѣки

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ ней означается, что физическій нашъ составъ требуетъ равно движенія, какъ и покоя, и что весь трудъ благомысленнаго человѣка состоитъ только въ томъ, чтобъ движенія свои обратить на пользу себѣ и ближнему.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ТРУДОЛЮБІЕ.

1.

На Бога крѣпко уповай,
А самъ безъ дѣла не бывай.

2.

Богъ далъ здоровье въ дань,
А деньги самъ достань.

3.

Не лѣнись, а трудись,
На чужое не льстись.

4.

Поздняя птичка глаза продираетъ,
А ранняя птичка носокъ прочищаетъ.

5

Работа да руки,
Надежныя въ людяхъ поруки.

6.

Того лишь на свѣтѣ не можно достать,
Чего-скать прилежно не станешь искать.

7.

Не шаромъ и не даромъ
Приходитъ барство барамъ.

8.

Гдѣ работно, тамъ и густо,
А въ лѣнивомъ домѣ пусто.

9.

Тамо хлѣба не родится,
Гдѣ кто въ полѣ не трудится.

10.

Не принесутъ покоя шашни;
Коли мужикъ оставитъ пашни.

11.

Счастья не поищешь, счастье не придетъ:
Подъ лежачій камень и вода нейдетъ.

12.

Тамо счастіе не диво,
Гдѣ трудятся не лѣниво.

13.

Дѣло-скать учитъ и кормитъ,
А праздность добра мужа портитъ.

14.

Всякой доходъ
Не живетъ безъ заботъ,
Не живетъ безъ хлопотъ.

15.

Подъ овсянымъ-скать возомъ конекъ не приста-
нетъ:
Своя де-скать ноша плеча не обтянетъ.

16.

Для добраго Ѳедота
Не тягостна работа.

17.

Не худѣетъ у куркн хребетъ,
Коли курочка къ носу гребетъ.

18.

Коли нѣту раба:
Ну-тка самъ по дрова.

19.

Не пиры пировать,
Коли хлѣбъ засѣвать.

20.

Мужикъ работалъ плачучи:
Да хлѣбъ сбираетъ скачучи.

21.

Хотя съ трудомъ,
Да шло бы въ домъ;
А нѣтъ труда,
И нѣтъ плода.

22.

Что́ заранѣ припасешь,
То-скать послѣ всосешь.

23.

Готовые хлѣбы добры, хороши;
А на лѣто, постарому пашню паши.

24.

Много добра не наскучитъ,
И трудъ для покоя не мучитъ.

25.

Пріѣхала осень на пѣгой кобылѣ,
Со спросомъ: готовы ль гостицы на овинѣ.

26.

Въ полѣ Маланья,
Не ради гулянья;
А спинушку гнетъ,
Для запаса впередъ.

27.

Всегда себя покоить,
Такъ дому не пристроить.

28.

Хорошо бы орать, да и рукъ не марать,
А на ёлку бы лазить и платья не драть.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НУЖНАЯ СОВѢСТНОСТЬ, СБЕРЕЖЕНІЕ, ЗАПАСЛИВОСТЬ.

1.

Не утѣшна въ людяхъ честь,
Буде дома нѣтъ поѣсть.

2.

Ищи добра на сторонѣ,
А домъ люби постаринѣ.

3.

За своимъ де-скать столомъ
Никому не бьешь челомъ.

4.

Много-скать умныхъ головъ
На обѣдъ для готовыхъ блиновъ,
Да блиновъ не пекутъ, не моловъ.

5.

Лиха бѣда-скать хлѣбъ нажить,
А съ хлѣбомъ можно паномъ жить.

6.

Было бъ пиво на погостѣ,
А у пива будутъ гости.

7.

Какъ есть въ поварнѣ щей горшокъ,
Такъ самъ-скать баринъ, самъ большой.

8.

Своя де-скать господска воля,
Какъ есть въ запасѣ хлѣба доля.

9.

Были бъ хоромцы,
То будутъ знакомцы,
И будутъ питомцы.

10.

Какъ у Ѳомки своя-де крома,
Такъ и Ѳомку зовутъ-скать Ѳома.

11.

Цвиркаетъ птенчикъ, что птаха щебечетъ:
И всякой во свойскомъ гнѣздѣ велерѣчитъ.

12.

Лучше собственное шило,
Чѣмъ чужое-скать копье;
Всякому на свѣтѣ мило,
Что̀, хо́ть мало, да свое.

13.

Тѣмъ и краше,
Что̀-скать наше.

14.

Съ чужого де коня, Исай,
И на грязи долой слѣзай.

15.

Безъ собственныхъ трудовъ, безъ добраго наказа,
И съ семью пестуновъ дитя живетъ безъ глаза.

16.

Чего-скать маленько,
Того крошки меленько.

17.

Не бросай на пометъ,
Что годится впередъ.

18.

Кто умѣетъ домомъ жить,
Тотъ не ходитъ ворожить.

19.

Домъ хорошенько водить,
И въ распутицу нужно ходить.

20.

Запасливый нужды не терпитъ,
И въ дальнемъ пути виночерпитъ.

21.

Какъ хозяйства-скать не стало:
Что и было, то пропало.

22.

Коли Господь далъ умъ, умѣй добро скощить:
Поболѣе продать, поменѣе купить.

23.

Изъ большого убавить не трудно,
А трудно убавить, гдѣ скудно.

24.

Не замѣсишь густо,
Какъ въ амбарѣ пусто.

25.

Въ доброе время, мужикъ, хорони
Бѣлосвѣтлыя деньги на черные дни.

26.

Деньга любитъ счетъ и вѣру,
И всему покажетъ мѣру.

27.

Всяка монета кладется на счетъ:
Бережена копѣйка, рубля бережетъ.

28.

Что не бережно,
То не денежно.

29.

Деньги въ мірѣ не мякина,
Человѣкъ же не скотина,
Знаетъ деньгамъ господина.

30.

Пустой мѣшокъ
Введетъ въ грѣшокъ.

31.

Даромъ чужого добра не желай,
Да и даромъ добра своего не теряй.

32.

Любя Ивана, да Степана,
Не дать послѣдки изъ кармана.

33.

Чужихъ хоромъ никто не кроетъ,
Какъ нѣтъ прибыточной хвалы;
Хотя рука-скать руку моетъ,
Да обѣ быть хотятъ бѣлы.

34.

Хоть рубашка платья ниже,
Да рубашка къ тѣлу ближе.

35.

Я стоитъ за *Окомъ* ниже,
Да въ родствѣ-де къ намъ поближе.

36.

Служивой не даромъ
Высокимъ боярамъ
Ударилъ челомъ,
За копѣйку съ копьёмъ:
Хоть кругленька на видъ,
А и камень долбитъ.

37.

Не ждетъ Мартынъ
Чужихъ полтинъ;
Стоитъ Мартынъ
За свой алтынъ.

38.

Носи-скать деньги при бедрѣ,
Чтобы не плакать при бѣдѣ.

39.

У дѣтинки-сиротинки
Есть въ карманѣ-скатъ полтинки:
Будетъ-скать земли кусокъ,
Будетъ на землѣ домокъ,
Будетъ въ домѣ уголокъ;
Въ уголкѣ-скать будетъ глинна,
Въ глинкѣ будетъ уголёкъ, —
Разживется сиротинка.

40.

Что и въ титулѣ,
Какъ пусто въ шкатулѣ?

41.

Деньга въ нуждѣ не солжетъ,
Кто-скать деньгу бережетъ.

42.

Землѣ хорошъ навозъ,
Лошадушкѣ овёсъ,
А барину приносъ.

43.

Просьбы не докуки,
Какъ не пусты руки.

44.

За свой карманный грошъ
Макаръ вездѣ хорошъ.

45.

Какъ есть у Фоки кока съ сокомъ,
Вотрется Фока всюду бокомъ.

46.

То не бѣда, что на деньги мошка;
А бѣда, что въ карманѣ пустая мошна.

47.

Безъ долгу жить прямое панство;
А въ долгъ пойдешь, войдешь въ подданство.

48.

Долгъ есть тягостное бремя:
Отнимаетъ сонъ и время.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ПРАЗДНОСТЬ.

1.

Время не сѣмя,
Не выведетъ племя;
Терявъ не воротишь,
А жизнью заплатишь.

2.

Сидя у бабы за печью,
Не выстроишь города рѣчью.

3.

Кто поранѣе встаетъ,
Тотъ грибки себѣ беретъ;
А сонливый, да лѣнивый
Пойдутъ послѣ за крапивой.

4.

Спать долго,
Жить съ долгомъ.

5.

Не законно, не пригоже,
Кто чужое ѣстъ и лежа.

6.

За брюхомъ хлѣбъ де-скать не ходитъ,
А брюхо за собою водитъ.

7.

Человѣка лѣнь не кормитъ,
А здоровье только портитъ.

8.

Скученъ день до вечера,
Буде дѣлать нечего.

9.

Спать, да лежать не утѣха,
А только лишь вѣку помѣха.

10.

Придетъ безвремянье,
Забудешь гулянье.

11.

Когда чего-скать не поищешь,
Того де и вблизи не сыщешь.

12.

Всякому Якову доля худа,
Какъ не гожъ никуда.

13.

Дѣтина обликомъ хорошъ,
Да къ дѣлу никуда не гожъ,
Такъ ѣстъ де-скать напрасно рожь.

14.

Пришло сидѣть у печки скатьѣ:
Застала осень въ лѣтнемъ платьѣ.

15.

Пахомъ, поджавши бѣлы руки,
Пустился въ легкія науки:

Поправить свой господскій домъ
Чужимъ умомъ, чужимъ трудомъ.

16.

Постись, лежака, за грѣхи,
Что нѣту хлѣба ни крохи.

17.

Ѳомка не сѣялъ ни горсти,
А просить, помяли Богъ пригоршни.

18.

Не глупъ Кузьминъ-проворъ:
Кузьма сохи не тянетъ,
А ждетъ, когда на дворъ
Съ дождемъ пшеница канетъ.

19.

Поворотливъ дѣтина Глѣбъ,
Поворотился кушать хлѣбъ.

20.

Слава тебѣ, кулику,
Что слетѣлъ де-скать самъ къ мужику.

21.

Не на радость семейка, на злыдни,
Гдѣ семеро дѣтокъ, всѣ сидни.

=

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

РАСТОЧЕНІЕ.

1.

Богъ на помочь не приходитъ,
Гдѣ какъ худо кто городитъ.

2.

У денегъ нѣтъ глазъ,
Хоть ихъ бросай ты въ грязь.

3.

Трынъ травилъ въ святой Руси,
И протрынился еси.

4.

Взвыла мошна, —
Изъ кармана пошла.

5.

Не радостенъ чужой обѣдъ,
Какъ кушаньица дома нѣтъ.

6.

Гулявши много съ молоду,
Умрёшь подъ старость съ голоду.

7.

Не старъ, не матёръ,
И не съ лысиной дѣдъ,

Да зубки попритёръ,
Не доживши-скать лѣтъ.

8.

Утлаго судна водой не наполнишь;
Распутнаго ссудою не удоволишь.

9.

Радъ бы-скать Ѳомушка ёлку срубилъ,
Да неловко рубить, какъ топоръ погубилъ.

10.

Для чашниковъ и бражниковъ
Бываетъ много праздниковъ.

11.

Хоть-скать домъ огнемъ гори,
Только брагу намъ вари.

12.

Гдѣ есть де-скать брага,
Тамъ будетъ ватага.

13.

У прилучныхъ воротъ
Завсегда хоровод.

14.

Чортъ де-скать чорту дѣла поручилъ,
И приказчика-чорта требѣсить училъ.

15.

Безъ ума торговать,
Только деньги терять.

16.

Хоть и много-де вѣрятъ, барышъ не хорошъ,
Какъ да въ семеры гости зовутъ на правёжъ:
Гдѣ изволишь, бери, только вынь да положь.

17.

Добрая дача не выучитъ Ѳомку:
Хоть Ѳомка возьметъ, да не вложитъ въ котомку.

18.

Добро къ Ѳомѣ пришло,
Да промежь рукъ ушло.

19.

На подпоркѣ съ подпоркой не держится тынъ:
Гдѣ какъ пять разоряютъ, а строитъ одинъ.

20.

Ѳомку называютъ другомъ,
Только обираютъ кругомъ.

21.

Братцы дружки толоконнички,
Нашему хлѣбу поклонички,
Кушаютъ хлѣбъ-соль въ охоту,
Да съ нами нейдутъ на работу.

22.

У Фили пили,
Да Филю били.

23.

Бывалъ святой-скать домъ,
Да чортъ завелъ содомъ,
Такъ сталъ де къ верху дномъ.

24.

У голаго порой
Бываетъ пиръ горой;
Да горько, послѣ пиру,
Ходитъ за хлѣбомъ къ міру.

25.

Немного де радости въ томъ,
Что хоть добыли волка живьемъ,
Да съ добычей безъ хлѣба живемъ.

26.

Самъ-скать ѣдешь не путёмъ,
Да коня де бьешь кнутомъ.

27.

Въ свѣтѣ и умныя головы
Вяпутъ за барами голыши.

28.

Вился-скать рой надъ головою,
Да не нашелъ себѣ постою.

29.

Такая плохота всего на свѣтѣ плоше,
Чтобъ лихо покупать за собственные гроши.

30.

Өилату всѣ добры Өилаты,
Которы деньгами богаты;
Онъ вѣрно пишетъ: деньги взяты,
А долженъ вѣчно безъ заплаты.

31.

Долго не было ни деньги,
Да явился вдругъ алтынъ;
Такъ затѣялъ нашъ Мартынъ
И печенья и варенья.

32.

Расчеченился чеченя,
Что напѣнилась крупеня;
Есть у каши-скать приварки:
Подавай вино, да чарки.

33.

Будетъ худой
У коровы удой,
Какъ доятъ чередой,
Да еще-скать подой.

34.

Перетюкавши Өомка бревешки въ клинъ,
У чужого костра подбираетъ щепы.

35.

Нѣту денегъ-спать — бѣды!
Сталъ, какъ рыба безъ воды.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ВѢДСТВІЕ РАСТОЧИТЕЛЕЙ.

1.

Бѣдность не грѣхъ,
Да приводитъ въ посмѣхъ.

2.

Богатый въ пиру,
А убогій въ міру.

3.

Богатый въ будни пируетъ,
А бѣдный и въ праздникъ горюетъ.

4.

Хорошъ, да безъ денегъ,—
И сталъ-скать худенекъ

5.

Ученье и разумъ премудры зѣло,
Только худо въ умѣ, какъ въ карманѣ голо.

6.

Премудрость безъ денегъ, хоть мудрое дѣло,
Да трудно безъ пищи питать де-скать тѣло;
И горе при старости въ бѣдности жить,
Какъ да нѣтъ ни зубовъ, ни что въ зубы вложить.

7.

Изниметъ брюхо голодуша:
Придетъ и боль и ворогуша.

8.

Разговоромъ сытъ не будешь,
Буде хлѣба не добудешь.

9.

Безъ тюрьмы приведется сидѣть одному,
Какъ да нѣту въ дому пригласить бы къ чему.

10.

И съ великимъ духомъ,
Да съ голоднымъ брюхомъ,
Ходючи по людямъ
Знатнымъ-скать не будемъ.

11.

Чужіе-скать хлѣбы пріѣдчивы,
Люди хоть кормятъ, да смѣтчивы:
Даромъ дадутъ-скать ломоть,
Да заставятъ недѣлю молоть.

12.

Довольный праздники счисляетъ,
А бѣдный хлѣба промышляетъ.

13.

Въ нуждѣ бѣднякъ, чтб уродливый,
Бродитъ и въ день непогодливый;
Въ старомъ и въ драномъ одѣтъ,
Коли новаго платьица нѣтъ.

14.

Бѣда отъ бѣдности, и бѣдность отъ бѣды,
Какъ дѣло ни верти: негодны никуды.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

БѢДСТВІЕ ИГРОКОВЪ.

1.

Счастіе въ игрѣ обманетъ,
Кто прибыткомъ льститься станетъ.

2.

Въ игрѣ скать кинулся, прокрылся,
Равно какъ въ дѣлѣ провинился.

3.

Поставили въ игрѣ Ѳедула на ходули:
Изъ красныхъ сапоговъ да въ каверзни обули.

4.

Размотаевъ мотишка-скать трясъ, да дурилъ,
Да что было въ мошнѣ и мошну продурилъ.

5.

Ставилъ, да ставилъ, и сталъ голичкомъ:
Потерявши яичко, играй желвачкомъ.

6.

За разумъ хватился книгочій Памфилъ,
Распродавши де книги, да карты купилъ:
И умѣлъ-скать играть, да тузы не ходили,
Что было въ мошнѣ, игроки облупили.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Разсужденія добрыхъ моихъ пріятелей подали мнѣ поводъ пріобщить, при изданіи второй части Русскихъ Пословицъ, второе предисловіе. Въ нѣкоторыхъ древнихъ пословицахъ встрѣчаются собственныя имена людей: Ѳома, Кузьма, Вавила и прочія, кои, какъ видно, употребляемы иногда и для рѣмы только, безъ всякой цѣли на кого-нибудь особенно. А какъ имена Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и прочихъ, подъ коими пороки осмѣяны, могутъ показаться нынѣ досадительны кому-либо изъ тѣхъ, кои такъ наречены по рожденіи, то за долгъ почитаю имъ представить:

Первое, что таковыя пословицы составлены древними русскими предками, а не мною;

Второе, что, слѣдственно, Ѳомы, Кузьмы, Вавилы и прочіе, суть древніе, а не нынѣшніе, кои, по многимъ причинамъ, долженствуютъ быть лучше;

Третіе, если бъ такіе, по какому-нибудь случаю, мнѣ и знакомы сдѣлались и возбудили бы во мнѣ желаніе прибѣгнуть къ ихъ совѣсти, то такое желаніе, могу увѣрить, было бы, конечно, отдалено отъ ихъ личнаго оскорбленія;

Четвертое, всѣ три части издаваемыхъ мною Пословицъ приведены въ нѣкоторый порядокъ и отданы въ печать, по желанію многихъ, изъ давняго времени, пока не случилось кому-нибудь въ лучшемъ порядкѣ ихъ выдать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что сколько добродѣтельно и похвально есть мужество въ повиновеніи вышнимъ, столько приносятъ стыда невоздержность и необузданность.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

МУЖЕСТВО ВЪ ПОВИНОВЕНІИ ВЫШНИМЪ.

1.

Въ морѣ искусный пловецъ не толкуетъ,
Что вѣтеръ бушуетъ,
А смотритъ, да правитъ,
Да парусы ставитъ.

2.

Рукою махъ
И долгой ахъ
Не кончатъ страхъ.

3.

Служивой не думаетъ много:
Гдѣ былъ бы лишь ходъ, тамъ дорога.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НЕОБУЗДАННОСТЬ.

1.

Тò, что̀ дерзко и нахально,
У однихъ воровъ похвально.

2.

Послушность приноситъ плоды,
А продерзость приноситъ бѣды.

3.

Вавила на добраго коника сѣлъ,
Такъ и сталъ себѣ смѣлъ:
Каково̀ де не мѣра, такъ есть намъ дорога
Подалѣ порога.

4.

Много храбрыхъ послѣ рати,
Какъ забьются на палати.

5.

На высокихъ горахъ,
На печи, на дровахъ,
Подъ зеленымъ подъ лѣсомъ, подъ вѣникомъ въ плошкѣ,
Сверчокъ воевалъ съ тараканомъ за крошки,
Да оба назадъ не сыскали дорожки.

6.

Не гордися стрѣла на лету,
Что толкнули тебя въ высоту:
Прилетѣвъ къ облакамъ,
Повернешься къ ногамъ.

7.

Кошка, что̀ себѣ ни грѣзь,
Не по кошкѣ львина спѣсь.

—

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что хотя правда имѣетъ нѣчто грубое, хотя правосудіе имѣетъ нѣчто строгое, но люди, и особо судьи, имѣютъ долгъ соблюдать правду и правосудіе, безъ чего не можетъ быть ни спокойства, ни твердости въ человѣческомъ сообществѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ПРАВДА.

1.

На правду словъ не много,
Лишь дѣлай правду строго.

2.

Въ счетѣ безъ правды, и въ правдѣ безъ счёту,
Не вѣрь ни Кузьмѣ, ни Ѳомѣ, ни Ѳедоту.

3.

Не ѣла душа чесиоку —
Не воняетъ;
И правой нейдетъ по крюку —
Не лыняетъ.

4.

Воля со миой-скать твоя,
А, по правдѣ, усадьба моя.

5.

На свѣтѣ все минется,
А правда остается.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ВѢРНОСТЬ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

1.

Взявшись за гужъ,
Не толкуй, что не дюжъ.

2.

Не молвивши слово, крѣпись,
А промолвивши слово, держись.

3.

Противу словъ своихъ творить,
Такъ лучше словъ не говорить.

4.

Какъ кому-скать вѣрятъ,
Такъ того и мѣрятъ.

5.

Велико слово тамо въ дѣлѣ,
Гдѣ видѣнъ слову господинъ;
А гдѣ семь пятницъ на недѣлѣ,
Хоть много словъ, да худъ починъ.

6.

Что̀ не властенъ ты давать,
То безчестно обѣщать.

7.

У твердыхъ людей обѣщать
Называется то же, что̀ дать.

8.

Уговоръ-скать лучше денегъ,
Будь на словѣ лишь добренекъ.

9.

Обѣщалъ, да солгалъ,
Такъ не вѣренъ и сталъ.

10.

Лучше убытокъ терпѣть,
Да стыда отъ людей не имѣть.

11.

Не клянитесь, дѣтки,
Бросить ваши клѣтки;
Не клянитесь, матки,
Не рожать дитятки:
Клятва не во время,
Есть велико бремя;
Меньше обѣщаешь,
Меньше согрѣшаешь.

12.

Вѣрность и скромность есть должность на службѣ,
И древняя заповѣдь въ дружбѣ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ЧИСТАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Что̀ добро̀, то всюду пригодно,
И людямъ и Богу угодно.

2.

Не всякая находка — кладъ:
Иному будешь самъ не радъ;
Не всякая потеря — трата:
Живетъ за трату добра плата.

3.

Честный и добрый дворянинъ,
Во всякомъ мѣстѣ семьянинъ.

4.

Менѣ живетъ барыша,
Коли совѣсть въ торгу хороша,
Да спокойна бываетъ душа.

5.

Не стыдно хлѣбъ достать трудомъ,
А стыдно хлѣбъ достать стыдомъ.

6.

Добрый Демидъ
На худыхъ не глядитъ.

7.

Будь въ божбѣ всегда умѣренъ,
И въ обязанности вѣренъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ХУДАЯ СОВѢСТЬ.

1.

Безсовѣстно въ очи хвалитъ,
А за очи хулитъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ЛОЖЬ.

1.

Люди ото лжи нѐ мрутъ,
Только вѣры впредь неймутъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ПРАВОСУДІЕ.

1.

Поля хранятся огородою,
А люди — добрымъ воеводою.

2.

Честь добротворству къ добру поощряетъ,
И часто безъ строгости злыхъ усмиряетъ.

3.

Другу въ дѣлѣ норови,
А душею не криви.

4.

Не дорогà ладыга,
А дорогà обида.

3.

Пчела имѣетъ медъ и ядъ,
Дѣтей своихъ во сласти бабитъ;
Но строго бережетъ свой кладъ,
И жалитъ, кто ее пограбитъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

НЕСЧАСТНЫЯ СЛѢДСТВІЯ ХУДЫХЪ ДѢЛЪ.

1.

Сама себя раба-скать бьетъ,
Когда нечисто ниву жнетъ.

2.

Отъ всякихъ на свѣтѣ прибытковъ
Бываетъ иной безъ пожитковъ.

3.

Въ мірѣ таковъ уговоръ:
Кто похитилъ, тотъ воръ.

4.

И то и другое
Бываетъ дурное,
И пято, десято,
Какъ плохо, не свято.

5.

За недобрымъ пойдешь,
На бѣду набредешь.

6.

Лукавый съ дьяволомъ водились,
И оба въ яму провалились.

7.

Хоть въ свой горохъ тычины тыкалъ,
Да бралъ въ чужомъ лѣсу тычины,
Такъ вышли въ дѣлѣ-скать причины:
Кто бралъ, съ горошкомъ горе мыкалъ.

8.

Мзда и мудрыхъ ослѣпляетъ,
А немудрыхъ погубляетъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что истинное благополучіе принадлежитъ равно всѣмъ состояніямъ, и что кто знаетъ преимущества умѣренности предъ блескомъ возвышенія, тотъ не завидуетъ бремени, каковое присоединяется къ высокимъ степенямъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

НУЖНАЯ УМѢРЕННОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Мыслямъ не найдешь предѣла,
Да силы коротки для дѣла.
Свободѣ есть край, и желаніямъ мѣра.

2.

Не все то можется,
Чего захочется.

3.

Не все такъ жить, какъ хочется,
А такъ живи, какъ можется.

4.

У царя велика власть,
А и съ нимъ живетъ напасть.

5.

Руби-скать ношу по себѣ,
Чтобы не крякать на ходьбѣ.

6.

Знай мужикъ мужицко бремя,
Не вступай въ боярско стремя.

7.

Не всѣмъ черницамъ
Въ игумнахъ быть;
Не всѣмъ дѣльцамъ
Главою жить.

8.

Господину воля,
А слугѣ неволя.

9.

Къ непростому Еремѣ,
Въ Еремѣномъ домѣ,
Данила простой
Не плетись не въ достой.

10.

Отказъ, хотя не шестъ,
Да худъ по немъ пріѣздъ.

11.

Съ инымъ-скать свяжешься,
И не развяжешься.

12.

Кто по два зайца вдругъ гоняетъ,
И одного не изымаетъ.

13.

Бредетъ дѣлишко какъ ни есть,
Коли хоть мало можетъ бресть;
Не на людяхъ и сидни въ честь.

14.

Курочка по зернышку клюетъ,
Курочка сытёхонька живетъ.

15.

Чужое искать,
Такъ свое потерять.

16.

Прельщаяся чужимъ владѣньемъ,
Не будешь счастливъ ты глядѣньемъ.

17.

Далеко кулику отъ зимы до Петровокъ:
Куликъ береги де-скать хвостъ до обновокъ.

18.

Жить мужичкомъ-скать — нескладно,
А жить господиномъ — накладно:
Такъ будь въ середи,
И на край не ходи.

19.

Скупость не глупость при мѣстѣ,
Гордость приличка невѣстѣ;
А завсе спѣсивъ, или завсе кто скупъ,
Неразуменъ и глупъ.

20.

Невалко, нешатко, невпрыть и невскачь;
Не высовывай носъ, и по задью не прячь.

21.

Куница, да соболь бѣжитъ, да дрожитъ,
А овечка при кормѣ лежитъ, да пышитъ.

22.

Трудовое безпорочно,
Хоть и мало, только прочно.

23.

Жить безъ лиха!
Жить-скать тихо,
Что смиряе,
То правѣе.

24.

Тише ѣдешь,
Далѣ будешь.

25.

Не ѣду-скать къ дѣду
Незванный къ обѣду,

А ѣду по слѣду
Въ простую бесѣду.

26.

Много невѣстъ разбирать,
Такъ женатому вѣкъ не бывать.

27.

Дѣвка не курочка, парень не кочетъ,
И женится парень не всюду, гдѣ хочетъ.

28.

Худо-скатъ бабѣ у мужа;
А нужда случится безъ мужа,
То бабѣ и прежняго хуже.

29.

Кто не хочетъ насъ любить,
Сильно милымъ-скать не быть.

30.

За милымъ въ слѣдъ не угонять,
Какъ самъ не придетъ онъ опять.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

НУЖНОЕ ТЕРПѢНЬЕ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Разумный болѣ тѣмъ отличенъ,
Что къ худу и къ добру привыченъ.

2.

Въ счастьи и всякой умѣетъ попѣть,
А умный умѣетъ и горе терпѣть.

3.

Вошедши въ службу,
Терпи-скать нужду.

4.

Добрый воинъ
Успокоенъ:
Гдѣ ни сталъ,
Тутъ и станъ;
Легъ, свернулся,
Всталъ, встряхнулся.

5.

Бываетъ, что горечь приноситъ и сладость:
И послѣ напасти случается радость.

6.

Зима пройдетъ, и снѣгъ сойдетъ,
И что́ посѣяно, взойдетъ.

7.

Не крушися отъ попытокъ,
Какъ попытки въ путь нейдутъ:
И убытокъ и прибытокъ
На одномъ дворѣ живутъ.

8.

Счастье съ несчастьемъ живутъ обо дворъ,
И всегда межъ собою ведутъ де-скать споръ.

9.

Кусаютъ комары
Не годъ, а до поры.

10.

Невѣянный хлѣбецъ не голодъ,
Посконна рубашка не холодъ.

11.

Безъ хлѣба Ѳомѣ не до жиру:
А быть бы безъ жиру, да живу.

12.

Не всегда рыбаку имянинный обѣдъ,
Убирай-скать плотву, коли щучины нѣтъ.

13.

Какъ всякой день праздникъ, и всё у Пахома,
Пахомъ де-скать скоро не скажется дома.

14.

Несчастливъ бываетъ,
Кто много желаетъ.

15.

Не все сбывается,
Чего желается.

16.

Всякъ, по одежкѣ,
Протягивай ножки;

Какъ хвостъ коротóкъ,
Такъ вернися въ комокъ.

17.

Таково приспѣется,
Каково умѣется.

18.

Часомъ
Съ квасомъ;
Порою
Съ водою.

19.

Пиромъ не хвастаютъ люди заѣзжіе,
Были бы хлѣбы да щи, хоть не свѣжіе.

20.

Прошедшаго не возвратить,
А думай, какъ напредки жить.

21.

Въ несчастіи не унывай,
Печаль и грусть одолѣвай.

22.

Богъ далъ,
Богъ взялъ.

23.

Не въ воду отъ дождя,
Не въ пламя отъ огня.

24.

Время, первое лекарство;
Дастъ здоровье, лучше баретва.

25.

Мужикъ, потерявши гужи, не тужи;
Коли Богъ далъ лошадку, такъ будутъ гужи.

26.

Не будетъ добрый конь безъ сѣна,
И сѣну будетъ перемѣна.

27.

Бабка походитъ,
И дѣлу пособитъ.

28.

Не черти горшки обжигаютъ,
А люди всему помогаютъ.

29.

Хоть ягненокъ въ приспорьи, да съ доброй руки
Поведутся бараны, козлы и быки.

30.

Съ горя не убиться,
Что лихой озлится.

31.

Солнце авось изъ-за горъ
Прикатится и къ намъ передъ дворъ.

32.

Не мухами добра весна:
Сама собою де красна.

33.

Въ разоренномъ жилищѣ
Не быть безъ воротъ;
На своемъ попелищѣ
И курка гребётъ.

34.

Красныя дѣвушки все позамажутъ,
И шелкомъ зашьютъ, и концы перевяжутъ.

35.

Добрыя жерновы все перемѣлятъ,
И всяко зерно-скать въ муку перемѣнятъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНОЕ ПРИЛѢПЛЕНІЕ КЪ ДОМУ СВОЕМУ.

1.

Не ищи друзей, дитятко,
Какъ добры отецъ и матка.

2.

Что де красенъ? у отца де-скать былъ.
Отъ чего похудѣлъ? у чужого гостилъ.

3.

Не со всѣми старайся знакомство водить,
Не со всѣми на свѣтѣ льзя правдою жить.

4.

Всякъ о правдѣ много трубитъ,
Да не всякой правду любитъ.

5.

Неизвѣданный другъ
Не хорошъ для услугъ.

6.

Всякъ несетъ уста,
Гдѣ вода чиста.

7.

Чистый протокъ
Не на всякій ротокъ.

8.

Въ гости гуляй,
Коли дома не рай;
А какъ дома женушка, да брага, да щи,
Такъ другого добра и въ раю не ищи.

9.

Подумавъ съ подушкой, спросившись съ женушкой,
Изба хоть худа, только лучше съ избушкой.

10.

Бережливый мужикъ
Отъ двора не бѣжитъ.

11.

На томъ же мѣстѣ, да на томъ,
И камень обрастаетъ мхомъ;

А съ мѣста въ мѣсто волокита
Горюетъ часто не покрыта.

12

Коли есть чѣмъ кому обойтися въ дому,
Такъ не надо прибытковъ искать на Дому.

13.

Оставивши свой домъ, искать вездѣ веселья,
Есть дѣло глупое и дѣло отъ бездѣлья.

14.

Коли есть трудовое свое толокно,
Не ходи по пирогъ подъ чужое окно.

15.

Твое хоть дороже, краснѣе, бѣлѣе,
Свое мнѣ милѣе.

16.

Отъ корма коники не рыщутъ.
Отъ добраго добра не ищутъ.

17.

Здоровый лекаря не проситъ,
А помощь самъ себѣ приноситъ.

18.

Былъ бы дворъ, была бъ усадьба,
И безъ трубъ бываетъ свадьба.

19.

Отъ берегу отстанешь,
Къ другому не пристанешь:
Ни такъ, ни сякъ, — и станешь.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ПОЛЕЗНАЯ ПРОСТОТА ЖИЗНИ.

1.

Всякія вычуры
Портятъ обычаи:
Жустарь, Вавила,
Что́ баба сварила.

2.

Кто на клячѣ, тотъ и скачетъ;
А и пѣшъ идетъ, не плачетъ.

3.

Изба-скать елова,
Да сердце здорово.

4.

Возьми себѣ чужое,
Хорошее, большое,
А дай мое худое:
Хоть худо-скать и гнило,
Да что́ свое, то мило.

5.

Не дари-скать, не жалуй чужимъ добрецомъ,
А снеси, гдѣ лежало, къ хозяину въ домъ.

6.

Въ займы не бравъ,
Хоть голъ, да правъ.

7.

Богатый печался, тужи,
Что перервались ремянны гужи;
А у бѣднаго лыки, мочалы,
Поѣхали вдаль, да помчали.

8.

Прадѣды кушали просто,
Да жили на свѣтѣ лѣтъ со сто.

9.

Матушка наша,
Здоровая каша:
Не перцу чета,
Не порветъ живота.

10.

Не всякой, кто думаетъ, счастье находитъ:
И многое думанье въ старость приводитъ.

11.

Кто меньше толкуетъ,
Тотъ меньше тоскуетъ.

12.

Возвышаетъ жену не нарядъ — домостройство,
И платьемъ гордиться, есть глупости свойство.

13.

Нарядишь пѣнь, — и пѣнь хорошъ:
А скинь нарядъ, — на пѣнь похожъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ V.

СТЫДЪ НАГЛОСТИ.

1.

Утѣшно даромъ брать,
Да трудно отвѣчать
И трудно отдавать.

2.

Слеза хоть жидка,
Да бываетъ ѣдка.

3.

И на крапиву есть морозы,
И на грозителей есть грозы.

4.

Тѣмъ де люди не играютъ,
Отъ чего-скать умираютъ.

5.

Хвалился чортъ вселенну взять,
Да чорта Богъ велѣлъ связать.

6.

Силъ у чорта хоть довольно,
Да кутить ему не вольно.

7.

Не грѣшно,
Что̀ дано;
А что̀ силою взято,
Не свято.

8.

Велика демонска возможность,
Да люди знаютъ осторожность.

9.

Какъ подымутъ-скать гвалты сверчки по печамъ,
Такъ не будетъ де мѣста и добрымъ рѣчамъ.

10.

Стой, не бѣжи
Не въ свои рубежи,
Да паспортъ покажи.

11.

Много де слышишь,
И грозно де пишешь;
Пиши, да потише,
Такъ будешь повыше.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

СТЫДЪ ХВАСТОВСТВА.

1.

Указчикъ Ерема,
Указывай дома.

2.

Не крой чужихъ хоромъ,
Какъ свой валится домъ.

3.

Не учи-скать плавать щуку:
Щука знаетъ всю науку.

4.

Уменъ Малахъ въ потьмахъ, да есть его умнѣе;
И утро вечера бываетъ мудренѣе.

5.

На сказкахъ Фролъ бѣжитъ,
Подъ нимъ земля дрожитъ;
А вѣрить надлежитъ,
Что Фролъ въ грязи лежитъ.

6.

Размазалъ котъ высокимъ слогомъ,
И трубитъ всюду громкимъ рогомъ,
Что скачетъ мышь передъ порогомъ.

7.

Синица за море летѣла,
И море зажигать хотѣла;
Синица много нашумѣла,
Да не было изъ шума дѣла.

8.

Трубили Хавроны дары хабары,
Да поставили дѣло на вынъ-тарары.

9.

Ѳома, не сѣявъ поля рожью,
Промыслить хлѣба хочетъ ложью.

10.

По надеждѣ не хвались:
Прежде Богу помолись.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

СТЫДЪ САМОХВАЛЬСТВА.

1.

Самохвалъ, самолюбъ,
Никому-скать не любъ.

2.

Лукавый въ промыслѣ съ лукавымъ знается,
И чортъ на дьявола всегда ссылается.

3.

Оселъ выхваляетъ свой ростъ,
А лиса выхваляетъ свой хвостъ.

4.

Въ народѣ овсяная каша хвалилась,
Что будто бы съ масломъ коровьимъ родилась.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

ГЛУПОСТЬ СПѢСИ.

1.

Кто безъ знати спѣсивъ,
Кто безъ денежекъ чивъ,
Завсегда де-скать живъ.

2.

Тарасъ оплѣшивѣлъ,
И тѣмъ заспѣсивѣлъ.

3.

Кабы дятелъ въ дуплѣ не выказалъ носъ,
То никто бы не зналъ, что клевалъ онъ навозъ.

4.

Живутъ и отъ козла
Не малыя дѣла;
Какъ съимутъ козью кожу,
Да сдѣлаютъ одёжу.

5.

Земляк въ одной землѣ, родня въ одномъ селѣ,
Кисель съ десятою водой на киселѣ.

6.

Не даромъ де-скать въ міръ прогрянулъ громъ
изъ тучи,
Какъ мухи поползли изъ-подъ навозной кучи.

7.

Не чеченься, богачъ,
Мужиковъ не дурачь:
Урядятъ мужикомъ,
Будешь самъ дуракомъ.

8.

Турухтанъ въ таратайкѣ: раздайся народъ,
Шестернею пылитъ изъ воротъ въ огородъ.

9.

Не плюй въ чужой колодезь, Титъ,
Случится въ немъ воды испить.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

ВРЕМЕННАЯ ФОРТУНА ГЛУПЫХЪ.

1.

На безлюдье Ѳома дворянинъ,
А въ пустынѣ и волкъ господинъ.

2.

Временемъ и смёрдъ
Барыню беретъ.

3.

Бываетъ иногда порою,
Что и вода равна съ горою.

4.

Взяла де-скать мышь себѣ верхъ на лукошкѣ,
Какъ нѣтъ у лукошка ни маленькой кошки.

5.

Правы Фалелеи фали,
Потому что деньги дали.

6.

И глупой умнаго дурачитъ,
Какъ глупой скачетъ, умный плачетъ.

7.

И болвану, какъ пану, бываетъ таланъ,
Какъ внесутъ, да поставятъ въ боярской чуланъ.

8.

Господь велѣлъ-скать всѣмъ терпѣть,
Такъ Фролъ и хочетъ всѣхъ вертѣть.

9.

Ремесло, кто знаетъ строить,
Ремесло и разорять:
Какъ не можно что́ присвоить,
Хоть не брать да ковырять.

10.

Напалъ большой верзила
На малыхъ малышей:
Какъ есть большая сила,
Такъ радъ давить мышей.

—

ОТДѢЛЕНІЕ X.

ВОЗДЕРЖНОСТЬ, ТРЕЗВОСТЬ.

1.

Ищи себѣ-скать прибыли,
Гдѣ нѣтъ другому гибели.

2.

Чего де-скать себѣ не хочешь,
Того другому не желай;
И что̀ де-скать въ другомъ порочишь,
Подобно самъ не согрѣшай.

3.

Кто свой гнѣвъ одолѣваетъ,
Тотъ успѣшнѣе бываетъ.

4.

Стрѣльба и борьба
Молодцу похвальба,
А нужна не всегда.

5.

Кто самъ къ себѣ въ началѣ строгъ
Того хранитъ и царь и Богъ.

6.

Чистота здоровье сохраняетъ,
И воздержность разумъ укрѣпляетъ

7.

Отецъ и мать дитя пустили жить на свѣтъ,
А будетъ-скать уменъ, такъ будетъ жить сто лѣтъ.

8.

Пей, Еремей,
Да ума не пропей.

9.

Въ гости-скать жалуютъ, друга любя,
А ѣдятъ-скать, да пьютъ завсегда для себя.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

ПЬЯНСТВО.

1.

Пьянъ не кумись и не сватайся:
Трезвый назавтрѣе схватишься.

2.

Что трезвый держитъ на умѣ,
У пьянаго на языкѣ.

3.

У пьянаго вездѣ ступени:
Ему и море по колѣни.

4.

Чарка вина-скать прибавитъ ума,
А другая, да третья-скать сводитъ съ ума.

5.

Въ пьянствѣ дѣло шатовато;
А проспишься, тошновато.

6.

Не дѣтина, животина,
Кто валяется у тына.

7.

Союзился Ѳома съ кабачкомъ,
Поводился Ѳома съ коречкомъ:
Утирайся Ѳома кулачкомъ.

8.

Былъ де-скать дворъ,
И въ дворѣ былъ проворъ,
Какъ не суслилъ Егоръ;
А засуслилъ Егоръ,
Такъ ходи между дворъ.

9.

На торгу у Макара телѣга скрипитъ
Будто такъ говоритъ, что продать да пропить;
Полюбился Макару телѣжный языкъ,
Что̀ ни продалъ, то пропилъ, и сталъ какъ голикъ.

10.

Ѳаддей шесть дней любилъ спасенье,
А день седьмой-скать Воскресенье,
Да пьяныхъ съ грязи принесенье,
Прости-скать, Боже, согрѣшенье.

11.

Послушай дѣла, Кузя,
А Кузя пьянъ, какъ зюзя.

12.

Привезли, какъ бочку,
Пьянаго Исая;
Вотъ тебѣ дружочку
Грамата живая!

13.

На чарку чарку Ѳомка втюрилъ,
Да въ долгой вѣкъ глаза зашурилъ.

14.

Жилъ де-скать глупъ, а скончался де пьянъ,
Такъ на тотъ свѣтъ пошелъ де-скать чорту баранъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

ЧЕСТЬ И ПОЛЬЗА СУПРУЖЕСТВА.

1.

Лучше жениться,
Чѣмъ волочиться.

2.

Кто оженится,
Перемѣнится.

3.

Почто при добренькой женѣ,
Искать добра на сторонѣ?

4.

Живучи одной головкой,
И обѣдъ варить не ловко.

5.

Хорошо де-скать разумъ, какъ добръ у кого,
А два разума вмѣстѣ и лучше того.

6.

Двѣ головеньки
Спорѣе курятся;
И какъ ни маленьки,
А щи уварятся.

7.

Въ безлюдьѣ всяка жизнь грустна,
А на людяхъ и смерть красна.

8.

Хлѣбъ на муку не приправа:
Хорошо де-скать добренькой Савва,
Какъ есть возлѣ Саввы красава;
А Савва да Савва худая забава

9.

Дѣвкѣ ни ѣстся, ни пьется безъ парня,
А съ парнемъ ведется въ дому пивоварня.

10.

Какъ милый милаго прилучитъ,
Такъ съ милымъ жить не надокучитъ.

11.

Не пріѣстся хорошій кусокъ,
Не прискучитъ хорошій дружокъ.

12

Съ милой супругой любовь да пріятство
Утѣшнѣй богатства.

13.

Съ добрымъ другомъ и прожитокъ
Послѣ будетъ не въ убытокъ.

14.

Добра бываетъ мало,
Какъ въ домѣ мужъ жену поставитъ подъ начало;
А то еще и хуже,
Когда себѣ жена раба находитъ въ мужѣ:
Но тамо золотое дно,
Гдѣ правитъ домомъ мужъ съ женою за-одно.

15.

Доброй женѣ домосѣдство не мука,
А мучитъ жену де-скать съ мужемъ разлука.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

НЕДОСТОЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

1.

Ретивому сердцу чужая молодка
Не прочная радость, а боль да сухотка.

2.

Хоть печка и тепла, не лѣто, не весна:
Сторонняя кума добра, да не жена.

3.

Голубки, лебедки,
Гдѣ кормъ, тамъ и метки.

4.

Свѣтикъ мой миленькой,
Аленькой, синенькой,
Другъ золотой,
Потряси калитой.

5.

Уста для вѣрности бездѣльное дупло,
Бываетъ часомъ въ нихъ то холодъ, то тепло.

6.

У Сенюшки денежки: умный Семенъ;
А какъ нѣтъ де-скать денежекъ: глупъ, не уменъ.

7.

Бывалъ-скать милъ,
Да сталъ постылъ:
И слѣдъ простылъ.

8.

Зазноба, зазнобушка, горе, кручина;
Крушила, сушила, дворянскаго сына,
А горе, кручина, не стоятъ алтына.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XIV.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ВЪ СУПРУЖЕСТВО.

1.

Въ невѣстѣ лучше красоты
Ищи душевной доброты.

2.

Невѣсту доставай собою,
А не Ѳедуломъ, да Ѳомою.

3.

Честная жена для супруга душа,
А съ хорошимъ умомъ и для всѣхъ хороша.

4.

Кто ради денегъ лишь въ супружество вступаетъ,
Тотъ только вѣкъ чужой безчестно заѣдаетъ.

5.

Лучше вовсе не жениться,
Чѣмъ съ женой всегда браниться.

6.

Не надобенъ тогда и кладъ,
Какъ мужъ живетъ съ женою въ ладъ

7.

Бѣлянчикъ бѣляночкѣ милъ не по ряду:
По ласковой рѣчи, по милому взгляду.

8.

Гдѣ тѣсно,
Тамъ честно;
Гдѣ розно,
Тамъ слезно.

9.

Что и обѣдъ,
Какъ хозяюшки нѣтъ?

10.

Хлѣбъ де-скать лучше молотятъ семьёю,
И дѣло съ подмогой идетъ чередою.

11.

Не всякой хвалится женою,
Женившись для прекрасныхъ глазъ;
А добрый нравъ предъ красотою
Счастливѣй въ жизни много разъ.

12.

Жену красавицу возьмешь:
Знакомство всюду наживешь;
Жену разумную возьмешь:
Хорошихъ съ ней друзей найдешь;
Жену злонравную возьмешь,
Весь вѣкъ свой въ скукѣ проведешь.

13.

Мужъ не сапогъ,
Не скидается съ ногъ.

14.

Добрая жена веселье,
А худая злое зелье.

15.

Разумная жена прибавитъ мужу чести,
А злая разнесетъ объ немъ худыя вѣсти.

16.

Не приданымъ, дѣвица, ищи-скать супруга,
Ищи лишь добра человѣка и друга

17.

Дѣвица, ищи себѣ мужа для вѣка,
И замужъ иди, разсмотря человѣка.

18.

Не пригожъ лицомъ,
Да хорошъ умомъ:
Такъ и добръ Пахомъ.

19.

Болванъ лицемъ хорошъ,
Да къ дѣлу не угожъ.

20.

Что̀ моложе,
То-скать гоже;

А старѣе,
Такъ правѣе.

21.

Невѣста-скать родится,
Женихъ на конь садится,
А дѣло впредь равнится.

22.

Мотовать, да не женать,
Одному себѣ въ накладъ;
А женать, да мотовать,
Семерымъ живетъ въ накладъ.

23.

Милый дурень не злодѣй,
И умышленно не губитъ;
А не будетъ красныхъ дней
Для того, кто дурня любитъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XV.

НЕСЧАСТІЕ ХУДАГО СУПРУЖЕСТВА.

1.

Женитьба добрая хозяйству научаетъ,
А неудачная отъ дому отлучаетъ.

2.

Не казни Богъ бѣдою:
Женою лихою.

3.

Дожидайся бѣды, да грѣха,
Какъ жена-скать бываетъ лиха.

4.

Женился Данила на скорую руку,
На долгое горе, терпѣнье, да муку.

5.

Не радость въ чужомъ де пиру пировать,
Коли дома Макару велятъ горевать.

6.

Не веселъ въ домѣ праздникъ,
Какъ мужъ хозяйку дразнитъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

РУССКІЯ ПОСЛОВИЦЫ.

—

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

=

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ ней означается, что исполненіе добраго воспитанія наиболѣе принадлежитъ родителямъ; ибо, хотя много о томъ написано, но дѣти не столько по книгамъ, какъ по наставленіямъ отъ родителей и по ихъ примѣрамъ дѣлаются разумными.

—

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОБРОЕ ВОСПИТАНІЕ.

1.

Каковы гдѣ дядьки,
Таковы дитятки.

2.

Несчастны тѣ дитятки,
Которыхъ не журятъ ни батьки ихъ, ни матки.

3.

Дѣтямъ не порча игрушка,
А порча худая прислужка.

4.

Дѣтей наказывай стыдомъ,
А не грозою и бичомъ.

5.

Дружняя брань не бѣда,
А напредки спасетъ отъ стыда.

6.

Умъ повернешь и туды, и сюды;
Укрѣпится, такъ крѣпче стѣны,
А ослабнетъ, такъ слабже воды.

7.

Чужой дуракъ де смѣхъ,
А свой-скать стыдъ и грѣхъ.

8.

Хорошъ отецкой сынъ не только лишь богатствомъ,
А службою Царю и межъ людей пріятствомъ.

9.

Хоть дѣвица
Не черница,

А пристойно жить ей въ кельѣ;
Кротость дѣвкѣ ожерелье.

10.

Добрыхъ людей чрезъ добро получаютъ,
И добрымъ примѣромъ къ добру пріучаютъ;
А худы тамъ дѣтки отъ батекъ родятся,
Гдѣ батьки ихъ сами въ добро не годятся.

11.

Каковъ въ воспитаньи,
Таковъ въ состояньи.

12.

У кого добреньки дѣтки,
То сосѣди и сосѣдки
Далеко не ходятъ въ міръ,
Ни на праздникъ, ни на пиръ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ПРАВИЛА БЛАГОПОВЕДЕНІЯ.

1.

Вѣрь не столько обѣщанью,
Сколько твердому желанью.

2.

Бѣднаго не поноси,
Передъ сильною не труси.

3.

Передъ наглымъ тихъ не будь,
А смиренному дай путь.

4.

Первую пѣсню, зардѣвшись поютъ,
И кто вдругъ не затянетъ, такъ время даютъ.

5.

На первый случай честь, да мѣсто,
Не вдругъ и входитъ-скать невѣста.

6.

Не столько вѣрь чужимъ рѣчамъ,
Какъ собственнымъ своимъ очамъ.

7.

Дерево смотри въ плодахъ,
А людей смотри въ дѣлахъ.

8.

Болѣ вѣрь дѣламъ,
Нежели словамъ.

9.

Не знатна добродѣтель въ словахъ,
А знатна она болѣ въ дѣлахъ.

10.

Вначалѣ разсуждай,
А послѣ осуждай.

11.

Жди-скать, какъ придетъ все дѣло къ вѣнцу:
Не суди по началу, суди по концу.

12.

Кто благонравенъ, живетъ гражданиномъ,
И кто любочестенъ, живетъ дворянином,
И кто неусыпенъ, живетъ господиномъ,
А будешь искусенъ, пожалуютъ чиномъ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

СЛѢДСТВІЯ ХУДОГО ВОСПИТАНІЯ.

1.

Не нужны баловнямъ науки,
Не надобны азы, ни буки:
На то де-скать даны намъ руки,
Чтобъ ими шевелить отъ скуки.

2.

Балованный сынокъ не вѣкъ живетъ у матки,
И послѣ скается за глупыя ухватки.

3.

Кривобродинъ Абрамъ,
Хоть не прямъ, да упрямъ.

4.

Не вытекъ Фролъ въ людской каналъ,
А свойскимъ устьемъ въ море впалъ.

5.

Чортъ заоретъ,
И законъ не уймет.

=

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ ней означается, что науки и знанія суть въ жизни самыя надежныя пріобрѣтенія; и что безъ оныхъ человѣкъ не можетъ ни распространить услугъ обществу, ни вкусить благополучія, до каковаго достигать можетъ.

=

ОТДѢЛЕНІЕ I.

УЧЕНІЕ, ЗНАНІЕ, ИСКУССТВО, ДОБРЫЙ ВКУСЪ.

1.

Безъ грамоты въ попы не ставятъ;
Невѣжи умными не правятъ.

2.

Безъ буквъ и грамматики,
Не учатъ математики.

3.

Умѣй быть солдатомъ, чтобъ быть генераломъ;
Умѣй быть матросомъ, чтобъ быть адмираломъ.

4.

Ученье въ счастьи украшаетъ,
А при несчастьи утѣшаетъ.

5.

Ученіе свѣтъ, неученіе тма;
И невѣжа межъ умныхъ всегда безъ ума.

6.

Пойти въ науку,
Терпѣть и скуку.

7.

Наука не скука тому, кто проворенъ,
Кто въ словѣ не споренъ, кто въ дѣлѣ покоренъ.

8.

Трудъ при ученіи скученъ,
Да плодъ отъ ученія вкусенъ.

9.

Кто-скать смолоду трудится,
Тотъ на всячину годится.

25.

Не дорого то, что изъ золота краснаго:
Дорого то, что отъ добраго мастера.

26.

Дѣло всякой оболванитъ;
А ошибку мастеръ справитъ.

27.

Хоть и всякъ спляшетъ въ стрёхъ,
Да не какъ скоморохъ.

28.

Вѣкъ живи-скать, вѣкъ трудись,
И, трудяся, вѣкъ учись.

29.

Искусство боретъ страхъ
На сушѣ и въ моряхъ.

30.

Воинъ искусный не бродитъ,
А знаетъ, гдѣ войска онъ водитъ.

31.

Не спрашивай-скать стараго,
А спрашивай бывалаго.

32.

Умный грѣшитъ,
Да поправитъ спѣшитъ;

И порядокъ поставитъ,
И дѣло исправитъ.

33.

Море льется-скать глубоко,
И земля лежитъ далеко:
Мудрено сотворено,
Только есть и въ морѣ дно.

34.

Клинъ-скать клиномъ выбивай,
И худой въ работѣ пай
Разумѣньемъ поправляй.

—

ОТДѢЛЕНІЕ II.

СЛѢДСТВІЕ НЕВѢЖЕСТВА И ГРУБОСТИ.

1.

Не на пользу-скать книги читать,
Коли только вершки лишь хватать.

2.

Живетъ, что и съ силой добра не бываетъ,
Яганова пушка своихъ побиваетъ.

3.

Пустился вѣтеръ съ дуру въ море;
Кому не думалъ, сдѣлалъ горе.

4.

Ѳома хоть съ пригорщни гороху молотитъ,
Изъ силы вонъ лѣзетъ, да цѣпомъ колотитъ.

5.

Рюмили сидни, тужили,
Что дали, да въ ротъ не вложили.

6.

Свершилъ бы дьякъ правѣе дѣло,
Да грамота дьяка уѣла.

7.

Ни пало, ни сѣло,
И вотъ тебѣ дѣло!

8.

Козелъ де шелъ позадь, а Фролъ напереди,
Такъ Фролъ козла-скатъ свелъ, и къ бабѣ не ходи.

9.

Позавидовалъ дыбый плѣшивому,
Будто таланту счастливому.

10.

Слѣпой во слѣдъ слѣпому идетъ,
А оба зги въ глазахъ не видятъ.

11.

Обулъ мужикъ сѣ ножки
Въ сафьянные сапожки;
Да отъ роду впервые,
Такъ носитъ ихъ кривые.

12.

Ерема калякалъ, Ѳома пустозвякалъ,
А Трифонъ что́ слышалъ, то въ дѣло набрякалъ.

13.

Дошли до невѣжи старинныя вѣсти,
Что соколъ съ сорокой летаютъ не вмѣстѣ.

14.

Что-то, кому-то въ ладони-скать дали,
И все тебѣ туто; а что? не видали.

15.

Таковъ вороній весь словарь,
Что Карпъ не карь, а мѣринъ карь.

16.

Видитъ Исай, какъ другіе шагаютъ,
И радъ бы-скать въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

17.

Хоть дворянской кто сынъ,
Тотъ плохой дворянинъ,

Какъ у спѣси дворянской
Да разумъ крестьянской.

18.

Посади мужика ты за столъ,
Онъ положитъ и ноги на столъ.

19.

Грѣя плечи возлѣ печи,
Не мѣшайся глупой къ рѣчи.

20.

Не знаетъ Вавила
Ни уха, ни рыла;
А баетъ Вавила:
Въ мозгу де-скать сила.

21.

Пьемъ и ѣдимъ-сѣ, какъ люди:
Да чѣмъ же-скать въ мірѣ мы худы!

=

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Въ ней означается, что счастіе и несчастіе наше зависятъ наиболѣе отъ сообщества, въ какомъ мы обращаемся; и что выборъ людей въ дружбу и короткое знакомство есть въ жизни человѣческой дѣло, достойное самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

=

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВАЖНОСТЬ ВЫБОРА ЛЮДЕЙ ВЪ СООБЩЕСТВО

ТРЕТЬЕЙ
ГИМНАЗІИ.

Въ свиданьяхъ друга не узнаешь,
Какъ въ дѣлѣ съ нимъ не побываешь.

2.

При счастьи пріятелей много вездѣ:
А прямаго-скать друга узнаешь въ бѣдѣ.

3.

Шапошно знакомство
Не пойдетъ въ потомство.

4.

Старый вѣрный другъ
Лучше новыхъ двухъ.

5.

Много въ мірѣ всякихъ братцовъ,
Не со всѣми съ ними знаться.

6.

Гость на пирушкѣ гости;
А пошелъ онъ отъ кружки, прости.

7.

Много-скать сбору
И много простору:
Что старецъ,
То ставецъ;
Что келья,
То мельня;
И грузно, и возно,
Да все де-скать розно.

8.

Для пьяныхъ рай не на востокѣ,
На винномъ, да пивномъ протокѣ.

9.

Попадешься шальному подъ пьяную руку,
Не пуститъ до завтра гулять на поруку.

10.

За любовь, да за дружбу удалы ребята
Доѣхали свата до самаго мата,

11.

Удружили, услужили,
Такъ что голову вскружили.

12.

Ищи себѣ друзей такихъ,
Чтобъ не было стыда отъ нихъ.

13.

Отъ худыхъ и злонравныхъ людей
Погибаетъ и добрый Авдей.

14.

Одна овечка опоршивѣетъ,
И цѣло стадо оплѣшивѣетъ.

15

Овцы съ волками не ходятъ,
Своимъ де-скать табаромъ бродятъ.

16.

Лучше, буде льзя, съ худымъ
Не дружиться и не знаться,
Чѣмъ, дружася съ таковымъ,
Завсегда остерегаться.

17.

Зимѣ, да лѣту
Союзу нѣту.

18.

Поводился Зотъ съ кусакой;
Хоть и добръ, слыви собакой.

19.

Съ пчелкой водившись, получишь медокъ,
А водившися съ жучкой, навозу шматокъ.

20.

Отъ чего-скать Макаръ никуды не годился?
Бывалъ де-скать добръ, да съ худымъ поводился.

21.

Гдѣ наглость и похабство,
Тамъ подлость, тамъ и рабство.

22.

Лжецъ всегда невѣрный другъ,
Оболжетъ тебя вокругъ.

23.

Не другъ, кто въ худѣ потакаетъ;
А другъ, кто правду изрекаетъ.

24.

Худое тамъ пойло овечки смѣкаютъ,
Гдѣ волки у рѣчки водицу лакаютъ;
Хоть въ пойлѣ овечкамъ товарищи волки,
Да послѣ ихъ волки уцѣпятъ за холки.

25.

Поводися съ Цыганомъ,
Такъ будешь болваномъ.

26.

Бываетъ кормъ коня дороже,
И съ сѣдокомъ бываетъ то же.

27.

Шутъ не годится ни въ вѣрность, ни въ дружбу:
Поставитъ онъ въ шутку и дѣло и службу.

28.

Бояринъ шуту радъ,
Да съ нимъ не ходитъ въ рядъ.

29.

Пьяница идетъ на пиръ
На раздоръ, не на миръ.

30.

Не въ своемъ кругу Филатъ
И дружился и братался;
Былъ Филатъ и другъ и братъ,
Только скоро пробратался.

31.

Тарасъ, грѣхомъ, въ грязи увязъ,
Да хочетъ въ грязь визитъ и насъ.

32.

Коли съ чортомъ, Пронозя, побратски живалъ,
Такъ не сватайся къ намъ, убирайся съ пропалъ.

33.

Не только людей,
Что Ѳома, да Ѳадей.

34.

Не только свѣта, что окошко;
Не только міру, что Мирошка:
Ко всѣмъ пробита-скать дорожка.

35.

Скупому, хоть ниву задаромъ уступить,
А съ нивы соломы назадъ не укупить.

36.

Знакомство бываетъ по нуждѣ,
А вѣкъ пребываетъ по дружбѣ.

37.

Не годится къ стражѣ воръ,
Ни дуракъ на разговоръ.

38.

Разумный любитъ научаться,
А глупый любитъ всѣхъ учить;
Но лучше съ умнымъ поспорчаться,
Чѣмъ съ глупымъ цѣлый вѣкъ прожить.

39.

Дурака не заставливай Богу молиться:
Онъ лобъ разобьетъ, хоть не подобно биться.

40.

Дуракъ Творца не воспомянетъ,
Покамѣстъ съ неба громъ не грянетъ.

41.

Лучше умная хула,
Чѣмъ дурацкая хвала.

42.

Съ умнымъ рѣчи къ разговору,
А съ безумнымъ лишь на ссору.

43.

Съ умнымъ, что́ ни потеряешь,
Съ нимъ убытокъ поправляешь:
А съ безумнымъ хоть найдешь,
Да напасти наживешь.

44.

Съ умнымъ найтить,
Съ дуракомъ уронить.

45.

Умный не всегда развяжетъ,
Что̀ дуракъ, дуря, завяжетъ.

46.

Дуракъ-сѣ въ воду камень кинетъ,
А десять умныхъ вонъ не вынутъ.

47.

Дуракъ неизлечимо болѣнъ,
И въ глупенькомъ Самъ Богъ не воленъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ ней означается, что науки при воспитаніи иногда могутъ быть недостаточны къ нашему спокойству и счастію, если къ онымъ не будетъ присоединено познаніе взаимнаго нашего между людьми положенія и познаніе вещей, относительныхъ къ разнообразнымъ въ жизни обстоятельствамъ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ДОБРОЕ ОБХОЖДЕНІЕ.

1.

Возьмите въ умъ, дитятки,
Что ласковы телятки;
Сосутъ за то двѣ матки.

2.

Кто услуженъ,
Тотъ и нуженъ.

3.

Кто въ гости не ѣздитъ, къ себѣ не зоветъ,
Тотъ недобрымъ слыветъ.

4.

Что мужикъ творитъ по службѣ,
Дворянинъ творитъ по дружбѣ.

5.

Приласкаешь и собаку,
Не пойдетъ съ тобою въ драку.

6.

Ласково слово и ласковый видъ
И свирѣпаго звѣря къ рукамъ приманитъ.

7.

Впередъ людей не забѣгай,
А отъ людей не отставай.

8.

Дитя просить не смѣетъ,
А мать не разумѣетъ.

9.

Одному-скать Богъ въ помочь, другому челомъ,
И пошло де-скать дѣло своимъ чередомъ.

10.

Зовутъ и поѣсть и попить на обѣдъ,
Да въ обѣдѣ и слово готовь на отвѣтъ.

11.

Посохъ бери на дорогу,
И слово готовь на подмогу.

12.

Слово во время и кстати
Сильнѣе письма и печати.

13.

Не вѣдаетъ гость, что̀ въ умѣ у Никиты;
Открыты блинцы, а гостинцы закрыты.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ЗНАНІЕ СВѢТА И СВѢТСКОЙ ПРИЛИЧНОСТИ.

1.

Большое мѣсто взявъ,
Умѣй давать уставъ.

2.

Хорошо и тамъ и тутъ;
Гдѣ по имени зовутъ.

3.

Не барину тотъ пиръ,
Куда бредетъ весь міръ.

4.

У голоднаго хлѣбъ на умѣ,
А у сытаго грузъ въ кораблѣ.

5.

Пастухъ де считаетъ-скать, цѣлы ль бараны,
А воинъ считаетъ-скать битвы, да раны.

6.

Пригожство крѣпости милѣй:
Крѣпка тюрьма, да чортъ ли въ ней?

7.

Шалилъ, дурилъ, вздурился,
Сѣдой мужикъ обрился,
А въ дѣтки не годился.

8.

Куликъ на мѣстѣ соколиномъ
Не будетъ птичьимъ господиномъ.

9.

Не ко всякому дѣлу потребенъ мудрецъ,
Прилучится, что въ дѣлѣ мудрецъ не вострецъ,
И за поясъ заткнетъ мудреца молодецъ.

10.

Горькой въ міру
Не годится въ пиру:
Чортъ и пляшетъ и скачетъ,
Да горя не спрячетъ.

11.

По Сенькѣ-скать шапка, по шапкѣ-скать Сенька,
И дѣло ладненько.

12.

Не по старцу мусокъ,
Не годится въ мѣшокъ.

13.

Работникамъ даютъ алтыны,
А ихъ нарядчикамъ полтины.

14.

Въ домѣ нахалъ
Почивалъ, отдыхалъ,
А того не слыхалъ,
Какъ хозяинъ вздыхалъ.

15.

Котелъ горшка бранитъ,
Что черенъ онъ на видъ;
А самъ замазанъ въ сажѣ,
Чернѣй горшка и гаже.

16.

Подглядчикъ, лазутчикъ,
Подъ плутомъ поручикъ.

17.

Чортъ де-скать въ шайкѣ на дьяволѣ ѣдетъ,
И дьявола возитъ, и чорта-сѣ бредитъ.

18.

Хотя въ болотѣ тихо,
А жить тамъ людямъ лихо.

—

ОТДѢЛЕНІЕ III.

НУЖНАЯ СВОБОДНОСТЬ ВЪ ЖИЗНИ.

1.

Въ неволю не входи смѣхомъ,
Чтобъ въ узахъ вѣкъ не быть грѣхомъ.

2.

Была бы свободная нива,
А нива не будетъ безъ пива.

3.

Замѣшался баранъ середь стада быковъ,
И трудненько барану скакать черезъ ровъ:
А поскачутъ быки, хоть не радъ, да готовъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

СОБСТВЕННЫЙ ПРИСМОТРЪ.

1.

Не штука въ деньгахъ шумъ,
А штука къ деньгамъ умъ.

2.

Не причина богатство нажить,
Да причина, наживъ, не тужить.

3.

Счастье трудно находить,
А труднѣе сохранить.

4.

Чужимъ умомъ
Не скопишь домъ.

5.

Хоть и чтетъ мужичокъ у ткачевыхъ красёнъ,
Посмотри-ка по берду, да нѣтъ ли близёнъ.

6.

Прикащикъ городъ надобитъ,
А въ городѣ голодный Титъ
Прикащика не жалобитъ,
Лишь былъ бы самъ прикащикъ сытъ.

7.

Адамъ худой совѣтъ послушалъ:
Съѣлъ яблоко, и рай прокушалъ.

8.

Что въ счету-скать просчитаешь,
То мошною доверстаешь.

9.

Кто въ карты играетъ,
Тотъ масть примѣчаетъ.

10.

Заочно яйца только купятъ;
Смотрѣть скорлупокъ съ нихъ не лупятъ.

11.

Не всюду съ вѣрою,
А иногдѣ съ мѣрою.

12.

Счетъ пріязни не теряетъ,
А порядокъ сотворяетъ.

13.

Гдѣ правитъ рабъ хозяйской домъ,
Хозяинъ самъ живетъ рабомъ.

14.

Волкъ не глядитъ на хозяйску заботу,
А крадетъ овецъ и изъ счета безъ счету.

15.

Знаютъ пролазы, гдѣ раки зимуютъ,
Туда-скать и пальцы на промыслы суютъ.

16.

Тотъ печался, кто ручался,
А обманщикъ взялъ, умчался.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

РАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Не все добро, что добрымъ кажется,
И худо то, что худомъ кажется.

2.

Добро есть добро,
Да не всяко равно:
А иное съ ногами,
Другое съ рогами.

3.

Не всякой даръ
Бери въ амбаръ:
Дары и мудрыхъ ослѣпляютъ,
И часто въ сѣти уловляютъ.

4.

И суму носить съ умомъ,
Чтобъ сума была съ добромъ.

5.

За моремъ малъ за корову запросъ,
Только дорого должно платить за провозъ.

6.

Хоть дорого купи,
Да было бы къ пути.

7.

Жидкій растворъ,
Хоть и скоръ, не приспоръ.

8.

Пойдутъ Тарасы восвоясы,
Какъ мелки для пути припасы.

9.

Хоть и много-скать радѣешь,
Шиломъ моря не нагрѣешь.

10.

Разомъ тяпъ, да ляпъ,
Выйдетъ только кляпъ.

11.

Едина ласточка весны не сотворитъ,
Едина часточка за все не говоритъ.

12.

Хоть вдвое, хоть втрое,
Не прочно худое.

13.

Добра не вѣсятъ худомъ;
Бываетъ золотникъ,
Хотя и не великъ,
Дороже передъ пудомъ.

14.

На вѣсу фунтъ пуда хуже.
А даютъ имъ цѣну ту же.

15.

Дешево, да гнило;
Дорого да мило.

16.

Гдѣ нѣтъ хозяина, не прибыль стоословъ,
А добра голова прокормитъ сто головъ.

17.

Деревья безъ плода садятъ,
Да послѣ плодъ отъ нихъ ѣдятъ.

18.

Отъ добраго выбора родъ и племя,
Не однимъ ведется, тремя, четырьмя.

19.

Иное для виду пригоже,
Другое для крѣпости гоже.

20.

Всякую ягоду въ руки берутъ,
Да не всякую ягоду въ кузовъ кладутъ.

21.

Однажды отрѣжь, а десятью примѣрь,
Чтобы менѣе было въ запросѣ потерь.

22.

На хворомъ конѣ недалеко уѣдешь:
Ужа изъ пустой колоды не нацѣдишь.

23.

Гдѣ сшито на живую нитку.
Тамъ жди прорѣхи и убытку.

24.

Что̀ непорчено — не ново,
И на нужду не здорово.

25.

Дуремъ путь къ уходу
Изъ огня, да въ воду.

26.

Вороши, не вороши,
А шиши не хороши.

27.

Худая-скать игра,
Когда въ ней нѣтъ добра;
А то и вовсе бросить,
Когда-скать вредъ приноситъ.

28.

Хоть люди и много де впредь уповаютъ,
Надежды и счастье невѣрны бываютъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ОСТОРОЖНОСТЬ РАЗСУЖДЕНІЙ И РѢШЕНІЙ.

1.

Бѣдность не смѣхъ,
И неволя не грѣхъ.

2.

У бѣднаго шуба овечья,
А та же душа человѣчья.

3.

Старцы ведутся не родомъ,
А Божьимъ во старцы приводомъ.

4.

Посла не бьютъ и не бранятъ,
Какъ самъ посылатель виноватъ.

5.

Кузьма плуталь, Ефремъ былъ тутъ,
Да тѣмъ Ефремъ не сталъ быть плутъ.

6.

Не всякой плутъ, кто видомъ худъ,
Приметы въ свѣтѣ часто лгутъ.

7.

Не всякой умёнъ,
Кто вкраснѣ наряженъ;
А бываетъ съ умомъ
И не красный Пахомъ.

8.

Верблюдъ и горбатъ,
Да не мерину братъ.

9.

Дрова хоть и кривы, да прямо горятъ;
Какъ въ чемъ есть де-скать польза, на видъ не глядятъ.

10.

По платью-скать сватью встрѣчаютъ,
А вонъ по уму провожаютъ.

11.

Соколъ малъ,
Да удалъ.

12.

Въ море стрѣлка
Не бездѣлка.

13.

Соловей не великъ,
Да великъ его кликъ.

14.

Видомъ-скать конь не богатъ,
А бѣжитъ, сто рублевъ де сулятъ.

15.

Старый козелъ не красёнъ,
Да козлятокъ рогами пасётъ.

16.

Старый воинъ
Новыхъ водитъ.

17.

На свѣтъ хоть маленьки родимся,
А выростемъ, также годимся.

18.

На аршинъ борода, да ума ни на пядь,
Такъ космату собаку не батькою звать.

19.

Того же деревца
И ложка и лопата:
Равно бываетъ такъ, отъ одного отца,
Не схожи по всему родимые два брата.

20.

Великонекъ,
Да плохонекъ;
А маленекъ,
Да умненекъ.

21.

Не суди по пріѣзду,
Суди по отъѣзду.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

1.

Богу молись,
А въ дѣлахъ не плошись.

2.

Храни себя отъ бѣдъ,
Пока еще ихъ нѣтъ.

3.

Гдѣ видѣнъ путь прямой,
Не ѣзди на кривой.

4.

Не потакай своимъ,
Чтобъ страхъ подать чужимъ.

5.

Одинъ разумный согрѣшитъ,
Да многихъ глупыхъ соблазнитъ.

6.

Каковъ гдѣ попъ,
Таковъ приходъ.

7.

Хоть не золъ, да хвалишь злова:
Наживешь худое слово.

8.

Одумай прежде то умомъ,
Что будешь ты писать перомъ.

9.

Безъ имени овца баранъ,
И дно въ лукошкѣ барабанъ.

10.

Промчалъ, не отвѣчалъ:
Потому согласенъ сталъ.

11.

Хоть щепку кинь на вдовій дворъ,
Къ тому приложатъ всякой вздоръ.

12.

Попавши къ пьянымъ въ станъ,
Хоть пьянъ, не пьянъ Степанъ.

Да первый скажетъ: пьянъ,
Другой примолвитъ: пьянъ,
И третій скажетъ: пьянъ:
Ложися спать, Степанъ!

13.

Былъ бы конь дорогъ, да лысинка есть:
А за малымъ пятномъ и головка не въ честь.

14.

Кто добру мысль свою таитъ,
Излишней скромностью грѣшитъ.

15.

Хулу, напраслину и всяку лживу рѣчь,
Не столько спорами, какъ дѣломъ поперечь.

16.

Каково живешь,
Такъ и прослывешь.

17.

Идти на рать,
Такъ бердышь брать.

18.

Ѣздя въ море,
Помни горе.

19.

Безъ забора, безъ запора,
Не спасешься-скать отъ вора.

20.

Не провѣдавъ броду,
Не пускайся въ воду.

21.

Не бродь овца въ медвѣжій слѣдъ:
Оглянется, да съѣстъ въ обѣдъ.

22.

Батько, киселюшко, кто ты таковъ,
Коли въ ротъ, да глотай, и не надо зубовъ?

23.

Волкъ хоть усталъ, хоть не можетъ,
Овечку всегда переможетъ.

24.

Змѣя погибаетъ,
А ядъ испускаетъ.

25.

Аввакумъ скажетъ наобумъ,
А ты бери себѣ на умъ.

26.

Про лебедку припѣвку поютъ,
А молодкѣ навѣтку даютъ.

27.

Овечку стригутъ:
И другія того жъ себѣ ждутъ.

28.

Какъ ожжешься на ушицѣ,
Станешь дуть и на водицу.

29.

Безъ умыслу могу-съ-ли слова перепутать.
А мухи подлѣзутъ, какъ мухъ передавить.

30.

Съ богатымъ не тяжись,
И съ сильнымъ не дерись.

31.

Сердцемъ много не достанешь,
Какъ-сказать губу не протянешь:
У кого-сказать губа толще,
У того-сказать брюхо толще.

32.

Сердита собака медвѣдя потравить,
Какъ сама-сказать о землю хлобыснется, да хлобыстнетъ.

33.

Въ судѣ убогенькій съ богатымъ,
Хоть правъ, бываетъ виноватымъ.

34.

Господская воля нуждицею нудитъ,
А сильную руку лишь Богъ де-сказать судитъ.

35.

Горшку съ котломъ не ловко биться,
И должно скоро расшибиться.

36.

Не шути съ такимъ ты шутокъ,
Кто на всяко слово чутокъ.

37.

Языкъ отъ словъ не тупится,
И слово въ брань не купится;
Напустится бранчивый Титъ,
Безпошлинно людей бранитъ.

38.

Собачій лай людей не знаетъ,
И на владыку часто лаетъ.

39.

Не посылай ты черта на вѣсти,
Въ дорогѣ треснетъ онъ отъ зависти.

40.

Соннаго льва не буди, не трони;
И въ покоѣ злодѣя себѣ не дразни.

41.

Какъ ты дѣло не ворочай,
А языкъ руки короче.

12.

Кошкѣ игрушка,
А мышкѣ бѣдушка.

13.

Не радуйся, нищій, нашедши находку:
Отдашь и послѣднюю рубашку въ охотку,
Какъ станутъ просить, наступивши на глотку.

14.

Противъ рожна не можно прать:
Отдашь, какъ сила будетъ брать.

15.

Не держи въ дому злодѣя,
Не держи и дурака:
Глупый злаго не добрѣя,
Лишь боится кулака.

16.

Пожары искорка творитъ,
И отъ нее сыръ боръ горитъ.

17.

Искру тушй до пожара;
Напасть отводи до удара.

18.

Безъ причинной бѣды не бываетъ бѣда:
Разобьется кувшинъ, такъ прольется вода.

49.

Разумный только свиснитъ,
А кто догадливъ, смыслитъ.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

1.

Знай, кому добро творишь
И кого за что̀ даришь.

2.

Приготовь домашнимъ пищу,
А потомъ давай ты нищу.

3.

Коль можешь, жалуй ты чужихъ,
Но прежде жалуй ты своихъ.

4.

Не въ томъ де-скать милость, чтобъ дѣтокъ родить,
А въ томъ, чтобъ учить, да добромъ наградить.

5.

Дѣлай-скать добро такому,
Кто добро творитъ другому.

6.

Давши, тотъ взялъ,
Кто достойному далъ;
Кто же злыхъ награждалъ,
Тотъ свой даръ потерялъ.

7.

Умному дань: похвала и барышъ;
А безумному дань: только грѣхъ сотворишь.

8.

Дѣлатель, послѣ заботъ и труда,
По закону, достоинъ вкусить отъ плода.

9.

Пріятно и легко такому помогать,
Кто можетъ хлѣбъ найти и можетъ сберегать.

10.

При случаѣ добро ты дѣлай неотложно:
На свѣтѣ не всегда творить его возможно.

11.

Добродѣтель собою хотя награждается,
Доброй награды-скать тѣмъ не чуждается.

12.

Господь щедроту тамъ отмѣнно простираетъ,
Гдѣ въ обществѣ одинъ другому помогаетъ.

13.

Подпора избушкѣ добра-скать при худости,
Помощь и милость добры-скать при скудости.

14.

Творивши добро, не жури какъ свекровь,
Не нуждай благодарность, не путай любовь.

15.

Кто, сдѣлавъ добро, попрекаетъ,
Тотъ цѣну его умаляетъ.

16.

Деньги-скать: умнымъ наука,
Несмысленнымъ мука,
Скупому боязнь,
А бездѣльнику казнь.

17.

Спроси не молодаго
Про стараго сѣдаго;
Спроси про молодаго
У стараго сѣдаго.

18.

Медвѣдь собакамъ не угодникъ,
Свинья въ саду не огородникъ;
И волкъ овечкамъ не пастухъ,
Плохой судья, кто глупъ, иль глухъ.

19.

Скорѣе друга сыщешь,
Кого-скать въ нуждѣ взыщешь;
А кто богатъ собою,
Не дорожитъ слугою.

20.

Чортъ безъ подмоги
Проищетъ дороги:
Одинъ-скать содомитъ
И двери проломитъ.

21.

Не годится къ худому хорошій совѣтъ,
Ни на глупый вопросъ доброумный отвѣтъ.

22.

Не собина волкъ:
Не добыча приводъ.

23.

Кормленый волкъ не будетъ песъ:
Корми, а онъ глядитъ на лѣсъ.

24.

Хозяинъ добръ, да не отъмеетъ,
Какъ волкъ съ овцы овчину съмеетъ.

25.

Съ голодухи песъ не мретъ,
А другаго пса сожретъ.

26.

Наглому дай волю:
Онъ захочетъ болѣ.

27.

Указкою глупаго фалю не выучишь:
Ласкою наглаго гостя не выгонишь.

28.

На крѣпкой сукъ точи топоръ:
На брань умѣй давать отпоръ.

29.

Не дѣлай милости злодѣю,
Чтобъ послѣ милостью твоею
Не сѣлъ другому онъ на шею.

30.

Хороша тому честь,
Кто умѣетъ расчесть;
Хороша и гроза
На безстыдны глаза.

31.

Слава, что мухи намъ свѣтъ заслоняютъ,
А ихъ-скать и муры кажутъ и гоняютъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

МѢРНОСТЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Живется въ свѣтѣ уповаючи,
Да плохо жить изнемогаючи.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

1.

Видѣть, чувствовать на свѣтѣ,
Есть лишь только просто быть:
Кто жъ имѣетъ смыслъ о свѣтѣ,
Тотъ умѣетъ быть и жить.

2.

За добрыя дѣла цѣны достойной нѣтъ:
За нихъ платить не можетъ свѣтъ;
Но кто способствуетъ къ сей платѣ сколько можно,
Тотъ платитъ за добро не ложно.

3.

Глупаго счастье сгубляетъ,
А умному путь расширяетъ.

4.

Догадка знанія мудрѣе,
А въ свѣтѣ жить умѣть и всѣхъ наукъ хитрѣе.

5.

Задній переднему хвостъ,
А передній для задняго мостъ.

6.

Мужикъ себѣ на пашнѣ,
Дивится много башнѣ,
Что башня высока;
А кто стоитъ на башнѣ,
Тотъ видитъ все на пашнѣ,
Не только мужика.

7.

Бываетъ въ пирогахъ пшеница хуже ржи,
Бываетъ, не въ попадъ, и правда хуже лжи.

8.

Копье куетъ кузнецъ,
А бьетъ копьемъ вострецъ.

9.

Орлы себѣ для славы бьются,
А людямъ перья достаются.

10.

Обѣдъ тогда варятъ,
Когда дрова горятъ.

11.

Пройдетъ горчицѣ череда:
Горчица послѣ не ѣда.

12.

Куй де желѣзо, пока горячо,
Чтобы послѣ надъ тѣмъ не устало плечо.

13.

Даровому коню-скать не смотрятъ на зубы,
И шапочка, въ даръ, лучше купленой шубы.

14.

Мошна не говоритъ,
А чудеса творитъ.

15.

Куда иголка промѣстится,
Туда и нитка протащится.

16.

Передни колесы отъ силы вертятся,
А задни колеса и сами катятся.

17.

Хозяинъ добръ: и домъ хорошъ;
Хозяинъ худъ: и въ домѣ то жъ.

18.

Не скроменъ людъ,
Какъ баринъ худъ.

19.

Долгая бабина дума, безъ дѣла,
Ума не придастъ, ни корысти, ни тѣла.

20.

Долго думать, сидя въ лужѣ,
Быть тому же.

21.

На свѣтѣ не диво,
Что жжется крапива;
Жигуча родится,
А во щи годится.

22.

Гдѣ приходъ и расходъ,
Тамъ не быть безъ хлопотъ.

23.

Не красна изба углами,
А красна изба друзьями.

24.

Съ кѣмъ миръ да ладъ,
Такъ тотъ и братъ.

25.

Съ другомъ-скать и воду
Выпьешь лучше меду.

26.

По гостямъ, коли любо, гуляй:
Да и самъ ворота отворяй.

27.

Не будь для гостя-скать богатъ,
Да будь ему при встрѣчѣ радъ.

28.

У старца въ кельѣ праздникъ малъ,
А радъ-скать тѣмъ, что̀ Богъ послалъ.

29.

Что̀ скупой изъ-заморья съ трудомъ достаетъ,
То̀ въ окно тороватому Богъ подаетъ.

30.

Не тратя своего,
Не купишь ничего.

31.

Не береги слуги ты въ дѣлѣ,
Да не обидь его въ раздѣлѣ.

32.

О домѣ старъ гонобидъ,
Себѣ палаты собитъ;
А кто и помоложе,
Себѣ гонобитъ то же.

33.

Пѣшій за гусемъ усталъ отъ дороги,
Спросилъ бы у гуся: не зябнутъ ли ноги?

34.

Коникъ не сытъ
Далеко не бѣжитъ.

35.

Мало къ работѣ находится годныхъ,
Какъ сытый въ довольствѣ не помнитъ голодныхъ.

36.

Безъ крестьянина, пахатника,
Не заводится бархатника.

37.

Сытъ попамарь, и попу попадаетъ:
Какъ заживетъ крестьянинъ, и пану доходъ.

38.

Не кормятъ пѣсни соловья,
Какъ нѣтъ сосѣда-муравья:
У муравья хоть нѣча слушать,
Да есть въ запасѣ, что покушать.

39.

Не вскормивши малаго,
Не видать и стараго.

40.

Мала дѣла пожалѣешь,
И къ большому не доспѣешь.

41.

Дѣлу начало
Пошло бы, да стало;
Какъ денежекъ мало.

42.

На добромъ коникѣ въ угонку,
А на худомъ ступай въ сторонку.

43.

Яблочко отъ яблоньки недалеко катится:
Деньга отъ разумнаго не къ пропажѣ тратится.

44.

Долгъ красенъ-скать платежемъ,
А избытокъ лежемъ.

—

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

СЛѢДСТВІЯ ХУДАГО ПОВЕДЕНІЯ.

1.

Человѣкъ, на безпорядкѣ,
Мучитъ вѣкъ, какъ въ лихорадкѣ.

2.

Повадится кувшинъ-скать по воду ходить.
На томъ и голову кувшину положить.

3.

Что было-скать, припомнится,
И къ слову де примолвится.

4.

Люди на свѣтѣ
О чемъ ни прослышутъ,

Что было въ примѣтѣ,
Болтаютъ и пишутъ.

5.

Шило въ мѣшкѣ не таится,
Концемъ де внаружу явится.

6.

Сорока въ новый кустъ всегда перелетаетъ,
Какъ старый замараетъ.

7.

Вѣдаетъ кошка, чье мясо украла,
Боится конца де-скать прежде начала.

8.

Всѣми Ненила
Кутила, мутила,
Да скоро Ненила,
Смутившися, взвыла.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

СЛѢДСТВІЯ НЕРАЗСМОТРИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Искалъ обороны
Пѣтухъ у вороны;
И сдѣлался грѣхъ,
Что и куркамъ на смѣхъ.

2.

Осердившись на блохъ,
Не къ пути одѣяло сожогъ.

3

Купя корову, сталъ доить:
Явился быкъ, инъ такъ и быть.

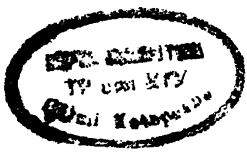
4.

Гомонили простофили,
Да добра не учинили.

5.

Господь намъ разумъ далъ добро и худо знать,
Добро всегда творить, а худа избѣгать.

КОНЕЦЪ.



Stanford University Libraries
3 6105 001 341 424

PG
3311
.B6
1848
v.1

AUG 19 1988

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

37

Stanford University Libraries
3 6105 001 341 424

PG
3311
.B6
1848
v.1

AUG 19 1988

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305